Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

ФЕДЯЕВА Елена Владимировна

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Н.Н. Болдырев

Тамбов 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА 19

1. Логико-философские аспекты понятий количества и качества .. 19

1.1. Количество в философии и логике 19

1.2. Специфика природы числа 24

1.3. Качество в философии и логике 30

1.4. Количество vs качество: логико-философские основания взаимодействия 34

2. Лингвистические аспекты понятий количества и качества 40

2.1. Исследование количества в лингвистических концепциях прошлого и современности 40

2.2. Исследование качества в лингвистических концепциях прошлого и современности 47

2.3. Лингвистическое понимание понятия меры 51

3. КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО в когнитивной парадигме исследований 54

3.1. Антропоцентрический принцип как основной методологический принцип исследования соотношений КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА 54

3.2. КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО как базовые структуры сознания 56

3.3. Понятие языковой интерпретации 64

3.4. КОЛИЧЕСТВО как интерпретирующий формат знания 69

3.5. Типы и форматы знаний как когнитивная основа количественной интерпретации качества 77

3.6. НОРМА как когнитивная доминанта количественной интерпретации качества 91

3.7. Инферентное знание и процесс количественной интерпретации качества 100

3.8. Когнитивные и языковые механизмы формирования количественно-качественных смыслов 107

3.9. Понятие количественной интерпретанты 116

3.10. Метод концептуально-инференционного анализа 120

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I 123

ГЛАВА II. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ 126

1. Типологические особенности языков как отражение этнокультурной специфики категоризации мира 126

2. Векторы реализации количественной интерпретанты 130

3. Числовой вектор реализации количественной интерпретанты . 133

3.1. Число в сознании и языке 133

3.2. Числовой ряд как интерпретационная модель качества 136

3.3. Конвенциональные шкалы как коллективные схемы знания и интерпретационные модели качества 153

3.4. Индивидуальные шкалы как интерпретационные модели качества 165

4. Предметно-количественный вектор реализации количественной интерпретанты 171

4.1. Категория предметности и ее специфика 172

4.2. «Определенное количество предметов» как интерпретационная модель качества 177

4.3. «Неопределенное количество предметов» как интерпретационная модель качества 182

4.3.1. Грамматическая категория числа существительного и ее интерпретирующий потенциал в отношении качества 182

4.3.2. Конвенциональные и неконвенциональные квантификаторы как репрезентанты интерпретационной модели «неопределенное количество предметов» 189

5. Признаково-количественный вектор реализации количественной интерпретанты 204

5.1. Определенно-количественные прилагательные как средство интерпретации качества 205

5.2. Неопределенно-количественные прилагательные как средство интерпретации качества 212

5.2.1. Количественно-оценочные прилагательные как средство интерпретации качества 212

5.2.2. Параметрические прилагательные как средство интерпретации качества 229

5.3. Имя существительное как средство интерпретации качества 251

6. Процессуально-количественный вектор реализации количественной интерпретанты 273
6.1. Специфика проявления количества в сфере глагола 273
6.2. Репрезентация дискретного процессуального признака как модель интерпретации качества 274
6.3. Репрезентация недискретного процессуального признака как модель интерпретации качества 282
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II 303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 306
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 312
СПИСОК СЛОВАРЕЙ 351
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА 352

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика изучения взаимодействия основных категорий бытия, одними из которых являются категории **количества** и **качества**, относится к числу так называемых «вечных» философских проблем языка. Впервые выделенные Аристотелем, категории количества и качества на протяжении всей истории человечества и развития научной мысли были и остаются объектом пристального внимания философов, логиков, историков, антропологов, этнологов, лингвистов. Объяснение этому усматривается в значимом статусе данных категорий, на который указывал еще Плотин, подчеркивая, что «множественность элементов мышления дает категорию количества и числа, а их разнообразие дает категорию качества. Из этих начал, или наивысших категорий, происходят затем все дальнейшие, и все роды и виды вещей» [Плотин 1994: 16].

Значимость категорий количества и качества объясняется тем, что любой объект окружающей действительности представляет собой совокупность определенного качества и количества, качественную величину количества и количественно определенное качество. Количество и качество, таким образом, отражают компоненты, синтезирующие результаты чувственного познания действительности в сознании субъекта. Количественно-качественные переходы как результат взаимодействия и взаимообусловленности данных категорий указывают на их ярко выраженный гносеологический характер. Присутствуя во всех общественных процессах, являясь неотъемлемыми составляющими любой сферы деятельности человека, данные категории раскрывают основные принципы развития человеческого общества, объясняют динамику мирового социального процесса и вопросов глобализации, способствуют пониманию количественно-качественных преобразований отдельных аспектов жизнедеятельности человека.

Отмеченный высокий гносеологический статус категорий количества и качества, позволяющий рассматривать их в качестве доминирующих форм

мышления, объясняет их подробное языковое картирование: количественно-качественные смыслы пронизывают все уровни языка. Исследованию способов репрезентации количества и качества в языке, специфике их языкового выражения посвящено множество работ, выполненных в русле различных теоретических направлений, на материале разных языков.

Вместе с тем представляется, что к неосвещенным на сегодняшний день проблемам относится проблема взаимодействия данных категорий, связанная с поиском глубинных механизмов формирования количественно-качественных смыслов. Применение когнитивного подхода, концентрирующего свое внимание на антропоцентрической природе языка, открывает потенциал для анализа количественно-качественных соотношений и предопределяет **актуальность** проведенного исследования. Решение проблемы количественной интерпретации качества в контексте заявленного подхода способствует повышению уровня экспланаторности в отношении способности человеческого сознания оперировать различными механизмами и структурами знания в процессах формирования мнения о качестве на базе количественных параметров с помощью языка. Таким образом, **актуальность** исследования проблемы взаимодействия количественно-качественных отношений и их языковой репрезентации обусловлена целым рядом факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие:

− ведущая роль концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО в мышлении и языковой картине мира, обусловливающая множественность средств их языковой репрезентации;

− включенность данной проблемы в круг современных научных исследований в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, позволяющей выявить когнитивные механизмы взаимодействия концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО, формирования количественно-качественных смыслов и их реализации в различных типах дискурса;

– сложность и многоаспектность проблемы взаимодействия количественно-качественных отношений в сознании и языке, определяющая необходимость междисциплинарного подхода к их изучению.

Интеграция различных существующих теоретических концепций и подходов определила общее направление предпринятого исследования: в качестве отправной точки принимается онтологическая соотнесенность категорий количества и качества, их логико-философское осмысление и когнитивные основания взаимодействия данных категорий, формирующие базу для количественно-качественных переходов. В фокусе внимания находятся разнообразные языковые репрезентанты количества, которые рассматриваются как определенный формат концептуализации и языковой интерпретации качества. **Объектом** исследования являются средства языковой репрезентации количества в языке, **предметом** – интерпретирующий потенциал количественных смыслов в отношении языковой характеристики качества объектов и событий, когнитивные и языковые механизмы формирования новых, количественно-качественных смыслов.

Цель данного исследования заключается в моделировании процесса количественной интерпретации качества в языке, выявлении когнитивных операций и механизмов формирования качественных характеристик на базе языковых единиц с количественными смыслами. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- определить понятийную природу количества и качества в рамках существующих логико-философских концепций, представить анализ имеющихся в традиционной лингвистике исследований категорий количества и качества;
- выявить и описать специфику концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО, показать их роль в репрезентации мира;
- описать опыт исследования когнитивных оснований взаимодействия количества и качества с учетом интерпретирующей природы сознания, показать корреляции между исследуемыми концептами;

- продемонстрировать обусловленность процесса концептуализации и языковой интерпретации количества универсальными знаниями, культурными конвенциями и собственным когнитивным опытом индивида;
- выделить и проанализировать когнитивные и языковые механизмы процесса количественной интерпретации качества и формирования качественных смыслов на базе языковых единиц с количественными смыслами;
- разработать методику анализа процесса количественной интерпретации качества;
- на основе анализа языковых средств репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО осуществить моделирование процесса количественной интерпретации качества;
- описать репертуар инферируемых качественных смыслов и показать зависимость интерпретирующих характеристик от области определения;
- учитывая индивидуальный характер интерпретации, а также лингвокреативный характер языковой личности, обосновать принципиальную открытость класса средств языковой репрезентации КОЛИЧЕСТВА, обусловливающую его высокий интерпретирующий потенциал в отношении качественных свойств действительности.

В качестве **теоретической основы** данного исследования выступают работы, посвященные рассмотрению категорий количества и качества в философии, логике, математике (Аристотель, К. Берка, Г. Гегель, Г. Грассман, Э. Кант, А. Лебег, Г. Лейбниц, Дж. Локк, А.Ф. Лосев, Плотин, А. Пуанкаре, Г. Фреге, К. Юнг, С.А. Яновская); работы, касающиеся исследования категорий количества и качества в языке (Г.Г. Галич, О.Н. Ляшевская, В.З. Панфилов, Л.Д. Чеснокова, В.С. Храковский, О.С. Шибкова, G.G. Corbett); работы в рамках интегративной теории репрезентации и оперирования знанием в языке (Л.В. Бабина, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, С.Г. Виноградова, В.С. Григорьева, О.Г. Дубровская, О.В. Магировская, Л.А. Панасенко, Л.А. Фурс); работы, выполненные в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, В.Г. Гак, Г. Гийом, В.Б.

Гольдберг, В.З. Демьянков, С.А. Жаботинская, О.К. Ирисханова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов); когнитивной лингвистики (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, Р.И. Павилёнис, L. Barsalou, W. Croft, D.A. Cruise, R. Jackendoff, M. Johnson, G. Lakoff, R. Langacker, Z. Pylyshin, L. Smidt, L. Talmy, F. Ungerer и др.).

Характерная для современной лингвистики тенденция к трансдисциплинарности дает возможность объединения данных, полученных в рамках различных научных направлений исследований, с целью более глубокого осмысления способов репрезентации в языке основных координат бытия человека. Настоящее исследование позволяет уточнить ряд логико- и лингвофилософских аспектов категорий количества и качества, выявить и объяснить когнитивные основания взаимодействия данных категорий, продемонстрировать результаты этого взаимодействия в языке и реконструировать стоящие за этим взаимодействием когнитивные процессы и механизмы.

Теоретическая концепция предлагаемого диссертационного исследования заключается в понимании сущности количественной интерпретации качества как процесса, в основании которого лежит **принцип когнитивного перехода от количества к качеству**. Данный принцип вытекает из общих положений и законов в философии и логике о количественно-качественных корреляциях, выступающих в качестве основания для получения нового знания в процессе языковой интерпретации. Переход реализуется при помощи когнитивной операции инференции, выступающей одновременно в роли интегративного звена между количеством и качеством и средства перехода. Таким образом, исследование количества как определенного формата знания позволяет продемонстрировать, что в процессе языковой концептуализации количественных отношений действительности (на основе оценки, формирующейся в сознании индивида в рамках определенных норм, ценностей, стереотипов) формируется новое знание – знание о качестве, которое является инферентным и, следовательно, результатом языковой интерпретации. Количество выступает средством интерпретации качества, а качество представ-

ляет собой конфигурацию выводного знания, актуализация которого осуществляется в on-line режиме в процессе речепорождения.

Многомерность и сложная организация концепта КОЛИЧЕСТВО, его связь с концептом КАЧЕСТВО обусловили необходимость введения нового понятия – **количественной интерпретанты**. Количественная интерпретанта как фактор и основа формирования нового смысла отражает объективированные единицами языка результаты интерпретации субъектом количественных параметров объектов и событий мира. Она представляет собой единство интерпретирующего количественного концепта и формы его языковой репрезентации, например: {МНОГО + *семь*} в словосочетании: *знать семь языков*. Количественная интерпретанта, таким образом, выполняет функцию активации выводного знания, обеспечивая когнитивный переход от количества к качеству: *знать семь языков* → ‘умный’, ‘образованный’, ‘одаренный’. Большой содержательный объем понятия количественной интерпретанты, мотивированный объективным многообразием доступных восприятию количественных характеристик реальной действительности, обусловил необходимость моделирования специфики интерпретирующего потенциала количества в отношении качества на основе выделенных в работе **числового**, **предметно-количественного**, **признаково-количественного** и **процессуально-количественного векторов** реализации количественной интерпретанты.

Базовым **методологическим принципом** исследования выступает положение об антропоцентрической природе языка, получившее свое развитие в рамках когнитивной парадигмы, и рассматривающее язык как когнитивную деятельность, как продукт человеческого сознания. В этом контексте процесс количественной интерпретации качества подразумевает наличие познающего субъекта – интерпретатора количественного и качественного аспектов мира. Динамическая природа процесса количественной интерпретации качества, многоступенчатый характер перехода от количества к качеству обусловили необходимость разработки и использования нового метода исследования – **концептуально-инференционного анализа**. Данный метод раскрывает при-

роду процесса познания индивидом количественного аспекта действительности и последующего осмысления качественных характеристик на базе коллективных схем знаний и представлений о количественно-качественных соотношениях. Применение данного метода связано с исследованием как интерпретирующей (КОЛИЧЕСТВО), так и интерпретируемой (КАЧЕСТВО) концептуальных областей, позволяя, тем самым, продемонстрировать инферентную природу нового формирующегося знания. Разработка нового метода исследования изучаемого феномена свидетельствует о новизне работы.

Следует отметить, что до настоящего времени исследование категорий количества и качества в лингвистике осуществлялось преимущественно разнонаправленно, что подразумевало их раздельное, вне связи друг с другом изучение. **Новизна** данного исследования заключается в рассмотрении языковых категорий количества и качества в их взаимодействии и моделировании интерпретирующего потенциала количества в отношении качества на основе анализа языковых средств репрезентации данных понятий.

Она определяется также следующими теоретическими выводами и полученными практическими результатами:

1) выявлены когнитивные основания взаимодействия категорий количества и качества;

2) осуществлено моделирование процесса количественной интерпретации качества в языке;

3) продемонстрирована зависимость языковой интерпретации качества от коллективных и индивидуальных схем знания о количестве;

4) показан характер нового знания о качестве – продукта интерпретирующего языкового сознания;

5) разработан и применен метод концептуально-инференционного анализа;

6) на материале английского, французского, русского языков выделены и проанализированы векторы реализации процесса количественной интерпретации качества в языке;

7) установлена зависимость инферированных качеств от интерпретируемой концептуально-тематической области;

8) выявлены универсальные когнитивные и языковые механизмы, лежащие в основе процесса количественной интерпретации качества в языке и формирования соответствующих смыслов.

Результаты исследования процесса количественной интерпретации качества позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Концептуализация количественных различий объектов и явлений действительности способствует формированию в сознании человека определенной интерпретирующей структуры знания – концепта КОЛИЧЕСТВО. Интерпретирующий характер данного концепта обусловлен его антропоцентрической природой и внутриязыковым статусом. Количественное многообразие мира, представленное широким спектром языковых средств его передачи, определяет существенный интерпретирующий потенциал концепта КОЛИЧЕСТВО;

2. Онтологически мотивированная связь категорий количества и качества обусловливает способность количества выступать в роли механизма инферирования качественных характеристик: в процессе концептуализации количественных параметров в языке активируются связанные с ними структуры знаний о качественных свойствах объектов и событий действительности;

3. Процедура инферирования качественных характеристик осуществляется на основе когнитивных моделей интерпретации, включающих конвенциональные энциклопедические знания о количественно-качественных отношениях, специфические знания, приобретенные в рамках определенной лингвокультуры, а также индивидуальный когнитивный опыт человека;

4. Количественные концепты, вербализованные в языке, выступают в функции количественной интерпретанты качества, являясь одновременно и средством доступа к имеющимся у индивида знаниям о количестве, и средством инферирования имплицитных качественных смыслов, возникающих на

базе количественных показателей. Реконструкция процесса формирования количественно-качественных смыслов становится возможной благодаря методу концептуально-инференционного анализа, который позволяет выявить концептуальные характеристики, создающие основу для формирования выводного знания, а также само это знание;

5. Языковые средства репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО характеризуются смысловым синкретизмом, совмещая в себе эксплицитное значение квантитативности с потенциально-имплицитным значением квалитативности и оценки. Это позволяет рассматривать их в качестве средств, способных обеспечивать извлечение новых качественных смыслов;

6. Моделирование процесса количественной интерпретации качества осуществляется на основе выделения векторов реализации количественной интерпретанты: числового, предметно-количественного, признаково-количественного, процессуально-количественного. Данные векторы представлены в языке конкретными интерпретационными моделями;

7. Инферирование количественно-качественных смыслов зависит от области их определения, что обусловлено многообразием существующих норм в отношении качественных показателей различных объектов и событий мира. В результате количественной интерпретации качества ингерентные количественные признаки объектов и явлений дополняются новым знанием о качестве этих сущностей. В рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК количественная интерпретанта обусловливает процесс инферирования качественных смыслов в отношении различных характеристик, присущих человеку. В рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ выводимые качественные смыслы связаны с функциональными характеристиками объектов. В рамках концептуально-тематической области ПРИРОДА количественная интерпретанта обеспечивает инферирование качественных характеристик, связанных с осмыслением природных феноменов, состояния атмосферы;

8. Основными когнитивными механизмами формирования количественно-качественных смыслов являются механизмы абстрагирования, ограничения, сравнения, метафоризации, фокусирования и дефокусирования, воображаемого движения, мультиплицирования. Доминирующим является когнитивный механизм шкалирования, базирующийся на представлении о шкалах (коллективных и индивидуальных) как схемах осмысления количества по линии «много» / «мало» и основы для соответствующего вывода о качестве того или иного феномена;

9. В качестве языковых механизмов формирования количественно-качественных смыслов выступают: номинация объектов, явлений и их характеристик (части речи) – числительные, существительные, прилагательные, глаголы, наречия, сочетаемость языковых единиц, а также синтаксические конструкции и фразеологические единицы;

10. В основе процесса количественной интерпретации качества в языке лежат общие принципы взаимодействия концептов КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА, в целом единые схемы и схожие механизмы осмысления количественно-качественных корреляций, что подтверждается фактическими данными английского, французского и русского языков. Это свидетельствует об их универсальности и общем интерпретирующем статусе в концептуальной системе человека, вне зависимости от его принадлежности к конкретной культуре. Последнее, однако, не исключает их культурно обусловленной вариативности на концептуальном и языковом уровнях.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что в нем предложена авторская концепция языковой интерпретации качества объектов и событий на основе репрезентации их количественных параметров, что способствует дальнейшему развитию общей и когнитивной теории языка, выявлению творческой природы сознания, осмыслению специфики процессов категоризации и концептуализации количества и качества, объяснению межконцептуальных связей между ними.

В работе анализируются основные содержательные характеристики понятий количества и качества; когнитивные и языковые механизмы исследуемого процесса; проводится анализ языковых средств английского, французского и русского языков как индикаторов количественно-качественных смыслов, мотивированных количественно-качественными связями окружающей действительности, что способствует дальнейшему развитию общей теории репрезентации знаний в языке.

В результате междисциплинарного подхода к исследованию заявленной проблематики в работе осуществлено моделирование процесса количественной интерпретации качества, описаны интерпретационные модели, лежащие в основании данного процесса, проанализированы когнитивные и языковые механизмы исследуемого процесса, разработан метод концептуально-инференционного анализа, представлена типология векторов реализации процесса количественной интерпретации качества, что является теоретическим вкладом настоящей работы в развитие теории интерпретации. Применяемый в работе метод концептуально-инференционного анализа способствует дальнейшему развитию общей методологической базы исследований, поскольку его использование не ограничивается выявлением специфики взаимодействия количества и качества. Определенный вклад в развитие понятийно-терминологического аппарата когнитивных исследований языка вносят введенные в работе понятия **количественной интерпретанты**, **векторов реализации** исследуемого процесса.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных в ходе исследования результатов и выводов, в преподавании таких теоретических дисциплин, как общее языкознание, лексикология, теоретическая грамматика, межкультурная коммуникация, история лингвистических учений, основы теории второго иностранного языка; при подготовке спецкурсов и семинаров по когнитивной лингвистике; в исследовательской практике при написании выпускных квалификационных работ, диссертаций, выполнении научных проектов; в преподавании иностранных языков.

Материалом исследования послужили произведения современных англо-, франко- и русскоязычных авторов, информационные интернет-ресурсы и словари. Объем собранного корпуса примеров – более 12 000 единиц.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в форме докладов и выступлений на научных мероприятиях, в том числе: Международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Белгород, 2017; Москва, 2018; Нижний Новгород, 2019; Екатеринбург, 2020); VIII международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты» (Новосибирск, 2019), национальной научной конференции «Современная парадигма анализа языка и межкультурной коммуникации и ее аппликативный потенциал в обучении родному и иностранным языкам» (Барнаул, 2019), Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018), Международной научной конференции «Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике» (Барнаул, 2018), Международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016), I международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 2012), II международной научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2011), IV международной научно-практической конференции «Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике» (Барнаул, 2010), I научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2010).

Результаты исследования получили апробацию на заседаниях кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Всероссийском научном семинаре «Проблемы когнитивной лингвистики» по программе повышения квалификации в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Дер-

жавина (2016, 2017, 2018); в выступлениях на заседаниях кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, научных семинарах, научных сессиях и курсах повышения квалификации по филологии и лингвистике в Новосибирском государственном техническом университете.

Материалы исследования нашли отражение в лекционных курсах «Введение в теорию межкультурной коммуникации», «Основы истории и теории второго иностранного языка», читаемых автором в Новосибирском государственном техническом университете.

По теме диссертационного исследования опубликовано 45 работ, в том числе авторская монографияи 2 главы в коллективных монографиях, 20 статей в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований, 2 статьи – в изданиях, индексируемых в международной базе Web of Science, 1 статья – в журнале, индексируемом в Scopus.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, включающей 438 источников, Списка словарей и Списка источников фактического материала.

Во **Введении** приводится общая характеристика проблемы, обосновывается выбор темы, определяются актуальность, новизна, объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются концепция исследования и разработанный метод анализа, приводятся положения на защиту, обозначаются теоретическая и практическая значимость работы, материал и методы исследования, излагается структура диссертации.

В Главе I «Теоретические предпосылки исследования взаимодействия количества и качества» представлены некоторые понятийные аспекты категорий количества и качества в логике и философии, проанализированы различные подходы к изучению данных категорий в традиционной лингвистике. Содержатся базовые положения когнитивной лингвистики, связанные с процессами концептуализации, категоризации и языковой интерпретации дейст-

вительности. Освещаются вопросы взаимосвязи количества и качества, исследуются содержание и объем концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО. Особое внимание уделяется доминантному статусу и интерпретирующей природе концепта КОЛИЧЕСТВО, его использованию в роли механизма осмысления количественно-качественных отношений действительности. В Главе I также описаны различные типы схем знаний, регулирующих исследуемый процесс, обосновывается значимость для исследования понятия нормы, описываются когнитивные операции и механизмы процесса количественной интерпретации качества. Приводятся теоретические обоснования и предпосылки процесса количественной интерпретации качества. Обосновывается концепция исследования, определяются новые понятия и метод анализа.

Глава II «Моделирование процесса количественной интерпретации качества в языке» представляет собой анализ выделенных векторов реализации процесса количественной интерпретации качества: числового, предметно-количественного, признаково-количественного, процессуально-количественного. Анализируется специфика формируемых в рамках выделенных векторов инферентных качественных смыслов. Осуществляется моделирование процесса количественной интерпретации качества в языке, изучаются когнитивные и языковые механизмы реализации этого процесса с использованием метода концептуально-инференционного анализа, реконструируются интерпретационные модели, характерные для того или иного вектора, описывается репертуар инферированных качественных смыслов.

В **Заключении** обобщены результаты исследования, подведены итоги и сделаны выводы, обозначены перспективы дальнейшего изучения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА

1. Логико-философские аспекты понятий количества и качества

1.1. Количество в философии и логике

Как объект рассмотрения философии количество, представляя собой одну из характеристик предмета, противопоставляется качеству и мере, и является одной из категорий, под которыми в соответствии с логико-философской традицией принято понимать наиболее фундаментальные понятия, отражающие всеобщие существенные свойства и отношения действительности, сформировавшиеся в результате обобщения опыта исторического развития познания. Обусловленность объективной действительностью в отношении количества имеет наиболее опосредованный характер, что позволяет говорить о ней как об одной из наиболее абстрактных категорий мышления современного человека [Панфилов 1977: 160]. Согласно философской энциклопедии, количество – одна из базовых философских категорий, «отображающая общее в качественно однородных вещах и явлениях. Чтобы выявить в них это общее, необходимо, во-первых, установить их однородность, т.е. показать, в каком именно отношении они эквивалентны между собой, во-вторых, выделить то свойство или отношение, по которому рассматриваемые вещи сравниваются, и абстрагироваться от других их свойств» [НФЭ 2001: 270]. Становится очевидным, что количество включает в себя признаки наличия, однородности и объективной определенности объектов.

Первое развернутое и четкое определение данной категории было дано Аристотелем, опиравшимся на достижения древнегреческой математики. В терминах Аристотеля, количество есть «то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, и величина, если его можно измерить. Множеством при

этом называется то, что в возможности (потенциально) делится на части не непрерывные, величиною – то, что делится на части непрерывные» [Аристотель 2002: 173]. Еще одной важной для общего понимания понятия количества представляется мысль Аристотеля относительно того, что «количеству нет ничего противоположного; при определенных количествах ясно, что не существует чего-нибудь противоположного, например, для величины в два или в три локтя, или для данной поверхности, или для чего-нибудь подобного: ведь им ничто не является противоположным, разве только если сказать, что многое противоположно малочисленному или большее – малому. Все это не есть количество, но скорее отношение. Ничто не называется большим или малым само по себе, но лишь поскольку оно сопоставимо с другим, как, например, гора называется малой, а пшеничное зерно большим – поскольку последнее больше однородных предметов, а первая меньше таких предметов. Таким образом, происходит сопоставление с другим: ведь если бы вещь называлась большей или меньшей сама по себе, то гора никогда бы не называлась малой, а пшеничное зерно – большим» [Аристотель 1998: 1128-1129].

В представленных рассуждениях усматривается достаточно сложный и неоднозначный характер количества, заключающийся в разграничении в пределах одной категории дискретного – считаемого количества и непрерывного (недискретного) – измеримого количества. Многообразие количественно характеризуемых объектов и явлений реальной действительности объясняет дуальную природу количества, его существование в двух ипостасях – дискретном количестве, определяемым посредством счета (число), и недискретном, определяемым посредством измерения (величина). Именно такое понимание природы данной категории, заключающейся в оппозиции исчисляемого и измеримого количества, нашло свое отражение во всех дальнейших исследованиях, посвященных его анализу. Г. Гегель, подчеркивал, например, что «количество как ближайший результат для-себя-бытия содержит в себе как идеальные моменты обе стороны своего процесса: отталкивание и притяжение; оно поэтому столь же непрерывно, сколь и дискретно. Каждый

из этих двух моментов содержит в себе также и другой, и нет, следовательно, ни только непрерывной, ни только дискретной величины» [Гегель 1974: 246]. Таким образом, начиная с Аристотеля, подчеркивающего, что «… многое и немногое есть состояние числа, а большое и малое – состояние величины» [Аристотель 2002: 450], внутреннее разграничение и в то же время единство *дискретного* и *недискретного*, т.е. *числа* и *величины* принимается как базовое и последовательно развивается во всех работах, посвященных исследованию данной категории.

В отличие от *числа* как результата определения дискретной совокупной мощности какого-либо множества, *величина* является результатом измерения интенсивности недискретного количества (признака), что, впрочем, не отменяет возможности выражения интенсивности в терминах числа, поскольку к числам мы прибегаем «для отчетливого определения величины» [Лейбниц 1983: 156]. В самом широком смысле величина есть все то, что способно увеличиваться и уменьшаться. Понятие величины настолько многоаспектно, что, по мнению А. Лебега, можно было бы «создать теорию, которая одновременно была бы приложима к объемам и к честолюбию, к температуре и аппетиту, к государственному бюджету и к плодородию почвы, к уму, к уровню воды в Сене, к удивлению, к образованию и т.д. Можно сказать, что истинные затруднения представила бы задача отыскания чего-либо, что не является величиной, что ни в каком смысле не способно ни увеличиваться, ни уменьшаться» [Лебег 2009: 151–152]. Из этого следует, что многообразие свойств предметов и явлений мира как определенного рода величины могут быть измеримы, т.е. сравнимы. В целом, под количеством, по мнению К. Берка, «подразумевается все, что может быть каким-либо способом изображено в числах: любое квантифицируемое – исчисляемое или измеряемое – свойство» [Берка 1987: 59].

Отмеченная выше объективная внутренняя сложноустроенность категории количества усматривается исследователями еще и в том, что «в одном случае количество в наиболее общем философском смысле объясняется на

основе несущественных различий; в другом – под количеством понимается только мощность какого-либо множества; в третьем – количество разъясняется как качество, рассматриваемое в его пространстве и во времени» [Тимофеев 1972: 9]. В рамках дальнейшего анализа логико-философского осмысления категории количества внимания заслуживает еще один важный аспект понятийного содержания количества, заключающийся в соотносимости количества с пространством и временем. Изучение соотношения данных понятий нашло свое отражение в работах многих философов. Относя пространство и время к непрерывному количеству, Аристотель указывает, что у «числа, например, нельзя найти общую границу его частей, но они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам. Между тем линия непрерывна: можно указать общую границу, у которой соприкасаются ее части, – точку и также у поверхности – линию: ведь части плоскости тоже соприкасаются у некоторой общей границы. Таким же образом и у тела можно указать общую границу – линию или поверхность, у которых соприкасаются части тела. Также и время и место (пространство) принадлежат к числу таких количеств: теперешнее время соприкасается как с прошедшим временем, так и с будущим. В свою очередь, и место принадлежит к непрерывным количествам: части тела, которые соприкасаются у некоторой общей границы, занимают определенное место, значит и части места, которые занимает каждая из частей тела, соприкасаются у той же границы, у которой соприкасаются и части тела. Поэтому и место будет непрерывным: ведь его части соприкасаются одной общей границы» [Аристотель 1998: 1125–1126].

По мнению Г. Гегеля, пространство и время есть определенные примеры т.н. «чистого количества» [Гегель 1974: 261]. Сближение количества с пространством и временем прослеживается в работах Э. Канта, о чем свидетельствуют приводимые им определения пространства и времени. Пространство, по Э. Канту, есть форма внешней чувственности, которая представляется как бесконечно данная величина. «Пространство вовсе не представляет свойства каких-либо вещей самих по себе, а также не представляет оно их в их отно-

шении друг к другу. Иными словами, оно не есть определение, которое принадлежало бы самим предметам. Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности. Стало быть только с точки зрения человека мы можем говорить о пространстве, о протяженности и т.п.» [Кант 1994: 51–52]. Время у Э. Канта «есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Именно потому, что это внутреннее созерцание не имеет никакой внешней формы, мы стараемся устранить и этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразное составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и заключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени…» [Там же: 56–57]. Можно говорить о том, что пространство и время в философии Э. Канта выступают как непосредственное содержание категории количества, поскольку к ним применимы такие термины, как «величина» и «измерение». Таким образом, с точки зрения связи количества с пространством и временем количество может пониматься как качество в пространственно-временном аспекте, с точки зрения его бытия в пространстве и времени.

Подводя предварительный итог, отметим, что даже довольно беглый взгляд на историю развития логико-философских аспектов осмысления количества позволяет отнести данную категорию к числу фундаментальных онтологических и, как следствие, философских категорий, исследование которой, ввиду многообразия количественных отношений действительности, до сих пор не может считаться окончательно завершенным. Абстрактная природа количества подразумевает мысленное теоретическое обобщение, что и объясняет неослабевающий интерес к данной категории, издавна проявляемый философами, логиками, антропологами, культурологами, лингвистами.

1.2. Специфика природы числа

Представленные выше общие положения, характеризующие категорию количества, позволяют усмотреть тесную связь между количеством и числом. Являя собой простейшую форму количества, целое положительное число, как и феномен числа в целом, представляют собой сферу интереса математиков и логиков, философов и культурологов. Это объясняет наличие множества концепций, связанных с попытками описания его природы. Осознание масштаба проблемы, связанной с реконструкцией общенаучного понятия числа, обусловлено, прежде всего, широким спектром возможных точек отсчета при рассмотрении данного понятия, будь то исследования числа в математике, философии, психологии, мифологии, культуре и т.п.

Теоретическое познание феномена числа связано, прежде всего, с математикой – наукой «о бытии *особенного* как о бытии, *созданном* мышлением» [Грассман 2008: 79]. Известная максима «все есть число» получила свое развитие в рамках пифагореизма еще до нашей эры. Данное положение свидетельствует о том, что древние греки понимали математику, оперирующую числами, скорее в качестве одного из направлений философии, нежели инструмента для операции счисления. Обустройство жизни в согласии с божественным космическим законом Пифагор видел в правильной связи и соразмерности всего сущего, источником которой служили числовые отношения. Первоначалом всего считалось число, оно признавалось первичным по отношению ко всей природе и ко всем природным вещам: без числа ничто сущее не может ни быть, ни быть познанным, а числа познаваемы и сами по себе [Щетников 1997: 4].

В современном понимании число, представляя собой научный концепт высшей степени абстракции, есть значимый элемент научного знания. Число в математике, как известно, суть результат анализа количественных различий при полном абстрагировании от качественной природы исследуемых объектов. Необходимо подчеркнуть, что, учитывая, безусловно, важный математический аспект природы числа, заключающийся в том, что, по словам А. Лебе-

га, «действия над числами освобождают нас от необходимости производить некоторые испытания, поскольку дают возможность вывести искомые результаты этих испытаний из предшествующих наблюдений» [Лебег 2009: 29], сами математические формы количества как простая сводимость количества к числу отражают довольно узкое толкование понятия количества. Важно понимать, что, по мнению С.А. Яновской, «для того, чтобы могло возникнуть понятие числа, необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств) и действенное (практическое) отношение человека к ним, состоящее в умении приводить эти множества в соответствие друг с другом» [Яновская 1990: 479].

Описывая процесс формирования идеи числа и счисления с позиций математика, А. Лебег указывает на тот факт, что если маленькому ребенку предложить взять себе и двум сестрам по конфете, то сначала он позаботится о себе, затем отнесет конфету одной из своих сестер, затем вернется взять еще конфету, чтобы отнести и ее. В более старшем возрасте он избежит хождения взад и вперед: он возьмет сразу три конфеты, говоря: для меня, для Луизы и для Рэне. Можно предположить (и наблюдения над некоторыми первобытными племенами как будто подтверждают эту гипотезу), что аналогичным путем, сравнивая две коллекции предметов, люди научились с ч и т а т ь, т. е. сравнивать две разные совокупности с одной и той же совокупностью слов некоторой фразы. Эти слова были названы ч и с л а м и. При счете или перечислении мы мысленно связываем каждый новый объект рассматриваемой совокупности с каждым из следующих друг за другом слов нашей фразы (или последовательность чисел); последнее произнесенное число указывает на число предметов в совокупности. Это число рассматривается как итог экспериментальной операции перечисления, так как оно является полным отчетом о ней [Лебег 2009: 19].

Элементарные подсчеты числа предметов, составляющих различные множества, первоначально представляли собой, таким образом, приведение в соответствие и установление равномощности множеств предметов, что, в

свою очередь, свидетельствует о том, что ключевым моментом в становлении и дальнейшем формировании идеи числа и количества лежит несчитываемое множество предметов, типа *куча, много*, *уйма* и т.д. Имеющиеся на сегодняшний день данные в области археологии и этнографии, математики, истории философии и культуры подтверждают, что «в структуре зарождающегося рационального количественного видения мира первичным было не число как таковое, а «множество» с особым образно-смысловым содержанием» [Парнюк 1991: 31].

В результате наблюдений за внешним миром один предмет часто называли *луной* или *солнцем*, два предмета – *крыльями*, *глазами* или *ушами*, для групп из более чем двух предметов использовались пальцы рук и ног и т.д. Части тела человека, предметы антропосферы и объекты окружающего мира становятся ранними эталонами измерения множеств. Это свидетельствует о том, что идея количества хоть уже и присутствует в сознании, но еще не может мыслиться в отрыве от понятий о конкретных предметах, поэтому названия самих предметов счета всегда присутствуют в процессе счисления. Заметим, что и сегодня в сознании некоторых примитивных народов число и объект не дифференцируются. К. Меннингер замечает в этой связи, что в языках жителей острова Фиджи количество предметов представлено одним словом. 10 лодок обозначают словом *bola*, 10 кокосовых орехов – *koro*, а тысячу орехов –*saloro*. Эти обозначения являются иллюстрацией количества, «привязанного» к различным объектам [Меннингер 2011: 18].

По мнению И. П. Меркулова, в ходе когнитивной эволюции произошла постепенная смена доминирующих когнитивных типов мышления и переход от преимущественно образного, правополушарного мышления к мышлению преимущественно знаково-символическому (логико-вербальному), левополушарному, а также развитие последнего в условиях цивилизации [Меркулов 1999: 63]. Можно предположить, что указанный переход, последовательная трансформация сознания и развитие сознательного эго стали причиной изобретения цифровых символов. После изобретения цифровых символов, запи-

санное число подсчитанных предметов обязательно сопровождалось либо их картинкой, либо соответствующим условным символом, обозначающим эти предметы [Там же: 163]. По данным М. Дональда, например, для обозначения *единицы* использовались точка, а также черта; для обозначения *10 единиц* использовался круг; а *60 единиц* – перевернутый треугольник. Различные комбинации этих базовых условных символов приводили к довольно значительным числовым значениям: круг, помещенный в перевернутый треугольник, обозначал «шестьдесят раз по десять» или «шестьсот» [Donald 1991: 287].

Необходимо отметить, что изобретение цифровых символов способствовало тотальной сакрализации чисел, поскольку благодаря символическим манипуляциям появилась возможность выявить определенные математические свойства чисел и отношения между ними и, соответственно, транслировать сакральный смысл отдельных чисел на другие числа цифрового ряда. Искусство счета в древности относилось исключительно к сакральной сфере жизнедеятельности людей, оно должно было руководствоваться священными образцами. Судя по обнаруженным надписям на египетской пирамиде, таким искусством, например, владела «душа» фараона, которая могла сосчитать число пальцев рук и тем самым успешно справиться с испытанием, предложенным «злым духом» [Меркулов1999: 160]. Подчеркнем также, что, начиная с архаических времён, числа играли важную роль в процессах формирования не только ранних представлений об окружающей человека действительности, но и культурных систем в целом. С числами были связаны не только представления человека о происхождении мира, но и представления о том, что есть число по отношению к самому человеку как естественное стремление к самопознанию.

Философское осмысление понятия числа существенно обогащает понимание его природы. Еще Платон, задаваясь вопросом о том, содержится ли в самом понятии числа что-нибудь субъективно-психологическое, полагал, что всякий разумный человек должен сказать, что не содержится. Подобно пифагорейцам, рассуждая о диалектике числа, философ подчеркивал, что числа

являются для всех остальных вещей причинами сущности: «число не есть что-нибудь случайное, но оно необходимое определение самой сущности; число должно быть прежде всего *сущим*, т.е. наличным в мысли, в уме, умным числом. Умные числа существуют сами по себе, независимо от моего рассуждения; все случайности и искажения, претерпеваемые умными числами в моей психике, не нарушат чистоты и абсолютной правильности самих чисел, ибо моя психика – только сфера, где проявляются числа и где они могут не проявляться» [цит. по Лосев 1994: 736–739].

Схожим образом число как врожденную идею, вложенную в человека Творцом, понимает Р. Декарт, подчеркивая, что «число мыслится нами вполне отчетливо, если только мы не примысливаем к нему никакого понятия субстанции. Поскольку число не существует в сотворенных вещах, оно является только модусом мышления» [Декарт 2011: 167–169]. В этих рассуждениях Р. Декарта содержится идея об интерпретирующем, субъективном характере числа.

Э. Кант рассматривает число как «чистое» понятие, в основе которого лежит схема как продукт способности воображения a priori. Таким образом, если мы мыслим число вообще, безразлично, будет это *пять* или *сто*, то такое мышление есть скорее представление о методе соединения множества, которое и есть определенного рода схема. Чистая схема величины (quantitatis) как понятия рассудка есть ч и с л о, т.е. представление, объединяющее в себе последовательное присоединение единицы к единице (однородного) [Кант 1998: 178].

Г. Фреге подчеркивает, что «число объективно и нечувственно (истинно). Основание же объективного не может лежать в чувственном впечатлении, которое в качестве аффектации нашей души является совершенно субъективным, но, насколько я вижу лежит в разуме» [Фреге 2000: 57].

Акцент на нечувственной природе числа делает А.Ф. Лосев, указывая, что «число мы в обыденной жизни обсуждаем не по существу, но по его приложениям; и тогда получается, что само исчисленное движение, чувственно

нами воспринятое, или исчисленное пространство, измеренное чувственными мерами, мы принимаем за самое число. Число и время суть не чувственные, но смысловые конструкции, и их надо обсуждать как таковые» [Лосев 1994: 737]. Б. Рассел определяет число как «то, что присуще числам, точно так же как *человек* – что присуще характеристике людей» [Рассел 2007: 76]. Важной представляется мысль Г. Лейбница о врожденности чистых идей, к которым относится число, заключенное в человеке потенциальным образом [Лейбниц 1983: 78]. В этом смысле представление о числе соотносимо с представлениями о нем в рамках аналитической психологии. Так, К. Юнг, развивая учение о коллективном бессознательном, заявил о существовании в человеческом бессознательном особых образных праформ, которые характеризуются тем, что они никогда не были в сознании человека и, таким образом, никогда не были приобретены индивидуально, своим бытием они обязаны исключительно унаследованию. Всеобщая природа бессознательного, включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые cum grano salis являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Будучи идентичными у всех людей, независимо от культуры или языка, эти праформы имеют всеобщий характер – это есть изначальные прообразы, архетипы человеческого бессознательного. Архетипы коллективного бессознательного, к которым относится число, являются своеобразными когнитивными образцами, фундаментальными понятиями, которые присущи всему человечеству, поскольку отражают наиболее существенные отношения действительности. В силу бессознательности и вследствие диффузности архетипы человеческого бессознательного представляются посредством символических образов, которые составляют своеобразный язык бессознательного [Юнг 1998]. Г. Бидерманн, используя достижения археологии, этнографии, искусствоведения, психологии, также рассматривает идею числа «в качестве «архе» (первоначал и сущностей) всех вещей, как господствующую и несотворимую связь и основу вечной устойчивости внутримирового порядка вещей» [Бидерманн 1996: 298].

Суммируя приведенные идеи, отметим, что, по мнению Г. Фреге, «само существование имеет сходство с числом. Ведь утверждение существования есть ничто иное, как отрицание числа ноль» [Фреге 2000: 80]. Современные представления об устройстве мира и человека также соотносимы с идеей числа, поскольку, по словам, Дж. Каппраффа, все естественные процессы, логические процессы нашего разума и даже наше генетическое строение функционируют согласно принципам, базирующимся на числе [Kappraff 2002: 377].

Таким образом, как математический знак и понятие в целом число являет собой достаточно сложную и неоднородную структуру, освоение которой стоило сознанию немалых усилий. Понятие числа включает в себя математический, логико-философский, символико-мифологический, психологический и другие аспекты, определяющие статус числа в терминах начального образа, одного из базовых символов, которыми оперирует человек.

Число чрезвычайно значимо для осмысления понятия количества, поскольку число есть универсальное средство репрезентации количественного аспекта бытия, одна из форм познания человеком природы и окружающего мира.

1.3. Качество в философии и логике

Как и количество, качество есть отражение одного из наиболее общих свойств бытия. При анализе логико-философских аспектов качества одним из самых важных, на наш взгляд, является тот факт, что именно качество представляет собой начальный этап познавательной деятельности человека, направленный на осмысление предметов и явлений объективной реальности. Очевидно, что познание количественной определённости объектов становится возможным только после того, как они выделены из окружающей действительности как качественно определённые, вследствие чего, именно качество есть отправная точка познавательного процесса, предшествующая количеству. По словам В.З. Панфилова, «… познание может быть направлено на ко-

личественную определенность каких-либо объектов только после того, как они выделены из окружающей действительности как качественно определенные» [Панфилов 1977: 132]. Из этого следует, что осмысление количественной определённости объектов возможно только после установления их качественной определённости, подразумевающей их понимание как отдельных предметов, имеющих четкие границы. Как подчеркивает И.С. Тимофеев, «качество в методологическом плане есть определённость предмета познания, устанавливаемая в отношениях тождества и различия с другими предметами, при целостном рассмотрении признаков» [Тимофеев 1972: 18].

Считается, что логическая категория качества постепенно формировалась у человека в процессе его трудовой деятельности: по мере изобретения, создания и дальнейшего использования предметов с определёнными свойствами, одновременно происходит осмысление этих свойств. Несмотря на указанную «первичность происхождения» по отношению к количеству, проблематика качественного аспекта бытия, в отличие от количественного, остается менее разработанной. На протяжении всей истории развития философской мысли содержание данной категории не раз подвергалось переосмыслению, продолжая и сегодня оставаться объектом исследования, как философии, так и науки в целом.

Первое достаточно четкое определение категория качества получает в трудах Аристотеля, являясь одной из наиболее разработанных в системе его категорий. Понимая под качеством все то, благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определенными, Аристотель подчеркивает, что качество принадлежит к числу слов, которые высказываются во многих значениях. Выделяя четыре рода качеств, под одним родом он подразумевает свойства и состояния. Свойство отличается от состояния тем, что оно гораздо продолжительнее и устойчивее. Состояниями называются такие виды качеств, которые легко поддаются движению и быстро изменяются. Другой род качеств – это тот, на основе которого людей называют искусными в кулачном бою или беге, здоровыми или болезненными; и вообще сюда относится

все то, о чем говорится в смысле какой-нибудь природной способности. Третий род качества согласно Аристотелю – это пассивные качества и состояния. Сюда относятся, такие, например, как, сладость, горечь, кислота и все им сродное; кроме того, тепло, холод, белизна и чернота. То, что ими наделено, обозначается как качественно определенное в соответствии с ними. Четвертый род качества образует фигура и присущая каждому предмету форма; кроме того, сюда же относится прямота и кривизна и то, что им подобно [Аристотель 1998: 1140–1144].

Важным Аристотель считает и тот факт, что в отличие от количества, которому ничего не противоположно, в отношении качественной определенности всегда наличествует противоположность: так, «справедливость есть противоположное несправедливости, белый цвет – черному, и все остальное подобным же образом. Кроме того, если одна из двух противоположностей есть качественное определение, то и другая будет также качественным определением» [Аристотель 1998: 1146]. В целом, можно говорить о том, что наиболее значимой чертой содержательной природы категории качества по Аристотелю является выделение двух частных форм проявления качества – свойства и состояния. Благодаря устойчивости такого вида качества, как свойство, становится возможным само отличие одного рода вещей от другого. Признаки же, указывающие на характер состояния предмета, имеют менее устойчивый характер, склонны к изменению или исчезновению.

Значимый для процесса познания статус качества обусловливает обращение к его исследованию и стремление объяснить данный феномен в рамках различных философских концепций. Так, Плотин видит качество как «некоторое внешнее обстояние, наличное в сущностях. Сущность есть первообразы энергий и вещей; качества же суть отображения сущности и ее энергий, как инобытийные им и ими осмысленные» [Плотин 1995: 384–386].

Важными представляются выводы Э. Канта относительно того, что качество связано с ощущениями и всегда имеет чисто эмпирический характер и, в отличие от количества, никоим образом не может быть представлено а

priori [Кант 1998: 201]. Э. Кант подчеркивает, что конструировать, т.е. выразить a priori в наглядном представлении можно только понятие величины (т.е. количество), а качества могут быть выражены не иначе как в эмпирическом наглядном представлении [Кант 1998: 539].

Определяя качество как логическую категорию, лежащую в основе познания мира, Г. Гегель подчеркивает, что познание самой сущности объекта есть познание его качественных характеристик, что указывает на ярко выраженный гносеологический характер категории качества, отражающей процесс познания человеком мира вещей и его описания в категориальных терминах. «Качество есть свойство в том смысле, что оно в некотором *внешнем соотношении* показывает себя *имманентным определением* [Гегель 1998: 104–105]. Отметим, что наличие «изменчивых определенностей» в содержательной структуре качества у Г. Гегеля соотносимо с современным определением категории состояния, которая «отражает относительный способ существования предмета, поскольку она фиксирует его внешнее проявление, которое обусловлено взаимодействием предмета с окружающей средой и характеризуется соответствующей модификацией изменения его свойств» [Арлычев 2001: 52].

В целом, основные положения, касающиеся осмысления качественного аспекта бытия, представленные в концепциях прошлого, созвучны современным философским воззрениям на качество как на категорию, «выражающую существенную определенность предмета, благодаря которой он существует именно как такой, а не иной предмет» [НФЭ 2010: 237]. Категория качества как продукт понимания качественного многообразия объектов и явлений действительности составляет существенный пласт знаний человека, поскольку, по словам О. Есперсена, «… в конечном счете именно качества составляют реальный мир, т.е. все, что может быть воспринято и иметь значение для нас» [Есперсен 2002: 81].

Осмысление качественного аспекта бытия, таким образом, является неотъемлемой составляющей процесса познания. Внимание исследователей к

категории качества объясняется тем, что качество непосредственно соотносимо не только с физическими объектами окружающего действительности, но и затрагивает все основные природные и социальные свойства.

1.4. Количество vs качество: логико-философские основания взаимодействия

Приведенные выше содержательные аспекты категорий количества и качества указывают на тот факт, что и количество, и качество как определенные характеристики неотделимы от самого предмета. В формулировке С.А. Яновской, «… все существующее представляет собой единство качества и количества» [Яновская 1990: 472]. Именно философское толкование категорий количества и качества позволяет усмотреть наличие тесной взаимной связи между данными категориями, обусловливая дальнейшую необходимость анализа гносеологического потенциала взаимодействия данных категорий. Рассмотрение количества и качества как определенных ступеней развития познания или определенных форматов знания указывает на широкий объем проблематики, связанной с реконструкцией взаимодействия данных категорий, что объясняется осознанием того факта, что данные категории не статичны: движение и возможность переходов одной категории в другую мотивировано не только самой онтологией мира, но и включенностью человека в процесс познания количественного и качественного аспектов бытия.

Как отмечалось выше, история развития взаимодействия данных категорий свидетельствует о том, что в ранний период развития человечества простейшие знания о количестве еще не представляли количество в категориальной форме: количество было тождественно окружающей человека действительности и недостаточно абстрактно. Постепенное абстрагирование чисел от качественных особенностей вещей, подвергающихся счету, явилось результатом сложной работы человеческого разума, дальнейшего развития и структурирования сознания.

Проблематика взаимодействия категорий количества и качества рассматривалась, главным образом, все в тех же концепциях Аристотеля, Плотина, Р. Декарта, Э. Канта, Г. Гегеля, основные положения которых стали ключевыми для современного понимания количественно-качественных соотношений. Рассуждая о количестве и качестве, Плотин усматривает основные онтологические принципы их взаимодействия в том, что «будучи бескачественной, материя не есть ни тело, ни какое-нибудь телесное качество, ни окрашенность, ни тепло, ни легкость, ни тяжесть, ни плотность, ни разреженность, ни вообще фигурность. А если свойственна ей величина, то так, что нельзя думать, что материя ей не подчиняется, делая с этой величиной то, что угодно; и было бы абсурдно думать, что величина или форма совпадает в своем волении с материальной величиной» [цит. по Лосев 1994: 725].

С точки зрения Р. Декарта, несмотря на тот факт, что и количество, и качество являют собой объективно данные характеристики предметов, количество, в отличие от качества, менее зависимо от субъективных ощущений. Из этого следует, что величину зримого тела, его фигуру, а также длительность, число и прочее, ясно воспринимаемое нами в телах, мы познаем совсем иначе, чем цвет этого же тела, либо боль, запах, вкус или что-то другое, относящееся к ощущениям и чувствам [Декарт 2011: 172–174].

Дж. Локк выделяет два вида ощущений, которые связаны с «первичными качествами» как реально существующими в предметах (плотность, объем и т.п.) и «вторичными качествами» (цвет, запах, звук и т.п.), существующими только в сознании человека [Локк 1960]. Эти идеи Дж. Локка не только раскрывают различия в природе числа (как абстракции, не существующей в вещах) и количества, но и отчетливо указывают на значимость количественных характеристик для определения качества.

Существенный вклад в разработку проблематики количественно-качественных связей внес и Э. Кант, который акцентировал логический аспект категорий количества и качества, понимая их не только в терминах определенных форм мышления, но и форм синтеза. Будучи априорными, изна-

чально присущими человеческому рассудку формами мыслительной деятельности, данные категории выступают как орудия познания, как «действия чистого мышления», «принципы без которых нельзя мыслить ни один предмет» [Кант 1964: 183].

Заслугой Г. Гегеля может считаться то, что всю свою систему категорий он представляет как систему возникающих, развивающихся, взаимодействующих друг с другом и плавно перетекающих друг в друга категорий. Поступательные процессы познания, таким образом, приобретают у Г. Гегеля следующие закономерности: сначала это движение от качества к количеству, а затем от количества к качеству, завершающееся раскрытием меры [Гегель 1998]. В этом ракурсе процесс соотнесения и соотношения свойств ставит вопрос о дальнейшем обращении к понятию меры.

Являясь одной из ключевых философских категорий, именно мера выражает диалектическое единство качественных и количественных характеристик объекта, его определенность. Согласно Аристотелю, мера есть то, чем познается количество, поскольку именно «мера производит количественное измерение» [Аристотель 2002: 234].

Философская категория меры как мерило специфики, самости того или иного объекта или явления действительности, по определению Г. Гегеля, «есть качественно-определённое количество, с которым связано некое наличное бытие и некоторое качество» [Гегель 1974: 257]. Рассматривая категории количества и качества в рамках понятий определённости, когда внутренняя определённость есть качество, внешняя – количество, а их отношение – мера, Г. Гегель определяет меру как единство качества и количества и устанавливает, что изменение количества ведет к изменению качества, мера же есть зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться. Именно у Г. Гегеля мера получает свою систематическую разработку, принимая форму положения о характере качественных изменений, а именно, о т.н. «скачке» как всеобщей форме перехода от одного качества к другому. Сущность предмета как сущность качественно определенная подпадает под

действие закона перехода количественных изменений в качественные. Качественное изменение сущности предмета есть не просто изменение качественного бытия предмета, это прекращение его существования как такового. Так, например, «температура воды сначала не оказывает никакого влияния на ее капельно-жидкое состояние, но затем при возрастании или уменьшении температуры достигается точка, на которой это состояние сцепления качественно изменяется, и вода, с одной стороны, переходит в пар, и, с другой, в – лед» [Гегель 1975: 259].

Мера присуща внутреннему состоянию всех вещей, существуя наряду с категориями количества и качества. Мера фиксирует содержание количественного признака в качественно определённом предмете, действии или явлении со стороны его внутреннего проявления, и, тем самым, обеспечивает количественно-качественный баланс в рамках закона перехода количественных изменений в качественные. Становится очевидным, что исследование взаимодействия категорий качества, количества и меры имеет существенное значение при осмыслении природы процесса познания в целом: количество качество и мера выступают как формы получения нового знания и способствуют проникновению в сущностную природу объектов и явлений действительности.

Значимым аспектом взаимодействия количества и качества, вытекающим из логико-философского осмысления связей между данными категориями, является возможность зафиксировать в языке качество (предмета, явления, процесса и т.д.) в терминах количества. Очевиден и мотив процесса количественной оценки качества, заключающийся в существующей необходимости объяснения природы объектов и феноменов. Результаты этого процесса количественной оценки качества находят свое отражение в языке.

Известно, что в человеческом обществе широко распространены так называемые системы измерения, устанавливающие количественные отношения между явлениями и объектами реальной действительности. Так, международная система единиц физических величин устанавливает семь основных

единиц: длины – метр, массы – килограмм, времени – секунда, силы электрического тока – ампер, термодинамической температуры – кельвин, количества вещества – моль и силы света – кандела, являющихся эталонами, на основе которых поучаются производные с помощью алгебраических действий. Эти единицы являются мерой познания в процессах сравнения сущностных характеристик объектов, явлений, процессов действительности, поскольку за ними закреплены постоянные значения. Все остальные величины характеризуются как большие или меньшие по отношению к ним.

Интересно отметить, что численно выраженные эталоны присущи не только точным наукам, но и природе, искусству, понятию красоты. В основе принципа «золотого сечения», например, лежит соотношение целого и его частей, а разные части находятся в определенном отношении друг к другу и к целому. «Золотой» пропорцией считается соотношение 1:1,618, а пропорции различных частей тела человека составляют число, близкое к золотому сечению. Заметим, что совпадение пропорций ведет к осмыслению внешности и параметров тела человека в терминах «совершенный», «идеальный», что указывает на очевидные ментальные корреляции количества и качества.

Конвенциональные системы измерения, выражающие количественно-качественные соотношения, можно найти абсолютно во всех сферах жизни общества: в науке и технике, образовании и искусстве в природе и физиологии человека. Исходя из того факта, что человеческая природа характеризуется естественной склонностью к анализу окружающих предметов и явлений, по мере развития человеческого общества, в ходе его взаимодействия с окружающей средой складываются и субъективные «системы измерения», формируются субъективные эталоны как способы манифестации количественных и качественных связей.

Сказанное свидетельствует не только о постоянном присутствии количества и качества в пространстве человека, но и о том, что процесс выявления и измерения сущностных свойств, базирующийся на сравнении качественных и количественных характеристик, представляет собой один из уни-

версальных способов познания действительности. Качественно-количественное многообразие предметов окружающего мира, выявляемое человеком в ходе опыта общения с действительностью, расширяет границы его представлений, формирует новое знание.

Подводя итог, сформулируем основные положения оснований взаимодействия количества и качества. Очевидным представляется факт, что всякий предмет, поскольку он существует, есть субстанция, у которой имеются содержательная сторона, представленная его качеством, и формальная, представленная количеством, – величиной, объемом, темпом протекания процессов, степенью развития их свойств. Этим обусловлена тесная взаимосвязь количества и качества, отражающая сущностные характеристики и общую закономерность процесса познания в целом: движение от качества к количеству, затем от количества к качеству, от раздельного фиксирования качественного и количественного аспектов бытия к установлению их взаимосвязи и взаимообусловленности, которые воплощаются в триединстве «качество-количество-мера». Эта взаимосвязь проявляется в том, что нарушение меры количественных изменений приводит к нарушению качественной определенности предмета, переходу к новому качеству или его исчезновению.

Современная логико-философская трактовка количественно-качественных связей заключается в понимании того, что различия между неподобными друг другу предметами носят качественный характер, тогда как различия между подобными предметами носят количественный характер. Закон количественно-качественных переходов является одним из общих законов развития и природы, и человеческого общества, и мышления. Развитие любой области знания, исторический опыт социальных преобразований подтверждает общую теорию развития как процесса качественных изменений, происходящих в результате изменений количественных.

Сказанное выше, позволяет предположить, что указанная взаимосвязь количества, качества и меры, их функционирование в качестве регулятивов деятельности человека не может не найти своего отражения в языке. Этим

обусловлено дальнейшее обращение к рассмотрению понятий количества и качества в различных лингвистических концепциях с последующим анализом количественно-качественных отношений в их языковой интерпретации в Главе II.

2. Лингвистические аспекты понятий количества и качества

2.1. Исследование количества в лингвистических концепциях прошлого и современности

Количественная определённость, присущая всем формам материи, количественные отношения действительности мотивируют образование в сознании определенной структуры знания о количестве и становятся основанием для дальнейшего формирования языковой категории квантитативности. Универсальный статус данной категории обусловливает наличие широкого перечня языковых средств выражения количественных отношений в различных языках, являясь той базой, на которой, в том числе, выстраиваются исследования, ведется описание особенностей функционирования языков различных типов.

Положение о том, что идея количества пронизывает практически всю семантическую сферу и все уровни языка [Рифтин 1946: 50–65] лежит в основе многочисленных современных исследований, посвященных как изучению отдельных способов языкового выражения количества, так и попытке систематизировать языковую репрезентацию количественных смыслов.

Обзор накопленного теоретического и практического материала позволяет говорить о том, что языковая категория квантитативности подробным образом была исследована в рамках структурно-функционального направления – в концепции полевого принципа и разработанной на ее основе теории функционально-семантических полей. Представленная средствами разнообразных языковых уровней, объединяемых в составе ФСП квантитативности, данная категория обладает ядром – категорией числа имен существительных,

околоядерной зоной – грамматическими формами числа местоимений и глаголов, и периферийной зоной, конституируемой всеми остальными средствами выражения количественных отношений [Функционально семантические и словообразовательные поля в лингвистике 1998: 156].

Основными результатами исследований категории квантитативности в рамках указанного подхода могут считаться положения о том, что структура макрополя квантитативности представлена полями **определенной** и **неопределенной** множественности. Поле определенной множественности представлено микрополями единичности и нумеральности, поле неопределенной множественности – микрополями плюральности и оценки неопределенного количества. Определенная множественность представлена единичностью, которая в проекции на язык представлена количественным числительным *один*, и грамматической категорией единственного числа. Средством выражения нумеральности служит специальный класс слов – числительные. Неопределенная множественность представлена, в первую очередь, формой множественного числа имен существительных – плюральностью, а также личными, притяжательными и указательными местоимениями, личными формами глагола во множественном числе, существительными Singularia Tantum, Pluralia Tantum. Неопределенно-оценочное множество, в свою очередь, представлено неопределенно большим и неопределенно малым множеством. Неопределенно большое и неопределенно малое множество представлены значениями «много»/ «мало» соответственно.

Отметим, что описания функционально-семантического поля количественности проводились как на материале отдельно взятых языков, так и в сопоставительном аспекте [Бондарко 1996; Букреева 1985; Ван Минци 2004; Клименко 1978; Симонова 2003; Степанова 2007; Чиркинян 1980; Шарина 1999; Швачко 1981 и др.]. Подробно изучены и представлены результаты исследования отдельных аспектов и конституентов категории количества в различных языках: дискретного и недискретного количества [Алексеева 2003; Арбатский 1972; Архипкина 2006; Беловольская 1999; Брусенская 1990; Гай-

ломазова 2012; Гусейнова 2006; Карамаева 2006; Келауридзе 2006; Лабазанова 2003; Hale 1975 и др.], числительных, существительных, наречий квантитативной семантики, глагольной категории вида и т.д. [Беловольская 1990; Дегтярев 1973, 1982; Кругликова 1993; Ляшевская 2004; Панфилов 1976б, 1977; Руденко 1987, 1992; Сергаева 2003; Супрун 1969; Храковский 1989; Чеснокова 1981, 1983, 1992]. Обобщение результатов исследований категории количества в языке позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, сама идея количества универсальна, т. к. отражает реальные отношения и свойства действительности, а, с другой, – вербализация идеи количества в различных языках культурно маркирована, поскольку в языке находят своё отражение идиоэтнические знания, связанные с традиционными устоями определенного этноса, географическими, климатическими и другими особенностями места его проживания.

Исследования грамматической категории числа, например, вскрывают этнокультурные различия в сфере грамматического выражения идеи количества, которые проявляются в том факте, что в одних языках эта категория представлена формами единственного и множественного числа, тогда как в других она может дополняться формами двойственного, тройственного, четверичного числа. Исследования Г. Корбетта, посвященные категории числа, позволили выделить языки, в которых категория числа является необязательной или не используется, языки, которые различают единственное и множественное число, единственное, двойственное и множественное, и языки, в которых выражено единственное, двойственное, тройственное и множественное числа. Изучая четверное число в австронезийских языках, исследователь приходит к выводу, что данные формы обозначают не точное количество «четыре», а являются скорее формами паукального числа, соответствующего значению «несколько» [Corbett 2000].

Так, данные некоторых финно-угорских языков показывают наличие в них ассоциативного множественного числа (associative plural), когда к именам собственным добавляется окончание, маркирующее значение неопреде-

ленного множества: например, *Janos* – John, *Janos-ek* – John and his group, John and them и т.д. В аварском языке некоторые существительные кроме форм единственного и множественного числа, имеют отдельную форму т.н. «паукального» числа, обозначающего неопределенное множество референтов и соответствующее английскому *a few*. При этом множественное число употребляется тогда, когда количество референтов рассматривается как соответствующее английскому *many*, что свидетельствует о том, что границы между *a few* и *many* четко не определены [Corbett, Mithun 1996: 3–5]. Отметим, что наличие паукального числа подтверждают и исследования амазонских языков [The Amazonian Languages 1999].

В некоторых иранских языках (например, в таджикском) существует глубинная семантическая категория, называемая условно категорией «единичного» (конкретного, предметного и т.п.) и «общего» (абстрактного, собирательного, нерасчлененно-вещественного). Форма единственного числа квалифицируется в данном языке как немаркированная в отношении признака расчлененности: это обозначение и единичного, и общего. Форма множественного числа обычно обозначает расчлененное множество, ряд конкретных лиц (чаще известных из повествования или ситуации), т.е. имеет конкретное, определенное значение. Таким образом, в таджикском языке оппозиция форм единственного и множественного числа передает отношения не только количества, но и значение «общего / конкретного», «неопределенного / определенного», «общего / единичного» [Эдельман 2000: 447–449]. В эвенском языке часто множественное число существительных специально не отмечается, а форма единственного числа употребляется не только для обозначения одного предмета, но и целой группы предметов. Особенно часто употребляется в таком общем значении форма единственного числа в отношении явлений природы и предметов, связанных с природой [Шарина 1999: 9– 10].

Другим фактом «культурной чувствительности» грамматического числа является отсутствие грамматической категории числа в языках изолирующего строя, к которым относится, например, китайский язык. Противопоставле-

ние имен по числу осуществляется не в обязательном порядке, а только в случае его релевантности для данного сообщения. В тех случаях, когда существенным с коммуникативной точки зрения считается выражение предметности, средством выражения субстантивности выступает счетное слово, благодаря наличию которого имя приобретает атрибуты предметности, независимо от того, членится или нет обозначаемая им сущность. Так, например, нерасчленяемые субстанции приобретают признаки штучности благодаря тому, что счетные слова как бы размещают их в сосудах или вместилищах [Тань Аошуан 2004: 67–68].

Национально-культурная специфика грамматической категории числа находит своё отражение и в разбиении существительных по классам исчисляемых и неисчисляемых, и в различиях в числовом поведении существительных, именующих одни и те же сущности в разных языках. Эти различия носят не случайный характер, а обусловлены особенностями в восприятии, в специфике видения объектов и их концептуализации как целостных (недискретных) или дискретных. Так, в русском языке существительное *часы* относится к pluralia tantum и имеет форму только множественного числа, а, например, в испанском – и единственного, и множественного. Существительное *деньги* в русском языке имеет форму множественного числа, а в английском и французском языках – единственного и т.д.

Интересными представляются и результаты исследований девиантного или аномального числового поведения в различных языках. Например, в агульском языке не существует таких числовых форм, интерпретация которых вызывала бы затруднения. Наиболее интересным фактом представляется возможность образования форм множественного числа локальных традиционных топонимов, когда его множественное число маркирует значение «совокупность жителей данного населенного пункта» (сравним в русском: Москва – Москвы*). Использование существительных во множественном числе также может передавать значения интенсивности и итеративности [Мерданова, Даниэль (Электронный ресурс)].

Не остался без внимания исследователей и тот факт, что граница между использованием числа существительного может сдвигаться. Случаи аномального числового поведения существительных в художественной речи могут приобретать статус художественного средства, стилеобразующего элемента, авторского неконвенционального средства языковой репрезентации. Так, исследование Т.Б. Радбиля произведений А.П. Платонова показало, что их характерной чертой является, например, тенденция использования собирательных существительных для обозначения множественного числа, что, вероятно объясняется такой концептуальной особенностью семантики собирательности, как возможность представлять нерасчлененную множественность как единый коллективный субъект, тогда как форма множественного числа всегда представляет собой результат грамматической абстракции – расчлененной, «формальной» множественности [Радбиль 2006: 236].

Анализ накопленного теоретического материала в сфере исследования языковой манифестации количества свидетельствует и в пользу достаточно подробной разработки проблематики, связанной с именем числительным в различных языках. Признается, что числительное является одним из основных репрезентантов количества в языке, отражающим как универсальные логико-философские, так и специфические, обусловленные той или иной культурой, символические свойства чисел [Лосев 1994; Реформатский 1987; Топоров 1982; Hopper 2000]. Известно, что как особый разряд слов числительные стали рассматриваться М.В. Ломоносовым, который выделил числительные среди имён и разделил их на «первообразные» (количественные) и «производные» (порядковые, собирательные и др.). Именно благодаря трудам М.В. Ломоносова числительные стали выделяться как самостоятельная часть речи во всех работах по грамматике русского языка, что и обусловило их дальнейшее исследование и описание [Виноградов 1947; Чеснокова 1997].

Будучи одной из универсальных форм выражения количества, числительные в языках различных типов становились объектом исследования в многочисленных работах. Одной из ранних может считаться работа В.И.

Цинциус на материале эвенского языка, которая выделяет следующие разряды числительных: количественные, порядковые, разделительные, повторительные, умножительные, собирательные, собирательные для счёта копытных животных, собирательные для счёта юрт, хозяйств, собирательные для счёта очков в игре и т.п. В.И. Цинциус показала, что собирательные числительные в эвенском языке не только обозначают точное количество считаемых объектов в совокупности, но и указывают на качественное своеобразие объединённых предметов. Это с очевидностью указывает на тот факт, что данные числительные еще не мыслились в отрыве от понятий о конкретных предметах, составляющих это количество, а их возникновение само по себе представляло собой определённый этап в развитии категории количества, когда счёт имел в виду конкретизацию определённого объекта. В данном случае этот способ свободно сосуществует с формой абстрактного количества [Цинциус 1947].

Современные исследования в области числительных в основном посвящены выявлению и описанию их культурной специфики, сопоставлению данного разряда слов в различных языках [Джакаева 2007; Мусаева 2011; Путятина 2013 и др.]. Заметим, что в последнее время также увеличилось количество работ, посвященных рассмотрению культурно маркированной символики числа и изучению в этой связи этнокультурной специфики фразеологизмов с числовым компонентом [Бабушкин 2014; Дубровская 2015; Телегина 2017 и др.]. Представляется, что подобное положение дел объясняется общей тенденцией сегодняшней науки к интеграции накопленных знаний, позволяющей вскрыть наличие глубинных связей между языком и культурой, языком и сознанием.

Осознание объема проблематики, связанной с исследованием многообразия способов языковой репрезентации количества, обусловлено также и логико-философским осмыслением связей между количеством, пространством и временем. И.А. Бодуэн де Куртене подчеркивал необходимость выяснения соотношения языкового и математического количества. Выделяя четыре вида

чисто математической количественности (пространственную, временную, числовую и интенсивную), он утверждал, что «исследователь, интересующийся количественностью языкового мышления должен искать им языковые соответствия» [Бодуэн де Куртене 1963: 312–313]. Указанная связь количества с пространством и временем значительно расширяет сферу исследования способов его языкового выражения, что находит свое отражение в многочисленных работах разных лет [Дешериева 1975; Маковский 1976; Тураева 1979; Потаенко 1984; Бондарко 1990; Флоренский 1993; Юрченко 1994; Логический анализ язык: Языки и время 1997; Логический анализ языка: Языки пространств 2000; Михеева 2004; Ахмерова 2004; Евтушенко 2004; Мякшева 2008; Нильсен 2010, 2012; Болдырев 2016в, 2019б и др.].

Важным аспектом изучения заявленной проблематики является также вопрос лингвистического преломления философского понимания количественно-качественных связей, что предполагает дальнейшее рассмотрение результатов исследования категорий качества и меры в языке.

2.2. Исследование качества в лингвистических концепциях прошлого и современности

Эволюция формирования понятийной категории качества также находит свое отражение в языке. Прежде всего, заметим, что идея качества приобретает свою конфигурацию в языке с момента осознания человеком качественного многообразия свойств предметов, имеющих место в окружающей действительности. Именно качество, по мнению В.В. Колесова, «воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью…» [Колесов 2004: 204].

Важно подчеркнуть, что первоначально предмет и признак не дифференцировались: представление о качестве формировалось в непосредственной связи с чувственно воспринимаемым объектом реальности. Так, твёр-

дость выражалась через сравнение с камнем. Понятия «твёрдый» и «камень» не разделялось, что подтверждает мысль о том, что сознание первобытного человека мыслило и предмет, и его признак в неразрывном единстве, поэтому имя предмета обозначало не только субстанцию, но и её свойство [Ильин 1972: 21]. Отсюда следует семантическая близость существительных и прилагательных, мотивированная самой онтологией мира, когда предмет, именуемый существительным, есть предмет, выделенный за счет некой совокупности признаков, а признак, обозначаемый прилагательным, представлен не абстрактно, т.е. вне предмета, а как признак, наличествующий в каком-то предмете.

В формулировке Аристотеля «и определённое белое находится подлежащем – в теле (ибо всякий цвет – в теле), но и о каком подлежащем не говорится как об определённом белом» [Аристотель 1978: 54].

Делая акцент на тесной связи предмета и его свойства, на субъективном характере категории качества как результате работы сознания человека Ю.С. Степанов подчеркивает, что «категория качества не может быть обобщена в отрыве от своего носителя. Если такое происходит, то это чисто понятийная работа обобщающего интеллекта, это просто «упражнение для ума». Ведь «жёлтое», оторванное от своего носителя, не конституирует никакого пространственного семантического бытия. «Жёлтый», «Синий», «Красный», «Твёрдый», «Мягкий» и т.п. могут быть противопоставлены друг другу только на горизонтальной линии сопоставления. Цвет, звук, температура, размер и т.п. «равно соподчинены одному и тому же высшему роду и образуют в этом ярусе не древовидное, не дихотомическое, а зонтичное членение. То же положение будет встречаться при других качествах» [Степанов 1998: 206].

Н.Д. Арутюнова также указывает на антропоцентрический характер качества, отмечая, что «свойство быть берёзой (вишней, ртутью, водой и т.п.)» почти столь же диффузно, как «свойство быть Сидоровым (Чемберленом или мистером Твистером)» [Арутюнова 1999: 33]. С очевидностью можно говорить о том, что категория качества – это категория, формирование которой

напрямую связано с осмысленной деятельностью человека по обработке и дифференциации различных свойств предметов и явлений реальности. Данная категория является универсальной категорией человеческого сознания, о чем свидетельствует наличие средств вербализации данной категории в разных языках [Дмитренко 2009; Дубинская 2015; Тяпко 2003; Шибкова 2006а, 2006б и др.].

Различные аспекты качественной характеристики предмета, действия, состояния получают выражение во многих языках и становятся объектом многочисленных исследований. Современные представления, связанные со способами выражения категории качества в языке, связаны с пониманием главенствующей роли специального лексико-грамматического разряда слов – имён прилагательных в репрезентации категории качества.

Известно, что на протяжении достаточно долгого периода времени имена качеств не имели особого обозначения в языке, относились к именному разряду и обозначались тем или иным именем. На родство существительного и прилагательного, указывал А.А. Потебня, отмечая, что по направлению к прошлому различие между существительным и прилагательным уменьшается, и что прилагательные постепенно развивались из атрибутивного употребления существительных [Потебня 1958]. В. В. Колесов отмечает, что «отвлеченные имена образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен» [Колесов 2004: 204]. Л. В. Щерба считает очевидным, что «без существительного, явного или подразумеваемого нет прилагательного» [Щерба 1957: 70].

Современные исследования имени прилагательного как особого грамматического разряда слов, выражающего качественные признаки предметов, затрагивают как анализ отдельных лексико-грамматических групп и их семантического диапазона (цветовые, размерные и т.п. прилагательные), так и, например, анализ их оценочного потенциала [Белова 2011], типов их семанти-

ческого варьирования [Мерзлякова 2003], типологии адъективной метонимии [Сандакова 2004] и др.

Отдельным направлением исследований прилагательных может считаться анализ их специфики в языках различных типов. Широкий спектр этнокультурных различий приводится, например, в коллективной работе лингвистов «Adjective Classes. A Cross-linguistic Typology», посвященной исследованию экзотических, малочисленных языков, многие из которых, по имеющимся данным, характеризуются крайне ограниченным и закрытым классом прилагательных, число которых едва превышает первый десяток. В некоторых из этих языков помимо отдельного класса прилагательных (simple adjectives), присутствуют и гибридные формы (verb-like adjectives) (подр. об этом [Adjective Classes. A Cross-linguistic Typology 2006]). Заметим, что, гибридными свойствами обладают также качественные слова в корейском, тайском, вьетнамском и качинском языках, обнаруживающие близость к глаголу, вследствие чего, специалисты по этим языкам или включают слова с качественными значениями в состав глагола как части речи, или, выделяя их в отдельную часть речи прилагательное, объединяют их с глаголами в более широкий класс знаменательных слов-предикатов [Панфилов 1976а: 6]. В таких языках, как китайский, японский и др. категория признака также не имеет четких частеречных показателей и выражается либо существительными, либо глаголами [Wetzer 1995]. В языке Варлпири прилагательные отсутствуют, а характеристики (properties) всегда выражаются именной конструкцией [Griece 1989: 68]. Таким образом, статус отдельной части речи категория признака получает не во всех языках, вследствие чего, существование прилагательных как самостоятельной части речи не может рассматриваться в качестве языковой универсалии.

Подводя итог, отметим, что представление о качестве приобретает в языке категориальную форму с момента осознания человеком качественного многообразия предметов окружающей действительности. Несмотря на тот факт, что категория качества характеризуется довольно большим понятий-

ным объемом, имеющим отношение ко многим классам слов, основным средством репрезентации представлений о качестве в языке является специальный лексико-грамматический класс слов – класс имён прилагательных, существование которого отмечено хоть и во многих, но, все же, не во всех языках. Важным аспектом, характеризующим категорию качества в языке, может считаться тот факт, что, в отличие от философских представлений, где качество представлено в неразрывном единстве с чувственно познаваемым предметом, в языке качественный признак может экстраполироваться с одного предмета на другой, способствуя формированию классов предметов, объединенных общим признаком.

2.3. Лингвистическое понимание понятия меры

Значимым аспектом исследовательской проблематики категорий количества и качества в языке является лингвистическое осмысление логико-философских оснований взаимодействия данных категорий. В этом смысле ключевое значение отводится исследованию понятия меры в языке, которое связано с категорией недискретного количества и включает в себя две субкатегории – качественно-количественную категорию меры и категорию степени. Категория меры, фиксирующая количество признака в качественно определённом предмете, явлении, действии, тесно связана с категорией степени, раскрывающей степень проявленности количественного признака в качественно определённом предмете, явлении, действии. Содержание категории степени составляют, таким образом, значения величины измеряемого предмета или признака, интенсивности изменения этой величины, или, другими словами, градации количества признака (недискретного количества). Под «градацией» или «градуированием» понимается включение в отношения «больше / меньше» [Сепир 1985]. В языке градуирование проецируется в функционально-семантическую категорию интенсивности, в основе которой лежит понятие градации количества признака.

Одним из первых на значимую роль понятия интенсивности в процессе формировании знания указал Ш. Балли, который подчеркивал, что разница в интенсивности двух синонимичных понятий обычно бросается нам в глаза раньше всех прочих оттенков. Он объяснял это тем, что при сопоставлении двух различных предметов или явлений человеческий ум легче схватывает количественные различия, чем специфические признаки [Балли 2001а: 203].

Осмысление интенсивности основано на шкалировании (нарастании или убывании признака) с точки зрения субъекта, выражающего свое отношение к объекту или явлению действительности, по отношению к которому и формируются градуальные характеристики. В композиционном плане категория интенсивности имеет трехчастную структуру: центральный член – понятие нормы и два противочлена – «меньше нормы» и «больше нормы». Оценка осуществляется в терминах данной трехчастной категории [Туранский 1990: 22]. Ядро категории интенсивности представлено наречиями меры и степени.

Градуальные характеристики, или интенсивность признака также могут манифестироваться разными классами слов: существительными, прилагательными, глаголами, усилительными частицами и т.д., о чем свидетельствуют работы в области исследования средств языковой репрезентации интенсивности [Ермакова 2005; Зубайраева 2008; Кустова 2005; Ховалкина 1996]. Так, например, в английском языке в словосочетаниях адъективного типа, построенных по модели N – Adj, интенсификация признака, называемого прилагательным, осуществляется за счёт использования имени, служащего эталоном данного признака. Обладая большой степенью выразительности, существительные, выступающие в роли интенсификаторов признака, способны выражать дополнительную информацию, показывая словесный образ в новом, неожиданном аспекте или акцентируя, обогащая уже известные черты. Кроме того, в семантике данных существительных могут отражаться универсальные, присущие всему человечеству знания, а также идиоэтнические и индивидуальные знания [Везнер 2004: 7–12]. Заметим, что подобная

тенденция составляет базис для процесса метафоризации и категоризации по эталону.

Лингвистическим проявлением категории меры является и наличие в различных языках категории степеней сравнения – «категории, граммемы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени» [Мельчук 1998: 117]. Другими словами, степени сравнения качества, также формирующие категорию степени признака, выражают количественную характеристику интенсивности признака у объекта сравнения в сопоставлении со степенью его проявления у стандарта или эталона сравнения.

Таким образом, категория меры является связующим звеном между категориями качества и количества, позволяя определить характер, степень, величину количественных изменений в качественно-определённом предмете или явлении. Обзор имеющихся на сегодняшний день исследований категорий количества, качества и меры как категорий сознания, гносеологическая функция которых очевидна и не вызывает сомнения, свидетельствует в пользу того, что данные категории были и остаются объектом пристального внимания лингвистов. Категория числа существительного, прилагательные и качественные наречия имеются в большинстве языков, но они охватывают различные языковые уровни (количество) и классы слов (качество). Все это подтверждает их универсальную природу, статус конституентов логического аппарата человека и объясняет подробную и детальную проработку проблематики количества и качества в лингвистике.

3. КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО
в когнитивной парадигме исследований

3.1. Антропоцентрический принцип как основной методологический принцип исследования соотношений КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА

Современная научная парадигма может по праву считаться антропоцентрической, поскольку в рамках этой парадигмы основополагающим признается факт того, что человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности [Лихачев 1993: 5–6]. Поворот в сторону антропоцентризма в науке был, главным образом, мотивирован переосмыслением классических принципов научного познания, известных еще со времен Декарта, разделявшего и, даже, противопоставлявшего объективный внешний материальный мир и познающего его мыслящего субъекта (ego cogito) [Декарт 1998: 269]. Постепенное осознание единства познаваемого и познающего базируется на том, что «реальный мир и в самом деле может существовать без познающего субъекта, но его смыслосодержание может быть конституировано только познающим субъектом» [Верлен 2003: 32].

Сегодняшнее господство принципа антропоцентризма в лингвистике, по словам Е.С. Кубряковой, роднит ее «со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям определяет переориентацию во многих фундаментальных науках: в физике – это, признание позиции наблюдателя, в литературоведении – обращение к образам автора и читателя в их разных ипостасях, в мегаэкологии – внимание ко всем проблемам окружающей среды и к достижению известной гармонии во взаимодействии человека с природой и т.д.» [Кубрякова 1995: 212].

Обращение к феномену человека в лингвистике свидетельствует одновременно о методологическом сдвиге и переходе от системно-структурной парадигмы с ее установкой рассматривать язык как имманентную систему, т.е. язык «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр) к антропоцентрической парадигме, возвратившей, по словам С.Г. Воркаева, «человеку статус «меры

всех вещей», и вернувшей его в центр мироздания» [Воркачёв 2001: 64], парадигме, в рамках которой происходит пересмотр традиционных проблем языкознания с новых позиций – позиций человека. Важно подчеркнуть, что развитие антропоцентрической парадигмы не означает полный отказ от ранее накопленного опыта исследований. Это скорее новый виток научного знания, новый импульс, подразумевающий, по мнению Н.Н. Болдырева, «обращение к традиционным проблемам языкознания и их теоретического осмысления с позиций новых подходов на основе учета и систематизации новых данных» [Болдырев 2017б: 21].

В лингвистике сегодняшнего дня антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления с учетом фактора языковой личности, объяснить устройство языка в связи с сущностными характеристиками его носителя – человека. Особо отметим, что появление такого направления, как когнитивное, вызвано осознанием того, что язык не может изучаться в отрыве от его создателя и пользователя, поскольку представляет собой неотъемлемую составляющую деятельности его сознания. Реализуя в процессе когниции деятельностный подход к действительности, осознавая самого себя мерой окружающих явлений и вещей, человек придает им свой собственный антропоцентрический порядок, который организуется и репрезентируется языком.

На современном этапе развития лингвистики получены значимые результаты в области осмысления природы языка и формирования смыслов, специфики процесса познания, связи языка с сознанием и принципов их структурной организации [Арутюнова 1999; Беляевская 2013, 2016б; Lakoff 1987; Болдырев 2006, 2007, 2012, 2016б, 2016д, 2020а; Борискина 2014; Гольдберг 2013; Григорьева 2019, 2020; Демьянков 1994, 2009, 2018; Заботкина 2016; Карасик 2004, 2010; Клепикова 2016; Левицкий 2017а; Никитин 2003; Павиленис 1983; Шарандин 2013; Ungerer, Schmidt 2006; Langacker 1991; Jackendoff 1984; Болдырев, Магировская 2009 и др.]. Большое число работ связано с общими вопросами исследования антропоцентрической при-

роды языка и вопросами частного характера, раскрывающими принципы осмысление человеком тех или иных фрагментов действительности [Александрова 2017; 2020; Алпатов 1993; Бабушкин 2020; Беляевская 2016а; Беседина 2018; Болдырев 2015а, 2015б; Кубрякова 1991, 2006; Левицкий 2017б; Молчанова 2017а, 2017б; Серебренников 1988; Бабина 2016; Виноградова 2015; Левицкий 2016, Панасенко 2014; Безукладова 2016; Костомаров 2014 и др.].

С этой точки зрения когнитивный подход, акцентирующий свое внимание на антропоцентрическом характере языковых единиц, открывает новый потенциал для анализа количества и качества как неотъемлемых элементов познаваемой человеком действительности, как средств освоения и объяснения количественно-качественного многообразия мира. Это ставит задачу более подробного рассмотрения статуса данных структур в концептуальной системе человека.

3.2. КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО как базовые структуры сознания

Вопросы, связанные с тем, как человеческое сознание обрабатывает и структурирует полученную извне информацию о количественном многообразии действительности, занимают специалистов в различных областях знания уже очень давно. Имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований в области психологии, например, скорее свидетельствуют в пользу того, что концепт ЧИСЛО составляет «числовой инстинкт» человека и является врожденным [Butterworth 1999]. Данные экспериментов показывают, что дети уже в возрасте нескольких месяцев и, даже, дней восприимчивы к числам [Pinker 1994, de Hevia et al 2014], при этом критерием количественной оценки у детей является целостная форма (без анализа деталей), т.е. приблизительная квантификация на основе перцепции. Если у взрослого человека количество определяется отношением единиц с соответствующими им элементами, т.е. поэлементное соотношение, то для детей – это лишь поиск глобального сходства [Пиаже 1994: 244]. Доказано также наличие в сознании функции перцептивного счёта в пределах от одного до трех, связанной с «фокусным ограни-

чением сознания» [Чейф 2015: 83]. Для этого феномена был введён специальный термин «субитировать» (subitizing) и показана принципиальная разница между субитацией и счётом, ввиду того, что данные операции опираются на разные ментальные процессы (см., например: [Trick, Pylyshin 1994, Gallistel, Gelman 1992]).

Довольно большое количество современных исследований в области когнитивной психологии посвящено специфике ментальных числовых репрезентаций ([см.: Dehaene 1997; Dehaene, Bossini, Giraux 1993]), анализу нейрофизиологических, когнитивных механизмов переработки информации о количестве и т.п. Сегодня известно, например, что числовые концепты организованы в сознании в виде ментальной числовой прямой (*MNL – mental number line*) [Izard, Dehaene 2008; Longo, Lourenco 2007], показано, что данная прямая характеризуется культурной чувствительностью, поскольку, например, у представителей арабской лингвокультуры направление ментальной числовой прямой соответствует традиционному направлению письменности, т.е. справа налево. При этом выявлена общая аналогия в обработке числовой и пространственной информации, указывающая на наличие специфической связи между величиной числа и стороной ответной реакции (малые числа (от 0 до 4) ассоциируются с левой стороной, большие числа (от 6 до 9) ассоциируются с правой). Другими словами, предполагается, что мозг пользуется пространственными моделями для того, чтобы репрезентировать множества. Эта гипотеза получила название *эффект пространственно-числовой ассоциации ответных реакций* (SNARC –*Spatial-Numerical Association of Response Codes effect*) [Каролис, Малых 2013; Van Dijk, Gevers, Fias 2009; Gevers et al 2006; Wood, Willmes, Nuerk, Fisher 2008; Dodd et al 2008; Shaki, Fisher, Petrusic 2009; Fisher, Mills, Shaki 2010 и др.]. Изложенное выше свидетельствует о том, что исследования природы числа и количества, специфики их обработки сознанием до сих пор не могут считаться окончательно завершенными, оставаясь и сегодня областью актуальных научных интересов.

Представление человека о количественном аспекте бытия формируется в ходе осмысления непосредственно данных наблюдению объективных различий предметов и явлений действительности. Другими словами, в процессе концептуализации количественных свойств реальности, представляющей собой динамический процесс освоения сознанием количества как одного из аспектов онтологии мира, в сознании формируется статическая единица – концепт КОЛИЧЕСТВО как результат процесса концептуализации. Концепт КОЛИЧЕСТВО, таким образом, есть один из элементов знания мира, одна из граней ментального опыта человека.

Поскольку сущность когнитивного подхода в лингвистике заключается в понимании языка как средства доступа к концептуальным структурам, обоснованной представляется дескрипция специфических характеристик концепта КОЛИЧЕСТВО на основании анализа его представленности в языке. В этом смысле первый тезис, заслуживающий внимания, касается универсального статуса данной структуры сознания. Верификация данного положения может осуществляться с учетом принципа изоморфизма языка и сознания, вследствие чего, если КОЛИЧЕСТВО является универсальной концептуальной структурой, фундаментальным концептом и достоянием концептуальной системы всего человечества, то наличие средств его вербализации должно быть выявлено во всех (или многих) языках. Репрезентация концептов в языке служит ориентиром для выявления «статусности» концепта, поскольку, по словам А. Вежбицкой, «лучшие ключи к пониманию того, как мог бы выглядеть список фундаментальных концептов, дает нам исследование языков» [Вежбицкая 1999: 16].

В терминах теории семантических примитивов А. Вежбицкой универсальные для всего человечества понятия, или «врожденные идеи» должны быть интуитивно очевидны и выявляться во многих (если не во всех) генетически и культурно различных языках мира, быть лексическими универсалиями, что означает иметь свои собственные имена во всех языках мира. Так, например, список английских семантических примитивов разбит на восемь

семантических групп, одной из которых являются квантификаторы (one, two, many, all) [Wierzbicka 1994].

Представленный выше обзор работ, посвященных исследованию категории количества в различных языках, не оставляет сомнений в том, что наличие средств репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО характерно для многих языков, в том числе и для языков малочисленных племен (см., например: [Hale 1975; Вежбицкая 1996]). Заметим, что в качестве исключения часто приводится язык племени Пираха, в котором, по данным исследователей (см., например: [Pinker 1999; Everett 2012]), полностью отсутствуют числительные. Представляется, что данный факт не указывает на наличие определенных «пробелов» в концептуальной системе представителей данного сообщества (что поставило бы под сомнение универсальность концепта КОЛИЧЕСТВО), а лишь еще раз подчеркивает гибкость языка и четкое следование целевым установкам человеческого общества. Отвечая коммуникативным запросам и повседневной необходимости, язык фиксирует лишь то, что обусловлено жизненной или социальной необходимостью: если бы необходимость в числительных возникла, то, как подчеркивает Д. Эверетт, они непременно бы появились в языке. Однако их отсутствие обусловлено отсутствием необходимости в счете (на фоне, например, отсутствия какой-либо частной собственности) и неспособностью мыслить абстрактно [Everett 2012]. Наличие же слов, передающих идею «несколько» и «много», вполне компенсирует отсутствие числительных в Пираха. Подобным образом, четыре квантификатора в языке Варлпири вполне удовлетворяют потребности племени в сфере операции счисления: /*tjinta*/ – singular, one; /*tjirama*/ – dual, two; /*wirkadu, mankurpa*/ – paucal, several; /panu/ – plural, many [Hale 1975: 295]. Приведенные примеры свидетельствуют в пользу вариативности языкового оформления концептуального содержания в рамках отдельного коллектива людей, нежели в пользу различий в структуре сознания различных представителей человечества.

В контексте сказанного представляется, что с большой долей вероятности концепт КОЛИЧЕСТВО может считаться универсальным структурным элементом сознания. В этом смысле идея универсальности базовых концептов, в том числе и концепта КОЛИЧЕСТВО, может быть соотнесена с идеей их формирования на довербальной стадии и их врожденности. Степень же их языковой проработанности напрямую зависит от особенностей человеческого коллектива, уровня его развития, потребностей и т.д., что еще раз акцентирует внимание на антропоцентрической природе языка, детерминированности языковой действительности человеческим фактором.

Еще один выдвигаемый тезис касается специфической природы концепта КОЛИЧЕСТВО как комбинации присущих ему статических и динамических признаков. ЧИСЛО как архетип сознания, проявляющийся «автономно в качестве парапсихологического феномена» [Юнг 1998: 100], есть когнитивный ориентир концепта КОЛИЧЕСТВО. Данное человеку извне ЧИСЛО как одна из доминант сознания представлено в воззрениях всего человечества, что обусловливает выдвижение его на роль организующего начала концепта КОЛИЧЕСТВО, отвечающего за статические признаки и внутреннюю стабильность данного концепта.

Динамические признаки концепта КОЛИЧЕСТВО отражают динамику человеческого сознания: подведенный под языковой знак, концепт КОЛИЧЕСТВО всегда связан с «присутствием» человека. «Живое» КОЛИЧЕСТВО, в отличие от абстрактного ЧИСЛА, становится средством познания и понимания количественных связей и отношений конкретных феноменов действительности, количественных характеристик окружающего человека предметного пространства, а также самого человека.

Подчеркнем, что, преломляясь в языке в грамматической категории числа, концепт КОЛИЧЕСТВО подтверждает свой значимый статус, поскольку все базовые фундаментальные концепты человеческого сознания находят свое отражение в грамматике языков. Представляя разные компоненты когнитивной репрезентации, грамматическая подсистема осуществляет грамма-

тическую категоризацию, создавая тем самым каркас для распределения концептуального материала, который выражен лексически [Талми 1999: 95]. Факт того, что грамматическая категория числа, хотя и с присущей ей вариативностью имеется во многих языках, позволяет считать концепт КОЛИЧЕСТВО одним из базовых фундаментальных концептов человеческого сознания.

Переходя далее к рассмотрению концепта КАЧЕСТВО, отметим, что большинство имеющихся на сегодняшний день работ, как правило, посвящены изучению одного из специфических видов качества, характеризующему переменные свойства объекта, – концепту СОСТОЯНИЕ – т.е. описанию и сравнению различных признаков состояний, и анализу средств их языковой репрезентации в различных языках и культурах. В этом ракурсе исследуются, например, концепты КРАСОТА, РАДОСТЬ, БОЛЕЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ и т.д. [Сорокина 2018а; Сорокина 2018б; Туленинова 2008; Казарина 2003; Павлова 2016а, 2016б; Клестер 2016; Аниськина 2016; Колышкина, Маркова, Шустина 2014; Селеменева 2010, 2012; Чистякова 2016]. Т. С. Сорокина отмечает, что в целом концепт СОСТОЯНИЕ «представлен в виде частной когнитивной модели “инактивный носитель состояния” + “статальные характеристики”» [Сорокина 2018б: 161], что, как представляется, продиктовано специфической природой признаковости, познание которой, по сути, неотделимо от познания самого предмета. Вспомним в этой связи замечание О. Есперсена, подчеркивающего, что «сущность каждого вещества состоит в сумме тех качеств, которые мы в состоянии воспринять (или понять) как связанные друг с другом» [Есперсен 2002: 81]. Как совокупность признаков состояние рассматривается в этом случае в виде языковой категории, оформленной, как правило, деадъективами со значением отвлеченного качества (*радость, счастье, болезнь* и т.п.), которые задают категориальный формат репрезентации знаний о тех или иных признаках, связанных с болезнью, красотой, радостью и т.д.

Концепт КАЧЕСТВО может рассматриваться в терминах базового домена [Жаботинская 2008; Langacker 1987; Croft, Cruise 2004], поскольку включает представления о различных сенсорных ощущениях: вкусовых – КИСЛЫЙ, визуальных – КРАСНЫЙ, эмоциональных – РАДОСТНЫЙ и т.п. Эти понятия неразложимы и необъяснимы в других терминах. Уместным в этой связи можно считать данное Дж. Локком определение качества как способности вызывать представление, но «если мы не знаем из опыта значения слов красный, горячий, сладкий и тому подобных, то все слова на свете, к которым мы бы прибегали для определения любого из этих имен, все равно никогда не смогли бы вызвать в нас представление о том, что стоит за именем» [цит. по Вежбицкая 2001: 257–258]. Из этого следует, что *сладкое* и *горячее* не называют то, что есть сладкое и горячее, а именуют всего лишь наши ощущения и потому являются неопределяемыми. Таким образом, у базовых доменов, в том числе и концепта КАЧЕСТВО, «нет «фона», они сами служат изначальным, наиболее обобщенным (схемным) фоном для понимания прочих концептов» [Жаботинская 2008: 63]. Так, например, словосочетание *кислое молоко*, позволяет осмыслить вещество с точки зрения нарушения его свойств или изменения его качества.

Концепт КАЧЕСТВО также находит свое отражения в грамматике языков, являясь значимым концептом сознания. Отметим, что фиксированная грамматикой возможность изменения признака, представленная степенями сравнения качественных прилагательных и наречий, свидетельствует о тесной связи концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО, поскольку понятие градации напрямую связано с идеей количества признака. В целом, концепт КАЧЕСТВО представляет собой достаточно объемную структуру, которая может быть репрезентирована в языке именами прилагательными, существительными, глаголами, наречиями.

Такое положение дел кажется вполне оправданным, ввиду очевидного превалирования в представлениях о качественном аспекте действительности антропоцентрических начал. *Твердый* или *жидкий*, *здоровый* или *больной*,

быстро или *медленно* и т.п. не только имплицитно включает ТО, чему приписывается признак, но и то, что, КТО-ТО эту оценку признака осуществляет. Из этого следует, что концепт КАЧЕСТВО характеризуется зависимостью от восприятия человеком качественного разнообразия действительности. Представление о качестве связано с ощущением, а концепт ощущения, по словам Н.Д. Арутюновой, «построен на представлении о качестве» [Арутюнова 1999: 141]. Понимаемое рядом философских и психологических концепций как элементарное содержание, лежащее в основе чувственного знания внешнего мира, ощущение, по словам В.А. Лекторского, есть «“кирпичик” для построения *восприятия* и иных форм чувственности. В качестве примеров данного явления обычно приводят ощущения цвета, звука, твердого, кислого и т.д. Ощущения истолковывались как относящиеся не к предмету в целом, а лишь к его отдельным свойствам “качествам”» [Лекторский 2001: 115].

Именно в тесной связи с ощущениями и кроется специфическая природа концепта КАЧЕСТВО, поскольку в ощущениях нам дано не качество самого предмета, а лишь реакция нашего сознания, заключающаяся в субъективном приписывании характерных свойств. Таким образом, многомерность ощущений, вытекающая из качественного многообразия действительности, их эфемерность, обусловленная субъективным осмыслением, вытекающим из зависимости от ощущений субъекта восприятия, делает практически невозможной объективную констатацию качества. Другими словами, «качества с трудом поддаются точной и независимой от субъективного взгляда на вещи формулировке» [Арутюнова 1999: 33], поскольку «ощущение никоим образом не может достигнуть истинного знания; оно может дать только мнение, так как представляет собой чисто рецептивную способность, ... которая воспринимает лишь внешние вещи. Предмет, от которого ощущение получает то, чем может владеть, всегда находится вне его» [Плотин 1994: 66].

Воспринимаемое в процессе познания качественное многообразие онтологии бытия не оставляет сомнений в присутствии разнородных и разнооб-

разных представлений, связанных с признаками и свойствами феноменов бытия в сознании человека. Концептуализация совокупности свойств объектов и событий действительности ведет к формированию определенной структуры знания – концепта КАЧЕСТВО, репрезентация которого во многих языках связана, главным образом, с именем прилагательным, а также с именами существительными, глаголами, наречиями. Субъективный характер восприятия дает основания считать, что качественный аспект действительности представлен в языке в специфически модифицированном виде, ввиду чего, следует говорить не о реальных качествах, а о качествах – продуктах сознания, о различных формах концептуализации качества.

Таким образом, концепты КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО играют важную роль в осмыслении мира, представляя собой значимые структуры концептуальной системы человека, что подтверждается наличием разнообразных средств языковой репрезентации данных концептов в языке. Формирование данных структур сознания мотивировано осмыслением существующих количественных и качественных характеристик действительности. Отмеченная «неопределенность» концепта КАЧЕСТВО, обусловленная субъективным характером познания и индивидуальным осмыслением признаков, вызывает мысль о необходимости его организации при помощи некой оформляющей структурной рамки, в роли которой выступает количество. Возможность концептуализации качества сквозь призму количества указывает не только на тесную связь КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА как структур сознания, но и ставит задачу более подробного обращения к вопросам, связанным с исследованием оценочной деятельности сознания и отражения результатов этой деятельности в языке.

3.3. Понятие языковой интерпретации

Появление когнитивного направления было вызвано осознанием того, что язык как неотъемлемая составляющая деятельности человеческого сознания не может изучаться в отрыве от его создателя и пользователя. В ходе

взаимодействия с окружающим его миром человек вынужден постоянно оценивать его свойства и характеристики, связи и отношения. Именно благодаря оценочной деятельности человеческого сознания как важной составляющей когнитивной деятельности личности в целом в процессе познания формируется мнение о наличии, отсутствии, качестве количестве, признаках объектов действительности. М.В. Никитин отмечает, что оценочная деятельность сознания «это последующий после ощущения и восприятия этап (уровень) интуитивно-ориентировочной информационной обработки объектов в поле актуальных и потенциальных интересов субъекта оценки» [Никитин 2003: 66]. В этом ракурсе оценочная деятельность сознания мыслится как своего рода процесс объяснения различных фактов и феноменов действительности, финальной точкой которого становится представление результатов этого процесса в языковой форме.

Само понятие интерпретации имеет давнюю и богатую историю развития, ведь еще в III веке н.э. идею активной роли сознания в формировании языковых смыслов высказывал Плотин, отмечая, что «в основе мысли, выражаемой посредством языка, лежит опыт, данный в ощущениях, их восприятии и интерпретации. Наши чувственные восприятия внешних вещей столь ясны, что сопровождаются всегда невольной верой в бытие этих вещей, однако же это нисколько не мешает сомневаться и думать, что в ощущениях дана не природа самих вещей, а только модификации ощущающего субъекта, и в этом сомнении решающим судьей может быть уже не ощущение, а разум или рассудок» [Плотин 1994: 64].

Стремление связывать процесс осмысления мира в языке с процессом интерпретации характерно и для современных исследований, что, главным образом, обусловлено новым взглядом на природу человеческого сознания. В разных формулировках идея интерпретации мира в языке озвучивается многими учеными. Д. Деннет полагает, что сознание как деятельность психики особого рода, связана с интерпретацией информации, поступающей из внешнего мира. Каждая интерпретация по природе своей гипотетична и может

быстро сменяться другой, более соответствующей реальной ситуации [Dennett 1993]. По мнению Н.Н. Болдырева, язык как когнитивная деятельность и как система полученных извне знаний «не просто их фиксирует, но и интерпретирует, как интерпретирует и сам мир, представляя его в многообразии объектов и событий» [Болдырев 2016а: 28]. По словам А.Ф. Лосева, «каждый языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев 1982: 96]. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «язык не является простым зеркалом мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 1997: 83]. Подобным образом, отрицая лишь отражательную природу языка, Д. Болинджер указывает, что язык – креативен, он есть интерпретация действительности, а не ее отражение [Bolinger 1980: 27]. При этом каждый язык, отмечает А. Вежбицкая, предлагает свою собственную интерпретацию и категоризацию мира [Вежбицкая 1993].

В рамках когнитивного подхода к исследованию языка, опираясь на теорию интерпретации, предложенную Н.Н. Болдыревым, можно говорить о широком и узком понимании языковой интерпретации. В широком понимании – это любая мыслительная операция, опосредованная языком и направленная на получение нового знания коллективного уровня. В узком смысле языковая интерпретация – это языковая познавательная активность отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик [Болдырев 2017а: 22].

Понимание языка как достояния всего коллектива и каждого отдельного индивида ведет к осознанию того, что и языковая интерпретация как познавательная активность, с точки зрения Н.Н. Болдырева, может быть условно представлена в виде двух своих ипостасей: интерпретации мира, или первичной интерпретации, и интерпретации знаний о мире в языке, или вторичной интерпретации. Первичная интерпретация соотносима с коллективными зна-

ниями о мире, являя собой результат структурирования мира посредством выделения единиц опыта с помощью языка, а также категоризации естественных объектов. Вторичная интерпретация как индивидуальная познавательная инициатива представляет собой «переработку» коллективного опыта и представлена преимущественно в системе модусных категорий и функциональном варьировании языковых единиц и категорий разных уровней. Результатом вторичной интерпретации, поясняет Н.Н. Болдырев, являются новые знания о мире, сформированные в процессах вторичной концептуализации и категоризации [Болдырев 2017а: 29].

Интерпретация характеризуется с одной стороны, статическим аспектом – т.е. результатами концептуализации и категоризации мира как системы концептов и категорий, а, с другой, – динамическим аспектом, представленным языковыми формами, участвующими в самих процессах концептуализации, категоризации и интерпретации полученных знаний [Болдырев 2013, 2017а]. Динамический характер интерпретации обобщается в мысли о том, что «язык не повторяет чистую и абстрактную стихию мысли, он её осуществляет, реализует и заново интерпретирует» [Лосев 1983: 148].

С точки зрения Н.Н. Болдырева, языковая интерпретация может проявляться в трех частных функциях: селекции, классификации и оценки. Функция селекции отвечает за формирование индивидуально ориентированных концептуальных систем, различающихся по структуре и содержанию способами выборочной репрезентации мира, имеет своей целью концептуализацию окружающей действительности и реализуется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Классифицирующая функция, в формулировке Н.Н. Болдырева, предстает в связи с классификацией объектов, а также формированием абстрактных понятий и имён для создаваемых классификаций. Этот тип языковой интерпретации может считаться частью ментального познания мира (т.е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации. Функция оценки «обеспечивает особый, свойственный только человеку, стиль языковой интерпре-

тации знания – оценочную интерпретацию, которая предполагает схематизацию опыта познания объектов и событий в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей на основе определённых оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» [Болдырев 2012: 91–92].

Многообразие мира, раскрывающееся в бесконечном разнообразии свойств и отношений, не только является концептуальной базой языковой интерпретации, но и обусловливает ее специфическую природу, заключающуюся в потенциально бесконечном множестве актов интерпретации. Субъект концептуализации и категоризации знаний, как подчеркивает О. В. Магировская, «выступает базовой точкой отсчёта, относительно которой выстраивается вся система знания, включённая в осмысление фрагмента действительности» [Магировская 2017: 158]. Знания, полученные в ходе познания этого многообразия, выступают в качестве объекта интерпретации.

Р. Лэнекер полагает, что актуализация смысла и выбор элементов знания с помощью единиц языка осуществляются при опоре на систему энциклопедических знаний как общей базы данных, которая может быть описана, с точки зрения наличия в ней конвенциональных и неконвенциональных, общих и специфических, сущностных и несущностных, характеризующих и нехарактеризующих знаний, непосредственно обусловливающих релевантность («центральность» (centrality)) той или информации и ее актуализацию в процессе интерпретации. Так, например, форма, как ингерентный признак является сущностным свойством, тогда как размер, выявляющийся только в процессе сравнения объектов или при наличии измерительной шкалы, не является сущностным свойством. Не является полностью характеризующим свойством размер, однако, имеет более высокий характеризующий потенциал, нежели, например, цвет [Langacker 1987: 158–161]. Избирательность элементов знания в процессе языковой интерпретации еще раз акцентирует внимание на ее динамической природе.

Языковая интерпретация, таким образом, есть универсальная когнитивная способность, связанная со стремлением человека оценить окружающую действительность, которая лежит в основе всей системы конструирования мира в языке. Множество субъектов интерпретации, в распоряжении которых имеется как коллективный, так и собственный когнитивный опыт общения с миром, обусловливает потенциальную неограниченность количества «миров», представленных в языке. В этой связи обоснованным представляется обращение к вопросу специфики отражения субъектом интерпретации различного опыта, имеющегося в его распоряжении, в частности, опыта познания количественных отношений действительности.

3.4. КОЛИЧЕСТВО как интерпретирующий формат знания

Объективная полиморфность количественных характеристик и отношений объектов и явлений окружающего мира обусловливает необходимость ее обработки и структурирования. Выше отмечалось, что концепт КОЛИЧЕСТВО является стабильным элементом концептуальной системы человека и как статическая единица включает знания об объективно данной количественной стороне бытия. Количественные свойства бытия, обработанные сознанием и интерпретируемые языком, вносят существенный вклад в процесс категоризации мира, что позволяет считать КОЛИЧЕСТВО одной из доминант когниции. Осмысленные в ходе познания и оформленные при помощи языка количественные различия объектов и феноменов действительности как результат процесса первичной интерпретации, становятся частью знаний о естественных объектах, элементами общего фонда энциклопедических знаний коллектива, представленными в языке в системе лексических категорий. Дифференциация сознанием феноменов действительности с точки зрения их интенсивности (как частного аспекта количества), отражается в языке, например, в разных номинативных единицах, фиксирующих эти существенные признаки, выделенные в процессе познания количественного многообразия мира. Приведем примеры:

1) *Already, at the first drop of* ***rain****, a few of the younger generation had begun to say openly, "There is God; there is no more Ta-wang! He is kept in by the rain." But he wasn't. They carried him out on a sedan chair. Surely he would stop the* ***shower****! Then came the* ***downpour*** [*W. Nee*. Sit, Walk, Stand: The Process of Christian Maturity (Электронный ресурс)].

2) ***La pluie*** *crépita sur son front.* ***L'averse*** *redoublait, ruisselant sur les écrans blindés des casques* [*G. Musso*. Le Passager 2011: 203].

3) *Конечно,* ***дождь*** *в лицо – не то же самое, что свинцовые пули, но свинцовые пули на такой высоте долго не удержатся, а два часа секущего* ***ливня*** *выдержит не всякий* [*С.Трищенко*. Таблетки от пуль (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры показывают, что концептуализация степени интенсивности атмосферных явлений обусловила формирование отдельных номинативных единиц, соответствующих русским *дождь* и *ливень*, – конституентов категории «Природные явления». Отметим в этой связи замечание Ш. Балли о том, что «простое количественное различие можно провести практически относительно любого объекта мысли, поскольку категория интенсивности как частное проявления категории количества может интерпретироваться в самом широком смысле, … если под термином «интенсивность» понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях» [Балли 2001а: 202–203].

Подобным образом, визуальное восприятие и осмысление размерных различий объектов природы оформляется языком в виде лексем, соответствующих русским *море* и *океан*:

4) *And just short of Point Lobos, the Carmel River reaches* ***the sea*** *…* [*J. Steinbeck*. The Log from the Sea of Cortez (Электронный ресурс)]. *On the whole gleaming* ***ocean*** *parted from top to bottom, and he saw a heightened fragment of the common world – thread-like roads, ... a winding river, the huddle of a town*

with smoke, the minute patchwork of fields [*O'Brien P*. Collected Short Stories 1995: 178].

5) *Vous voyez les formes qui sont dans* ***la mer*** *rouler sous les vagues à vau-le-feu* [*V. Hugo*. Les Travailleurs de la mer (Электронный ресурс)]. *Ces échanges énergétiques, inégalement répartis à la surface de la planète, sont à l'origine du mouvement de l'atmosphère et de* ***l'océan*** **[***Ph. Bougeault, R. Sadourny*. Dynamique de l'atmosphère et de l'océan (Электронный ресурс)].

6) *Летом* ***море*** *было ежедневным праздником* [*Ф.А. Искандер*. Рассказ о море. (Электронный ресурс)]. *Плескается, ворочаясь, тяжелый* ***океан,*** *плюет и фыркает, сопит спокойно* [*Л.Н. Андреев*. Избранное (Электронный ресурс)].

Отмеченная выше роль концепта КОЛИЧЕСТВО в первичной интерпретации мира, еще раз подчеркивает его значимый функциональный потенциал и статус одной из ключевых структур в концептуальной системе человека. Однако еще большую значимость данный концепт имеет для процесса обработки уже имеющихся коллективных знаний о мире. Динамический характер интерпретации количественных свойств действительности раскрывается в вариативности языковой репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО, что обусловлено субъектно-ориентированной природой языковой интерпретации, предопределяющей модусный характер концепта КОЛИЧЕСТВО. Известно, что для процесса первичной интерпретации естественных объектов мира первичны сами объекты и явления действительности, тогда как для вторичной интерпретации (в том числе и количественной) особое значение приобретают уже имеющиеся знания об этих объектах и явлениях. Другими словами, знания о различных ингредиентах окружающей среды перерабатываются интерпретирующим сознанием, в результате чего, рождаются единицы языка – продукт рефлексии индивида над тем или иным фрагментом бытия.

Первично интерпретированные знания об объектах и явлениях мира, зафиксированные в лексических категориях, становятся когнитивным основанием процесса вторичной интерпретации. Так, отмеченные выше знания об

интенсивности и размерности феноменов действительности (*дождь*/*ливень*, *море*/*океан* и т.д.), фиксированные соответствующими номинативными единицами, становятся объектом вторичной интерпретации. Приведем лишь несколько примеров:

7) *Mrs Carberry walked into the slow* ***rain of petals*** *with her head down, hump-backed with anxiety* [*I. Murdoch*. An Accidental Man 2003: 50].

8) *A travers l'averse et les embruns,* ***une pluie de métal*** *sifflait, frappait, détruisait* [*G. Musso*. Le Passager 2011: 157].

9) *Солдат сделал пару выстрелов в сторону этих вспышек, но* ***дождь пуль*** *посыпался прямо на его позицию* [*Д. Чернов*. Девушка на скамейке (Электронный ресурс)].

Знание о том, что дождь как природное явление представляет собой атмосферные осадки, выпадающие в виде множества водных капель, способствовало индивидуальному осмыслению процесса облетания лепестков с деревьев (7) и интенсивности стрельбы (8) и (9) в терминах данного природного явления. Подобным образом характерные признаки моря как природного объекта, выделенные в процессе первичной интерпретации, становятся когнитивным основанием вторичной интерпретации – интерпретации уже имеющихся знаний о данном объекте природы:

10) *Langdon turned to face his* ***sea of eager students*** [*D. Brown*. The Da Vinci Code 2003: 99].

11) «*Un éternel movement dans le même cercle, une éternelle répétition, un éternel passage du jour à la nuit et de la nuit au jour ; une goutte de larmes douces et* ***une mer de larmes*** *amères !* » [*L. Bloy*. Le Désespéré (Электронный ресурс)].

12) *Люди в полицейской форме, люди в гражданском и цветы, цветы, цветы –* ***море цветов*** [*Т. Степанова*. Яд-шоколад (Электронный ресурс)].

Заметим, что приведенные примеры, иллюстрирующие результат вторичной интерпретации знаний о природных феноменах, указывают и на наличие скрытых дополнительных смыслов, связанных, например, со специфическими характеристиками некоторого множества, или состоянием человека,

что делает очевидной связь концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО. Отметим также, что интерпретирующий потенциал концепта КОЛИЧЕСТВА проявляется и в его классифицирующей функции. Рассматриваемый в этом ракурсе, он являет собой структуру, созданную человеком с целью осмысления и категоризации отдельных аспектов реальности. Например, звездная система классификации ресторанов и отелей или классификация общественного транспорта интерпретируют качество предоставляемых услуг в процессе активации знания в рамках конкретной системы классификации.

Специфика природы концепта КОЛИЧЕСТВО, как и всех концептов модусного типа, характеризуется тремя основными взаимосвязанными характеристиками: внутриязыковой природой, вторичным статусом и инферентностью [Болдырев 2017а: 42]. Внутриязыковая природа концепта КОЛИЧЕСТВО подтверждается отсутствием референции у языковых средств репрезентации количества: *много, мало, десять, достаточно* и т.д., что может свидетельствовать о том, что количество есть продукт деятельности сознания человека, результат осмысления количественного аспекта бытия. Вторичный статус концепта КОЛИЧЕСТВО проявляется в том, что он приобретает свое содержание только при соотнесении с другим концептом, т.е. в единой концептуальной структуре «КОЛИЧЕСТВО + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ», поскольку, как считает Н.Н. Болдырев, «оценочный концепт связан с реальным миром не напрямую, а лишь через другую структуру знания, соотнося, в то же время эту структуру знания с идеальным миром в сознании человека – системой мнений и оценок» [Болдырев 2015а: 30]. Как концепт модусного типа КОЛИЧЕСТВО характеризуется инферентностью, т.е., в формулировке Н.Н. Болдырева, «потребностью в выводном знании для формирования необходимого смысла» [Болдырев 2017а: 42]. Так, например, формирование смысла ‘много’ при интерпретации словосочетания *гора книг* подразумевает знание определенных параметрических характеристик такого объекта природного ландшафта, как *гора* и соот-

ветствующего вывода в отношении определенным образом расположенных предметов.

Как концепт модусного типа КОЛИЧЕСТВО лежит в основании модусной категории количества, в которой воплощаются представления человека о количественной онтологии мира, поскольку модусная категоризация есть процесс подведения под отдельный класс языковых единиц, которые являются продуктом интерпретирующей деятельности человеческого сознания. В этом смысле формирование категории количества мотивировано способностью человека интерпретировать реальность с точки зрения количественных признаков, тогда как ее функциональный статус определяется наличием языковой функции количественной оценки действительности.

В целом следует подчеркнуть, что именно философское осмысление человеком объективной действительности, обобщающее ее онтологические и социокультурные основания, предопределяет категориальный характер человеческого мышления и в этом смысле, как считает, Дж. Лакофф, «нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действия и речи, чем категоризация» [Lakoff 1987: 5].

По определению Н.Н. Болдырева, «категория как формат знания – это знание и класса объектов и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию. При этом именно данное концептуальное сходство объектов, устанавливаемое человеком, и есть то универсальное свойство категории, которое отличает ее от других форматов знания» [Болдырев 2016б: 7]. Специфика категориального формата знания о количестве обусловлена интерпретирующей природой концепта КОЛИЧЕСТВО.

Рассмотрение принципов формирования категории количества с позиций прототипического подхода обусловливает необходимость сочетания внутренней стабильности и гибкой приспособляемости формирующих ее конституентов. Прототипический принцип организации подразумевает, как известно, наличие центра, периферии, а также более / менее прототипических

членов категории. Стабильный центр категории формируется прототипом как наиболее типичным образцом, вокруг которого объединяются схожие с ним элементы. Данная радиальная структура со значимым центром и менее существенной периферией в совокупности образует единую сеть значений или категорию. Например, категория **число**, как считает Дж. Лакофф, формируется центральными членами – одноразрядными числами, из которых образуются другие числа – комплексные, рациональные, являющиеся периферийными членами данной категории. В совокупности и центральные, и периферийные члены составляют категорию ***число*** [Lakoff 1987:17].

Статические и динамические признаки концепта КОЛИЧЕСТВО экстраполируются и на формируемую на основе данного концепта языковую категорию количества. Грамматическому способу репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО отводится центральная роль в формировании языковой категории количества. Грамматическая категория числа (прежде всего имен существительных) представляет ядро, стабильный центр категории, поскольку связана с числом благодаря своей противопоставленности единичности – числу, которое всегда целостно и постоянно. Лексико-грамматический класс числительных также формирует центральную зону категории, являясь средством репрезентации концепта ЧИСЛО в языке. Таким образом, грамматические формы числа и класс имен числительных есть стабильное ядро данной категории.

Динамические признаки категории представлены в лексических, синтаксических средствах репрезентации количества, например, в существительных-метафорических квантификаторах, реализующих концептуальные характеристики МНОГО / МАЛО. Подчеркнем в этой связи, что способность человека формировать представление о количестве без обращения к операции счета значима для осмысления способов репрезентации в языке результатов ненаучных методов познания количества, имеющих ярко выраженный индивидуально оценочный характер. Специфика оценочного знания как раз и заключается в том, что оно, по мнению М.В. Никитина, «довольствуется

симптоматическими представлениями, при определении качества объектов оно не требует опытной проверки, а при установлении количества обходится без измерения» [Никитин 2003: 66].

Этот факт обусловливает включенность в языковую категорию количества средств языковой репрезентации количественной оценки параметрических характеристик объектов – их длины, ширины, объема, количественной оценки явлений – показателей их соотнесенности с временными мерами, количественной оценки процессов – их скорости, частотности, интенсивности и т.д. Кроме того, конституентами языковой категории количества являются и фразеологические единицы (*денег куры не клюют*; *пруд пруди; с гулькин нос* и т.п.), феномен редупликации, с помощью которого выражается, например, интенсивность качества (*он был бледный-бледный*) или действия (*она танцевала и танцевала*).

В целом, формирование языковой категории количества обусловлено тем, что ЧИСЛО как когнитивный прототип преломляется в представлениях о единичности и множестве (количестве), размере, объеме, плотности, скорости, длительности и т.д. В этой связи вполне обоснованным видится тот факт, что среди выделяемых А. Вежбицкой семантических универсалий, многие соотносимы с количеством: *атрибуты* – большой, маленький'; *кванторы* – один, два, много, мало, несколько, все; *таксономия, партономия* – вид, сорт, часть; *интенсификаторы* – очень, больше, *пространство* – далеко, вблизи, *время* – долго, недолго [Вежбицкая 1996; 1999]. Данный факт позволяет утверждать, что КОЛИЧЕСТВО наряду с ПРОСТРАНСТВОМ и ВРЕМЕНЕМ является одним из важных орудий познания мира. Как интерпретирующий формат знания КОЛИЧЕСТВО отвечает не только за объяснение многообразия количественных свойств действительности, но и выступать в качестве ориентира интерпретации качества.

3.5. Типы и форматы знаний как когнитивная основа количественной интерпретации качества

Проблема количественной интерпретации качества соотносима с общей многовекторной проблематикой, включающей вопросы, связанные с самим феноменом знания как таковым, процессами формирования знания, а также репрезентацией знаний в языке. Следует отметить, что многообразие подходов, наблюдаемое в области изучения соотношения языка и знания, свидетельствует не только в пользу признания исследователями когнитивной и антропоцентрической сущности языка как совокупности опыта многих поколений человечества, различных культур и каждого отдельного индивида, но и в пользу востребованности и актуальности данного рода исследований как показателей общей направленности современной науки, ориентированной на человека. Попытки объяснить специфику процесса формирования знаний и их отражения в языке предпринимаются с различных ракурсов, что обусловливает содержательную вариативность как общих концепций, так и частных аспектов данной проблематики (см.: [Anderson 1983; Barsalou 1999, 2008; Croft, Cruse 2004; Langacker 1991; Pinker 1999; Paivio 1971, 1986; Pylyshyn 1973, 2001; Кубрякова 2004а, 2008; Павиленис 1983; Болдырев 2019а, 2019б; Жаботинская 2008; Магировская 2009; Бабина 2008; Беседина 2008; Шарандин 2008]). Примечательно, что при всей широте подходов к изучению данной проблемы базовым положением, по мнению Н.Н. Болдырева, «остается понимание того, что язык служит средством не только познания мира, его концептуализации и категоризации, но и хранения и передачи знаний о нем, как бы по-разному не трактовались при этом сами знания, а также процессы их получения, обработки и хранения, в том числе их биологическая специфика» [Болдырев 2019а: 43]. Обращение к вопросам, связанным с процессом формирования знаний о количественном и качественном аспектах действительности, рассмотрением их типологии и механизмов их актуализации поможет раскрыть природу процесса количественной интерпретации качества в языке.

Прежде всего следует отметить, что с когнитивно-эволюционной точки зрения жизненный опыт людей является основой знаний, а извлечение из опыта важной для жизнедеятельности информации отвечает их потребности в развитии информационного контроля окружающей среды, в развитии увеличивающих приспособленность защитных форм поведения [Меркулов 1999: 155]. Поэтому не вызывает сомнения тот факт, что «все наше знание начинается с опыта» [Кант 1994: 32].

Очевидно, что в процессе познания действительности вообще и количественно-качественной онтологии бытия, в частности, существенную роль играет сравнение. Согласно Новой Философской Энциклопедии, сравнение есть «акт мышления, посредством которого на основе фиксированной установки оценивается, упорядочивается и классифицируется содержание познания» [НФЭ 2010: 625]. Будучи объективно данными категориями бытия, количество и качество отражают базовые свойства действительности – количественную определенность и качественное своеобразие. Сравнение количественных и качественных различий объектов и явлений окружающего мира отображается в сознании в связи с их свойствами, их специфическими особенностями, т.е. их признаками.

Совершая операции по дифференциации и отождествлению поступающей извне количественно-качественной информации об объектах и явлениях действительности, сознание человека формирует своего рода «базу данных» об устройстве реального мира и его количественно-качественном многообразии. Процесс познания этого многообразия представляет собой, таким образом, сбор информации, конвертируемой впоследствии в систему знаний о количественных и качественных отношениях реальности. Важно подчеркнуть, что, всякому знанию, в том числе и знанию о количестве и качестве предшествует, по мнению Е.С. Кубряковой, «онтологическая реальность, хотя и преобразованная человеческим мозгом хотя и «пропущенная» через его разум, но все же и в таком «сконструированном» этим разумом виде, имеющая онтологические основания» [Кубрякова 2008: 18].

Общность когнитивного аппарата человека, в целом общие условия окружающей среды, под которые подстраиваются все культуры [Talmy 2001: 390] подразумевают и общность получаемого извне перцептивного опыта, а также общность способов его обработки сознанием. Организация полученных объективных данных о количественных и качественных свойствах окружающей реальности создает основу для формирования общей системы знаний человека об этих гранях онтологии мира.

Отдельного внимания заслуживает система энциклопедических знаний человека, включающая различные области: математику, физику, биологию, химию, астрономию, географию, философию, литературу и т.д. Система энциклопедических знаний представляет собой систему знаний универсального характера, разделяемых всем человеческим коллективом. Научное знание как основа энциклопедических знаний формируется в процессе развития общества, вбирая в себя эмпирический и теоретический опыт предшествующих поколений, общие принципы и законы организации природы и общества. Влияние научного знания, отмечает Е.Г. Беляевская, оказывается одним из значимых источников интерпретации знаний о мире в языке (см. подробнее: [Беляевская 2017: 84]).

Подчеркнем, что для научного знания характерно понимание общих принципов и законов как «не требующих доказательств». Так, по словам А. Пуанкаре, «равенство 2 + 2 = 4 могло подлежать проверке только потому, что оно является частным случаем. Всякое частное выражение в математике всегда может быть таким образом проверено; но если бы математика должна была сводиться к ряду таких проверок, то она не была бы наукой. Всякая наука есть наука об общем. Можно даже сказать, что точные науки имеют своей задачей избавить нас от необходимости таких прямых проверок» [Пуанкаре 1990: 14–15]. Другими словами, научное знание как конечный результат всех предшествующих опытных проверок, выводов и доказательств, является своего рода средством экономии усилий, которое инкорпорировано в

общую систему знаний человечества и не требует доказательств как, например, не требует доказательства тот факт, что два плюс два равно четыре.

Говоря о научном знании в области соотношения количества и качества, нельзя не упомянуть широко представленные в физике и математике числовые показатели, используемые как для оценки свойств самих веществ, так и для оценки качества протекания различных процессов («число Рейнольдса», «число Струхаля» и т.д.). Так, число Прандтля (*P*), например, как материальная константа вещества в зависимости от его типа (качества) имеет разные значения: у газов – порядка единицы, у очень вязких жидкостей *P* может достигать очень больших значений (например, вода – 6,75; спирт – 16,6; глицерин – 7250) [Ландау, Лифшиц 1986].

Приведенные количественно-качественные соотношения, безусловно, являются примером специального знания в области теоретической физики и не являются частью концептуальной системы среднестатистического человека. Однако существует достаточное количество других примеров актуализации знания научного типа в сфере количественно-качественных соотношений, которые, прочно укоренившись в обыденном сознании, указывают на отсутствие четких границ между «научным» и «ненаучным». Это, прежде всего, эксплицитно представленные в языке определённые числовые инварианты, единицы измерения пространства (*метр*, *фут* и т.д.) при помощи которых определяются физические свойства объектов реальной действительности: размер, вес, удаленность и т.д., а также единицы измерения времени (*сутки*, *месяц*, *год* и т.д.). Количество в этом случае интерпретирует некое качество, рассматриваемое в пространстве или во времени. Кроме того, знания в области физики, химии, астрономии, медицины, метеорологии, сейсмологии и т.д. вкупе составляют научное знание о количественно-качественных отношениях, являясь когнитивным основанием процесса количественной интерпретации качества.

Следует заметить, что на статус универсальных и общезначимых могут претендовать знания, формирующиеся в любой интеллектуальной сфере. Из-

вестно, например, что образцы поведения и морали, этические и эстетические идеалы в человеческом обществе, как правило, задаются произведениями искусства, составляющими культурное наследие всего человечества, что также позволяет рассматривать их в качестве элемента системы общего знания и потенциального источника интерпретации.

Таким образом, в целом схожая оценка количественно-качественной природы бытия обеспечивается общностью когнитивной системы членов человеческого коллектива, объективным характером количественно-качественных связей, едиными универсальными и общезначимыми принципами и законами научного знания и интеллектуального знания в целом.

Общее по своему типу знание коллективного характера формируется и внутри отдельно взятых крупных групп людей и целых культур. Являясь посредником между индивидом и действительностью, культура, представляющая собой «совокупное коллективное знание или комплекс знаний» [Виноградов 2008: 7], не может не влиять на его когнитивную деятельность, поскольку структурирование поступающей извне информации проходит главным образом в рамках культуры. Очевидно, что и система знаний, и языковая интерпретация как процесс конструирования действительности в языке мотивированы картиной мира определенного лингвокультурного сообщества. Поскольку именно язык структурирует и хранит знания о мире, то вместе с языком человек наследует в определенной степени и картину мира, сформированную в национальном сознании. По мнению Г.Д. Гачева, «все индивидуальности, входящие в данную нацию, объединены между собой национальной общностью, которая в свою очередь отличает каждую отдельную систему мировосприятия от подобной же системы другого народа» [Гачев 1999: 165].

Связанные общим знанием, члены коллектива образуют единство, отличающееся от других своими нормами, ценностными установками, стереотипами – элементами всеобщего знания, обеспечивающими взаимопонимание внутри лингвокультурного сообщества и зафиксированные в языке. По сло-

вам Е.С. Кубряковой, «структуры знания, фиксируемые в языке, – это прежде всего «естественные» структуры, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого «разделенного знания» (shared knowledge)» [Кубрякова 2001а: 8].

Отметим, что культурные различия несомненно затрагивают, в том числе, и сферу представлений о количественных, пространственно-временных отношениях действительности как стабильных компонентах знания любого культурного коллектива. Очевиден, например, факт вариативности систем измерения, релевантных для той или иной культуры. Хотя сегодня в целях успешного межкультурного взаимодействия, чаще всего применяются унифицированные системы, тем не менее, существуют примеры и специфических систем. Известно, что для русской и французской культур характерно использование метрической системы, однако и сегодня во Франции иногда используется неофициальная единица – французский фут или pied (от *pied de roi* – длина ступни короля, равная примерно 30 см). В Великобритании и в США наряду с официальной метрической используется и английская система мер.

Известным является факт детерминированности системы знаний той или иной лингвокультуры географической средой обитания – спецификой ландшафта, определенными климатическими условиями, оказывающими непосредственное влияние на жизнедеятельность коллектива, формирование его менталитета. По мнению Е.Г. Беляевской, географические параметры того пространства, в котором проживает и которое осваивает социум, являются первым источником реализации интерпретирующей функции языка (см. подробнее: [Беляевская 2017: 83]).

Естественным следствием этого является то, что при осмыслении параметрических характеристик объектов, например, их высоты эскимос будет опираться на образ айсберга, житель островов Тробриан – на образ пальмы, житель Тибета – на образ Гималаев, а житель большого города – на образ не-

боскреба [Schaff 1973: 149]. По мнению Тань Аошуан, «с когнитивной точки зрения оказывается интересным возможность соотнесения языковой семантики с «плоскостным», «равнинным» мышлением или с «горным» языковым сознанием, о возможной связи языка с определенным типом ландшафта» [Тань Аошуан 2004: 28]. Так, несмотря на тот факт, что горы занимают 60% площади Китая, она отмечает, что нельзя говорить о приоритете «горного» языкового сознания, поскольку очагом китайской цивилизации является бассейн Желтой реки. По всей видимости многовековая борьба китайского народа с наводнениями объясняет не только факт того, что любое «капание» или «журчание» легко ассоциируется китайцами с грядущими катаклизмами, но и факт наличия в китайском языке множества фонограмм, имеющих ключевым значением «вода» [Там же: 48].

Формирование системы коллективных знаний британской культуры обусловлено островным положением, специфические климатическими условиями. Природный ландшафт Франции, характеризующийся наличием довольно крупных рек, обусловливает подробную языковую «проработанность» данных природных объектов как результат процесса первичной интерпретации объектов действительности, фиксирующего различную степень их интенсивности [см. Lexis Larousse 2002]. Такие особенности русского ландшафта, как бескрайние поля и просторы, становятся неотъемлемыми элементами концептуальной системы любого представителя русской культуры, ввиду того факта, что являются продуктом зрительного восприятия и осмысления территориально-географической специфики России. Указанные различия, обусловливающие вариативность элементов коллективного знания, объясняют и специфику языковой интерпретации количественных свойств действительности, наиболее выпукло проявляющуюся, например, в выборе определенных объектов действительности на роль ориентиров интерпретации признака «много» или «мало»:

13) *But all she saw as she wandered in the direction of the Reichstag were droves of British and American soldiers hurrying past and here and there an* ***island of curious Berliners****…* [*D. Steel*. The Ring 2004: 187].

14) *Depuis cette soirée, il était souvent monté très haut,* ***un fleuve de millions*** *avait coulé entre ses mains* [*E. Zola*. L'argent 1954: 18].

15) *Тут есть над чем поработать … да тут* ***поле непаханое работы****!* [А.А. Бушков. *Спаситель Короны* 2014: 54].

Таким образом, специфика мировосприятия и дальнейшая языковая интерпретация обусловлены не только различиями в структуре сознания представителей различных лингвокультурных сообществ, но и разными ментальными образами, сформированными под воздействием специфических условий существования, и образующими систему коллективного знания.

Факт наличия общего коллективного сознания не отменяет, однако, наличия у человека и собственного когнитивного опыта. Б. Рассел подчеркивает, что «знание каждого человека главным образом зависит от его собственного индивидуального опыта: он знает то, что видел, слышал, что он прочел и что ему сообщили, а также то, о чем он, исходя из этих данных, смог заключить» [Рассел 2000: 18]. В этой связи А.А. Залевская считает, что одной из актуальных задач в рамках антропоцентрической парадигмы представляется задача исследования и «последовательного учета специфики языка как достояния человека, т.е. индивидуального знания, формирующегося в социуме через переработку знания коллективного, но не идентичного последнему» [Залевская 1992: 89].

Следует отметить, что необходимость обращения к анализу языковой личности и специфики формирования индивидуального языкового сознания высказывалась и ранее. В. Гумбольдт усматривал назначение любого языка в способности «служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей…» [Гумбольдт 2000: 164]. Аналогичным образом высказывался и И.А. Бодуэн де Куртене отмечая, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляю-

щих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртене 1963: 37], а В.З. Панфилов подчеркивал, что «в языке, в языковых средствах фиксируются моменты субъективности процесса человеческого познания» [Панфилов 1977: 31]. Подобное понимание языка и его роли не только не потеряло своей актуальности, но и предоставляет современной науке почву для размышлений в направлении признания существующей необходимости дальнейшего изучения языка как средства доступа к системе знаний отдельного индивида.

Будучи членом определенного коллектива, индивид наследует от общества готовый продукт – языковое сознание – опыт и знания о мире предыдущих поколений, накопленные в филогенезе и закрепленные в языковых категориях [Schaff 1973: 143]. Кроме того, вся система его мировоззрения формируется под влиянием ценностей, норм и стереотипов, усваиваемых в рамках определенной культуры. Поскольку коллективные знания фиксируются в системном значении языковых единиц, система языка репрезентирует, объективную концептуальную систему, т.е., по определению Р.И. Павилениса, «объективное содержание мыслительного процесса, которое может быть передано от одного индивида к другому, как нечто общее для всех или большинства носителей естественного языка» [Павиленис 1983: 42]. Однако, обладая определенной долей автономии, индивид формирует и свою собственную систему информации о мире, собственную индивидуальную концептуальную систему, к которой он склонен обращаться в процессе оценки объектов и фактов действительности. Становится очевидным, что индивидуальные знания и личностные смыслы, формирующиеся в процессе переработки знаний коллективных, существенным образом влияют на процесс интерпретации.

Говоря о соотношении коллективного vs индивидуального, М.В. Никитин подчеркивает, что «субъективные интересы «питаются» объективным знанием» [Никитин 1997б: 31]. Б. Рассел отмечает, что «коллектив знает и больше и меньше, чем индивидуум: он знает, как коллектив, все содержание энциклопедии, … но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных

вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни» [Рассел 2000: 23]. Раскрывая специфику понятия индивидуального знания, Н.Н. Болдырев отмечает, что индивидуальность знания проявляется в конкретных показателях количественного и качественного усвоения коллективного знания, в его индивидуальной оценке и интерпретации. Индивидуальное знание – это определенная конфигурация коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации [Болдырев 2009: 37].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что система знаний индивида формируется на основе интеграции знаний различного происхождения: знаний разделенного типа, полученных вследствие принадлежности индивида одновременно ко всему человечеству и определенной культуре, и знаний, полученных в ходе собственного индивидуального опыта познания мира. При этом культурно маркированные знания формируются в процессах социализации и инкультурации, вследствие чего, по словам Ю.Е. Прохорова, «принадлежность к определенной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний» [Прохоров 2008: 14]. Знания, вытекающие из личного опыта, суть индивидуальный когнитивный опыт, формирование которого обусловлено множеством факторов (воспитанием, образованием, средой и т.д.). Совокупность различного рода знаний образует, таким образом, понятийный субстрат единиц языка. Проиллюстрируем данный тезис примерами актуализации индивидуальных знаний в процессе осмысления индивидом количественных характеристик действительности:

16) *He's passing by the building at the foot of the Post Office Tower – less ugly these days with its aluminium entrance, blue cladding and* ***geometric masses of windows and ventilation grilles looking like a Mondrian*** [*I. McEwan*. Saturday 2006: 78].

17) *De chaque côté de la route, se dressaient* ***des cactus géants aux bras levés vers le ciel****, sculpture filiformes* ***qui semblaient sortir de l' imaginaire de Giacometti*** [*J.-P. Richard*. La fille tombée d'un rêve 2008: 175].

18) *И в течение полугода потом в Ленинграде наблюдалось* ***полное изобилие овощей и фруктов: прямо Снайдерс какой-то на прилавках*** *…* [*М. Веллер*. Легенды Невского проспекта 2010: 181].

Контексты, приведенные выше, показывают, что индивидуальная языковая интерпретация количественных характеристик представляет собой динамический процесс конструирования смысла за счет подключения знаний из области мирового искусства, что объясняется доминированием той части концептуальной системы человека, которая «отвечает» за хранение данного типа знаний. Так, знание индивидуальных стилей П. Мондриана, А. Джакометти и Ф. Снайдерса стало основанием для интерпретации зрительно наблюдаемого множества окон и вентиляционных решеток на здании (16), параметрических характеристик растений (17) и количества продовольственных товаров на прилавках магазинов (18). Данные примеры не только раскрывают объем индивидуальных знаний индивида, указывая на общий уровень компетентности и эрудиции говорящего, но и указывают на приоритетные зоны – личностные доминанты формирования смысла. В формулировке Дж. Келли личностные доминанты являются своего рода «трафаретами, сквозь которые человек смотрит на этот мир» [Келли 2000: 18]. С.Г. Виноградова, И.Н. Толмачева определяют данное понятие как «те или иные области знания, ценности, мнения, стереотипы, избираемые как преобладающие по сравнению с другими…» [Виноградова, Толмачева 2018: 279].

Из сказанного выше следует, что общая система коллективных знаний «рисует» индивиду разнообразные когнитивные схемы в качестве своеобразных ориентиров осмысления и языкового выражения многообразия фактов реальности. Накопленные в ходе предшествующего опыта многими поколениями человечества, эти знания представляются «готовым планом для осмысления и структурирования информации об объектах и фактах действительности» [Найссер 1981: 74], «формами языкового сознания, которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира» [Болдырев 2016г: 10]. Увязывание когнитивных схем с формами языкового сознания

созвучно с мыслью И.И. Мещанинова о том, что «в лексических группировках, морфологии и синтаксисе прослеживается выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы …» [Мещанинов 1945: 14-15].

Заметим, что использовать схемы и рисунки в качестве способов «мысленного видения» предлагали Г. Гийом [Гийом 2010] и Г. Лейбниц, считавший, например, что, когда мы имеем истины или знания, добытые опытным путем, идет ли речь об истории, географии, об обычаях, законах, канонах, или о языках следует думать в том числе рисунками (см. подробнее: [Гуревич 1991]). Сегодня схемы являются одним из ключевых понятий когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, современных философских и педагогических исследований. Так, в философии сегодняшнего дня термин «схема» тесно связан с понятием онтологии как совокупности обобщенных суждений о мире и человеке, выраженной в формах понятий, образов и метафор [Красиков 2013], а в социальной философии образования под онтологической схемой понимается одна из мыслительных процедур перевода опыта в смыслы сознания [Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013]. В когнитивной лингвистике схематизация является тем необходимым условием, которое требуется для нормальной работы любой когнитивной системы и ее адаптации в мире. Используемые человеком в структурировании и схематизации опыта и языковой информации, схемы имеют интерпретирующий характер, который проявляется в способности человека применять разные схемы коллективного уровня для структурирования индивидуального опыта взаимодействия с миром и разных когнитивных областей [Болдырев 2016г: 12].

Несмотря на использование схем в качестве инструмента анализа в разных научных направлениях, общим в идее их применения является понимание их как определенных структур опыта, при помощи которых человек аккумулирует, обрабатывает, оценивает, интерпретирует и кодирует информацию. В этой связи можно предположить, что процесс количественной интерпретации качества базируется на общих универсальных (общечеловеческих)

схемах, имеющих характер конвенциональных, ввиду их объективной природы, вытекающей из фиксированных сознанием онтологических связей количества и качества. Данный тип схем суть структурированные сознанием и языком всеобщие энциклопедические знания во всех сферах интеллектуальной деятельности человечества: физике, математике, астрономии, сейсмологии, метеорологии, машино- и приборостроении, экономике, политике, медицине, литературе, искусстве и т.д. Сформированные и существующие в рамках данных схем общие законы и представления о количественно-качественных отношениях, фиксированные языком, выступают в роли конвенциональных моделей осмысления качества (*землетрясение магнитудой 6* → ‘разрушительное’, ‘опасное’; *температура воды 70°* → ‘горячая’).

Культурно-специфические схемы, также имеющие характер коллективных и конвенциональных, обусловливают схожесть процесса осмысления количественно-качественных соотношений внутри того или иного лингвокультурного коллектива. Данный тип схем включает знание о количественно-качественных отношениях, релевантных для определенной культуры: имеющиеся в языке специфические системы измерения, количественно-качественные показатели в различных сферах деятельности человека, а также особые образно-символические представления, порождающие конвенциональные (для определенного лингвокультурного сообщества) способы осмысления качества (например, в европейских культурах число ***13*** ассоциируется с несчастьем, ***6*** и ***8*** в китайской культуре символизируют успех и благополучие).

Индивидуальные схемы как схемы частного характера формируются на основе интеграции коллективных и индивидуальных знаний (см. Рис.1). Данный тип схем имеет выраженный эвристический характер: гибкость сознания и интерпретирующая природа языка дают возможность индивиду создавать в рамках индивидуальных схем свои собственные индивидуальные способы осмысления и репрезентации знаний, обусловленные личностными доминантами. Они представляют собой структурирование информации о количест-

венно-качественных соотношениях на основе всех имеющихся у индивида знаний о мире (общих и индивидуальных), репрезентация которых связана с неконвенциональными индивидуально-авторскими способами (*самомнение выше Останкинской башни*).

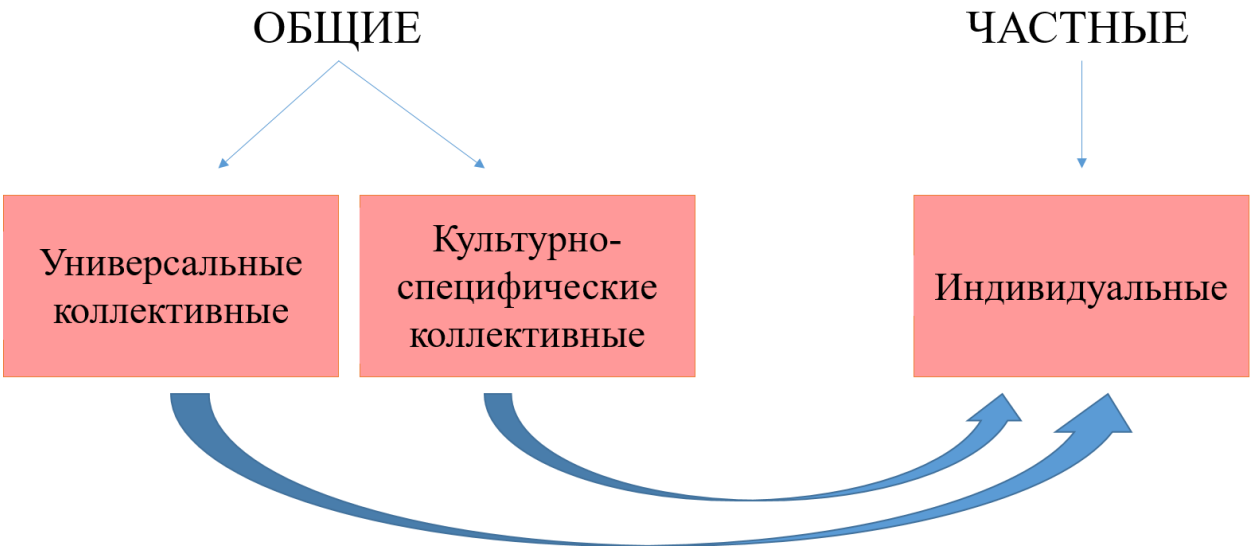

Рис. 1. Типы когнитивных схем

Подводя итог, представим следующие выводы. Процесс количественной интерпретации качества осуществляется в ходе актуализации различных форматов знания коллективного и индивидуального типов, формирующих концептуальную систему индивида. Элементы данной совокупности выступают в качестве когнитивных схем – общего и частного характера, мотивирующих процесс интерпретации. В рамках общих и частных когнитивных схем выделяются когнитивные точки референции (в терминологии Э. Рош), или когнитивные доминанты.

В рамках исследования процесса количественной интерпретации качества под схемами понимается структурированная сознанием и языком информация о количественно-качественных соотношениях бытия как система знаний, в рамках которой традиционные количественные нормы качества в той или иной области знания являются схемами для осмысления качества. Проблема исследования способов репрезентации количественно-качественных

соотношений в рамках индивидуальных интерпретационных схем может считаться потенциально неисчерпаемой, ввиду бесконечного качественного разнообразия самих субъектов интерпретации, различающихся уровнем общей эрудиции, образования, воспитания, лингвокреативного потенциала и т.п.

3.6. НОРМА как когнитивная доминанта количественной интерпретации качества

Ключевым аспектом взаимодействия концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО, вытекающим из онтологии мира и логико-философского осмысления количественно-качественных связей, является возможность фиксации качества количеством. Необходимым в этой связи представляется выявление когнитивных оснований и значимых составляющих данного процесса, что обусловливает обращение к вопросу соотношения понятий меры и нормы и роли концепта НОРМА во взаимодействии концептов КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА.

Обобщая приведенные выше логико-философские аспекты понятия меры, можно говорить о том, что мера есть границы, в пределах которых, несмотря на потенциальные количественные изменения, целое способно сохранять свое качество, свою самость. Как онтологическая и философская категория мера, таким образом, объединяет количество и качество, формируя нераздельное единство, воплощенное в феноменах действительности.

В отличие от объективно данных мер, обусловленных онтологией мира, норм как таковых в природе и окружающей человека действительности не существует. Норма появляется и существует лишь там, где появляется и действует человек, использующий нормы и как базис для сосуществования, и как базис для реализации своих замыслов. Иначе говоря, норма представляется антропоцентрическим преломлением понятия меры: мера есть объективно данные и предельно общие связи и отношения действительности, норма – результаты осмысления и оценки человеком различных соотношений

ингредиентов природной среды и фактов окружающей действительности. Важно отметить, что речь при этом идет о нормативных представлениях коллективного характера, выработанных в ходе развития человеческого общества и/или в рамках того или иного лингвокультурного сообщества, а также индивидуальных нормах, формирующихся на базе коллективных, с привлечением индивидуального когнитивного опыта, с опорой на личные приоритеты, ценности и т.п. Норма, таким образом, по определению Н.Д. Федяевой, есть «мера объектов, освоенных, осмысленных и оцененных человеком; учитывая социальных характер нормы, ее можно определить как *социально обусловленную меру*» [Федяева 2011: 12].

По словам Г. Фреге, «нечто является для меня прекрасным именно потому, что я считаю его прекрасным. Нет ничего, что было бы прекрасным само по себе – оно таково только для воспринимающего существа, и в случае суждений о прекрасном это существо должно всегда присутствовать в мысли. Однако выносим же мы такие суждения, которые, как кажется, претендуют на объективность. В основе этого лежит всегда – сознаем мы это или нет – предположение о человеческой норме, и каждый непроизвольно считает себя близко стоящим к нормальному человеку, что убежден: он может говорить от его имени» [Фреге 2012: 310].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что термином «норма» человек обозначает «все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Первые отрабатываются в стремлении природы к равновесию – необходимому условию ее существования; вторые создаются в ходе целенаправленной деятельности человека» [Арутюнова 1999: 75]. Ю.Д. Апресян считает, что «норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [Апресян 1995: 74]. Р. М. Хэар более кратко определяет норму как некий стандарт, являющийся общепринятым [Хэар 1985: 186]. Приведенные определения, с очевидностью указывают на тот факт, что нормы, понимаемые в самом об-

щем смысле как коллективные стандарты, затрагивают все сферы жизни и деятельности человека, являясь неотъемлемой частью общих и частных когнитивных схем языковой интерпретации.

Вопрос моделирования существующих в сознании норм представляется довольно объемным, ввиду разнообразия областей знания, формируемых в ходе опыта общения человека со средой и, как следствие, присущей им специфики. В отношении норм для предметов действительности, например, вероятно, возможно применение следующего положения: если предмет имеет определенную функцию, то наличие признака этой функции соотносимо с нормой, в случае отсутствия определенной функции (например, растения или животные) представление о норме формируется его ядерными фокусными признаками, демонстрирующими качественную определенность. Приведем примеры:

19) *Вот это* ***стул*** *–* ***на нем сидят***.

Вот это ***стол – за ним едят*** [*С. Маршак*. Кошкин дом (Электронный ресурс].

Наличие функции «мебель, предназначенная для сидения» и «мебель, предназначенная для размещения предметов, принятия пищи и другой деятельности», в примере (19) соответствует норме в отношении таких предметов, как *стул* и *стол*. Отсутствие же четко выраженной функции замещается набором значимых признаков, вкупе составляющих представление о норме. Сравним:

20) *Лев – хищное млекопитающее семейства кошачьих. Обитает в Африке и Гирском заповеднике в Индии. Длина тела самцов до 240 см, хвоста до 110, масса до 280 кг. Самки мельче (половой диморфизм). Шерсть короткая, буровато-желтая, на хвосте кисточка; у взрослых самцов имеется длинная темная грива, покрывающая шею, плечи и грудь* [Энциклопедия. Биология. URL: https://slovar.cc/biol/enc/2326966.html].

21) *Убитый зверь оказался сабельным* ***львом****, хотя* ***по телосложению походил и на медведя****; только форма головы и лап выдавала его принадлеж-*

ность к кошачьему семейству. ***Грива была небольшая****, почти черная, шерсть на теле желто-бурая,* ***хвост без кисточки*** [*В.А. Обручев*. Сочинения 2009: 127].

Несоответствие размерных признаков в примере (21) («походил на медведя», «небольшая грива»), а также отсутствие некоторых ядерных признаков («хвост без кисточки») свидетельствует об отклонении от нормы, представленной в примере (20) наличием ядерных признаков.

Подобным образом представления о нормальном или типичном человеке (усредненная норма) формируются комплексом значимых признаков, существенная часть из которых отражает различные количественные характеристики, фиксирующие нормальные с точки зрения стереотипных для коллектива представлений, показатели роста, веса, количества и длины волос, количества зубов и т.п. Отклонения (положительные или отрицательные) обнаруживаются в процессе сравнения с нормой:

22) *Входит* ***низкого роста****, сухопарый еврей –* ***лысый*** *и* ***без зубов****, в грязной, измятой одежде и дырявых шлепанцах* [Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама 2016: 156].

Отметим в этой связи, что, фиксированные сознанием ингерентные свойства объектов реального мира, репрезентированы в языке существительными (совмещающими в себе, как известно, понятия предметности и признаковости), которые одновременно именуют и характеризуют предметы, соотнося их с представлениями о норме. Например, существительное *кошка*, именуя одушевленный объект действительности, одновременно подразумевает наличие всех признаков, объективно присущих ему от природы, которые вкупе формируют представление о норме данного объекта:

23) *У кошки* ***четыре ноги***

Позади у нее ***длинный хвост***

Но трогать ее не моги

За ее ***малый рост****, малый рост …* [песня из к/ф «Республика ШКИД»].

Очевидно, что в самом общем смысле формирование нормативных представлений, в том числе и количественных, является результатом целого комплекса мыслительных операций по сравнению, обобщению и т.п. объектов и фактов действительности, а их дальнейшее инкорпорирование в систему всеобщего коллективного знания может рассматриваться в терминах когнитивной схемы при освоении индивидуальным сознанием новой информации о мире.

Далее отметим тот факт, что нормы культурно специфичны: формируясь внутри определенного лингвокультурного сообщества, они характеризуются своей устойчивостью и тенденцией к стереотипизации. Не являются в этом смысле исключением и представления о количественных показателях нормы, определяющие вектор последующего развития качественных смыслов. Так, по замечанию Г. Фреге, свойство «быть нормальным целиком зависит от той среды, которая принимается во внимание. Как можно заставить негра в Центральной Африке отказаться от взгляда, что узкие носы европейцев некрасивы, а широкие негритянские носы, наоборот, красивы?» [Фреге 2012: 310]. Отметим и тот факт, что нормы могут меняться с течением времени под влиянием ценностей, характерных для общества на том или ином этапе развития.

Заметим, что культурно маркированные нормы, выступающие в качестве регулятивов поведения для представителей того или иного лингвокультурного сообщества, часто фиксируются во фразеологическом фонде языков. Так, например, предписываемые русской культурой количественно-качественные нормы, отражены в таких выражениях, как *тише едешь, дальше будешь*; *семь раз отмерь, один отрежь*; *один в поле не воин* и т.п.

В целом, очевидным представляется тот факт, что источником представлений о норме является человеческий опыт – научный или обыденный, теоретический или практический, общечеловеческий или ограниченный рамками конкретной культуры, формирующийся в ходе познания действительности. Процесс получения нового знания опирается на выработанные в той или

иной сфере опыта нормы в ходе мыслительной операции сравнения, поскольку, по словам Е. М. Вольф, «только сравнив **А** с **Б**, можно сказать, что **А** – большое, а **Б** – маленькое» [Вольф 2002: 48].

Норма как «определенная средняя величина» [Сепир 1985: 56] мыслится в виде точки отсчета на условно выстраиваемой шкале. Термин «условно выстраиваемая шкала» представляется адекватным средством анализа и объяснения процесса количественной оценки качества, прежде всего, ввиду того, что данные современных психологических исследований указывают на существование в организме сенсорных шкал, оценивающих различные величины. Другими словами, за человеческим организмом признается способность быть своеобразным измерительным прибором и при помощи чувственного восприятия разных величин судить об их количественной стороне. При этом подчеркивается, что, несмотря на возможные ошибки, существует достаточно высокая степень изоморфизма между психическим (чувственным) восприятием и точным (числовым) измерением [Брунер 1977; Ивин 2015].

Способность человеческого сознания формировать лишь общее представление о каком-либо количестве без обращения к точным операциям измерения и счета как альтернатива математическим, научным методам познания количества чаще базируется на интуитивной шкале оценки, выстраиваемой с помощью эмпирических когнитивных структур (сенсорных модальностей) и обыденного знания. По мнению Г.Г. Галич, наибольший исследовательский интерес представляют примеры псевдоточных количественных оценок, опирающихся не столько на конвенциональные шкалы и количественные эталоны, сколько на «создаваемые говорящим окказиональные образные ‘системы мер’» [Галич 2002: 54].

Структура оценочной шкалы отражает две основные стороны оценки – объективную и субъективную. С одной стороны, шкала учитывает отношение субъекта, а с другой – свойства объекта оценки [Вольф 2002: 48]. Иначе говоря, индивидуальная шкала выстраивается на базе коллективных знаний, ценностей, стереотипов, с которыми и соотносятся явления, события, объек-

ты. Такое наложение объективного и субъективного часто приводит к достаточно неопределенному положению на шкале оценки, поскольку, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, «едва ли можно с уверенностью сказать, какое здание больше – громадное или огромное. Столь же трудно определить, какая дырка меньше – крошечная или малюсенькая» [Арутюнова 1988: 248]. Цена деления на шкале и сама норма находятся, таким образом, в прямой зависимости от приоритетов, личных ценностей, эмоционально-психологических, интеллектуальных особенностей индивида. Один индивид может оценить некоторое количество в терминах «много», а другой вполне может охарактеризовать то же самое количество в терминах «мало» (что непосредственным образом влияет и на дальнейшую оценку качества), поскольку в таком случае основанием оценки становятся ощущения индивида, базирующиеся на собственных представлениях о норме, относительно которого и происходит движение в том или ином направлении.

В целом, как отмечает Е.М. Вольф, «при любой оценке количественной или качественной, частной или общей, в картине мира субъекта оценки существует соответствующий стереотип, на который опирается вся система оценок» [Вольф 2002: 56]. Другими словами, оценки (в том числе количественно-качественные) ориентированы на нормы как некие готовые шаблоны или схемы, не подразумевающие опытной проверки. В этом смысле не является исключением и оценка качества феноменов действительности, которая может базироваться на онтологических, социальных, индивидуальных нормах как ключевых элементах любой шкалы оценки. Поясним сказанное примером. Поскольку, как отмечалось выше, норма объектов действительности определяется их сущностной природой, т.е. их онтологией, ингерентные характеристики объектов действительности формируют представление об их норме: *металл*, *льняная ткань*, *трава* и т.д. Качественные различия одного и того же объекта (т.е. без нарушения количественной меры) могут определяться количественными показателями, фиксирующими их положение на оценочной шкале, в основе которой лежат, например, представления о нату-

ральном числовом ряде (0, 1, 2, 3 и т.д.). В этом случае количественные показатели, привнесенные и установленные субъектом оценки относительно нормы, принимаются за точку отсчета и соответствуют нулевому показателю. Количественные показатели «наделяют» объекты дополнительными адгерентными признаками, конвертируя их качественные характеристики в показатели степени надежности, утилитарности, функциональной пригодности и т.д., основанные на опыте обращения человека с этими объектами: *второсортный металл*, *первоклассная льняная ткань*, *прошлогодняя трава* и т.д. (см. рис. 2).

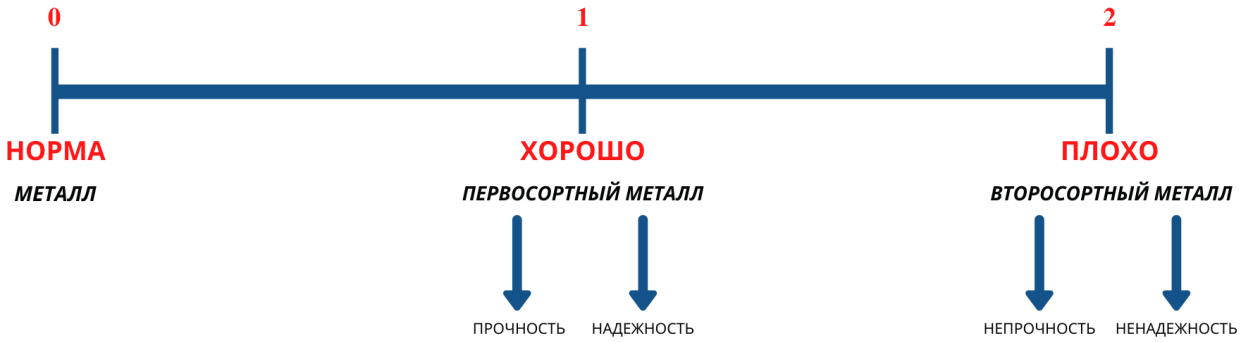

Рис. 2. Числовой ряд как шкала оценки

Таким образом, оценка качества объектов действительности в количественных терминах специфицирует различные характеристики объектов, предоставляя, например, возможность прогнозирования области их применения.

Оценочные шкалы, базирующиеся на нормах различного типа, являются значимой компонентой жизни общества в целом, и каждого индивида в отдельности. Универсальные количественные нормы качества присутствуют абсолютно во всех сферах деятельности человека: в науке (в метеорологии – количество осадков, высота снежного покрова, различного рода климатические нормы), технике (числовые стандарты нормы качества приборов, автомобилей, строительных материалов и т.д.), медицине (основные показатели здоровья человека: нормокардия – 60–90 уд/мин, норма шкалы давления – 120/80 и мн. др.), образовании (шкалы индивидуальной успеваемости), искусстве (принцип золотого сечения) и спорте (спортивные нормативы), вы-

ражая качественные характеристики и состояния человека, артефактов, природы. В терминах количества зачастую оформляются правила взаимодействия людей в социуме – т.е. социальные нормы как индикаторы коллективных конвенций (правила дорожного движения и норма скорости 60 км/ч в черте города или же 120 км/ч по автобану, нормы труда 35 час/неделю во Франции, 40 час/ неделю в России и т.п.). Речь идет об оценке качества, которая в целом предполагает, как характеристику свойств отдельных объектов, так и социальных, экономических явлений и процессов. Заметим, что указанные нормы не только указывают на тесную связь концептов КОЛИЧЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, но и на интерпретирующий потенциал количественных характеристик в отношении КАЧЕСТВА.

Подводя итог, подчеркнем, что оценочная деятельность сознания осуществляется в непосредственной связи с понятием нормы, которая трактуется как антропоцентрическое преломление категории меры, как ее социально маркированная ипостась. Совокупность представлений о норме формируется в процессе деятельности человека в различных сферах его бытия и включает различные типы норм как результат знаний, релевантный для той или иной области деятельности. Нормы условно могут быть разделены на онтологические нормы, проистекающие из представлений об объективном количественно-качественном устройстве бытия, и аксиологические нормы – рациональные эстетические и этические представления.

Количественные нормы качества (научно обоснованные числовые стандарты, общие логические законы соотношения количества и качества, культурно специфические стереотипные представления, порождающие формирование социокультурных норм, стереотипов и т.д.) выступают в роли когнитивной доминанты – знании традиционных количественных показателей, присущих той или иной области, относительно которых и осуществляется интерпретация качественных характеристик (температура тела человека в 36, 0 – 37, 0 ° С, параметры «90-60-90», принимаемые в обществе в качестве стандартов красоты и т.п.). Являясь индикаторами нормального, положи-

тельного или отрицательного качества, количественные показатели направляют процесс интерпретации в рамках условно выстраиваемой шкалы. Таким образом, показатели нормы являются точкой опоры и ключевым звеном данного процесса. Норма структурирует количественно-качественный баланс, а движение по шкале в сторону превышения или преуменьшения нормы свидетельствует о градации качества, вытекающей из общего закона количественно-качественных переходов.

3.7. Инферентное знание и процесс количественной интерпретации качества

Еще одним важным аспектом анализа оснований взаимодействия КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА может считаться поиск объединяющего начала данных структур сознания, некой «когнитивной скрепы» как недостающего звена в осмыслении природы процесса количественной интерпретации качества. Следует отметить, что говорить о количественно-качественном взаимодействии или соотношении значит говорить о зарождении нового знания, поскольку любое отношение всегда есть «то, что, будучи установлено между вещами, образует новые вещи» [Уемов 1978: 86]. Анализ и описание процедуры формирования этого *нового* приобретает, таким образом, особо значимый смысл.

В этой связи представляется, что данная задача вписывается в общую проблематику, связанную со способностью человека к выявлению отношений типа ЕСЛИ → ТО. Психофизиологи обычно связывают ее с активностью левого полушария, которое обрабатывает когнитивную информацию (вербальную и невербальную) путем отбора и сопоставления лишь немногих существенных для анализа параметров. Можно предположить, что в ходе геннокультурной эволюции по мере роста дифференциации и специализации полушарий мозга у гоминида постепенно сформировалась принципиально новая способность – способность к выявлению жестких, однозначных причинно-следственных связей [Меркулов 1999: 104].

Показательной в этом отношении является система силлогизмов Аристотеля как система истинных следствий из истинных посылок, ставшая достоянием логики – науки, изучающей формы и законы мышления. Структура силлогизма представлена формулой *посылка* → *следствие* и соотносима с общей моделью отношений *если* →*то.* Посылка есть речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Следствие «как процесс образования силлогизма связано с тем, что и тот, кто доказывает, и тот, кто, спрашивает, одинаково умозаключают, что нечто чему-то присуще или не присуще» [Аристотель 1978: 119].

Логическое умозаключение как элемент понятийного аппарата логики коррелирует с понятием инференции, под которой понимается операция обыденного сознания, рационального в своей основе, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины [Кубрякова 2004а: 410]. Другими словами, инференция как менее жесткая версия логического умозаключения, больше связана с жизненным опытом человека, догадками, представлениями и, даже, идеями фантазийного характера, вытекающими из этого опыта, а также с его интуицией и просто индивидуальными сиюминутными ощущениями. Логическим следствием этого является тот факт, что, по словам О.К. Ирисхановой, и «языковая деятельность в значительной степени связана с инферентными модусами обработки информации и с воображением как способностью создавать мысленные образы с «мысленными фокусами» [Ирисханова 2014: 61].

Заметим, что еще Г. Гегель указывал на то, что «самым распространенным созданием воображения является язык. Язык состоит из внешних знаков и звуков, посредством которых мы и сообщаем то, что думаем, чувствуем или ощущаем» [Гегель1973: 17]. Поэтому сегодня моделирование процессов и механизмов логической обработки информации является отличительной чертой многих современных направлений исследований (экспериментальной психологии, лингвистики и нейролингвистики, когнитивного вычисления и исследований искусственного интеллекта) [Johnson-Laird 1980; van Dijk,

Kintsch 1983; Zwaan, Radvansky 1998; Wang 2011]. В рамках когнитивной лингвистики в свете изучения соотношения языковых и концептуальных структур также не раз подчеркивалась чрезвычайная значимость и целесообразность попыток выяснить, какова природа умозаключений человека. Так, рассуждая о природе выводных знаний, Е.С. Кубрякова отмечает, что «даже в том случае, если часть процессов мышления осуществляется автоматически, существует необходимость понять механизм этого автоматизма» [Кубрякова 2004а: 21].

Указанная способность индивида домысливать, конструировать новые идеи на фоне имеющегося опыта, ведет к пониманию процесса формирования смысла как процесса, связанного с индивидуальным творчеством сознания, когда «сознание индивида далеко уходит от пассивного отражения реального мира, в значительной мере автономизируется от него и развивает способность творить собственные ментальные миры, в разной степени согласующиеся с устройством объективной реальности – от гипотетически возможных до проективно фантазийных» [Никитин 2003: 249]. Продуктом творчества подобного рода становится интерпретация явлений действительности. Предыдущий опыт в этом процессе выступает в качестве основания для инферирования, детерминирующего актуализируемые в процессе интерпретации смыслы.

Процесс количественной интерпретации качества как частный случай процесса интерпретации невозможен без когнитивной операции инференции, поскольку ее результатом становится новое знание интерпретирующего характера. Возможность конструирования инферентного вывода от КОЛИЧЕСТВА в направлении КАЧЕСТВА обусловлена тем фактом, что концепты как дискретные содержательные сущности сознания объединены концептуальными связями. Эти связи, по мнению М.В. Никитина, трех видов: импликационные, сравнительно-классификационные и семиотические (знаковые). Импликационные связи являются мыслительным аналогом реальных связей сущностей объективного мира – это отражение связей между

вещами, событиями, между частью и целым, между вещью и признаком. Сравнительно-классификационные связи являются мыслительным аналогом распределения признаков в сущностях мира. Объективной основой сравнения-классификации являются общности – различия сущностей отражаемого сознанием мира по обнаруживаемым признакам. Концептуальные связи сравнительно-классификационного типа не порождают значения – первое не может быть названо значением второго, и соответственно нельзя соединить их связкой «значит». Семиотические (знаковые) концептуальные связи, т.е. связи между двумя сторонами знака – означающим и означаемым, устанавливаются, чтобы нести значения. Означающее и означаемое не связаны отношением импликации. При знаковой связи, как и при импликационной, концепты объединены значимым отношением и той же связкой значения «значит». Один концепт предполагает, вызывает мысль о другом, одно понятие имплицирует другое в силу зависимости, взаимодействия, связи отражаемых ими сущностей. Понятию импликации здесь придается смысл более широкий, чем в логике. Импликация – один из двух, наряду со сравнением-классификацией, способов организации сознания, формирования концептуальных структур. Это один из двух типов мыслительных операций реального мышления, ментальный аналог линейных связей в структуре мира. Логическая импликация – конструкт реальных мыслительных операций импликационного типа с тем ограничением, что учитывает вектор онтологических зависимостей. Достаточно включить информационную настройку сознания, и импликационные связи порождают феномен значения. Один концепт актуализирует другой, информационно важный, и этот второй оказывается значением первого [Никитин 1997а: 5–6]. Показательными в этом смысле являются простейшие примеры наличия имплицитных связей и возможных инференций между *яйцом* и *омлетом*, между *мукой* и *хлебом* и т.п. [Croft, Cruise 2004: 101].

Связи между концептами КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО являют собой пример импликационных связей подобных тем, что существуют в сознании

между причиной и следствием, пространством и временем, частью и целым и т.д. И в этом смысле понятие импликации связано с понятием инференции, поскольку процесс инферирования качества реализуется с опорой на энциклопедические знания [Croft Cruse 2004; Langacker 1987; Moore, Carling 1984] и другие типы знаний, представляющие собой имплицитную фоновую базу вывода. Поскольку энциклопедические знания с позиций когнитивного подхода условно делятся на знания декларативного (ЧТО ЗНАНИЯ) и процедурного (КАК ЗНАНИЯ) типов (см.: [Кубрякова 2004а; Фурс 2008; 2018; Anderson 1983]), то совокупность коллективных знаний о количественных характеристиках бытия как знание статического типа есть ЧТО ЗНАНИЯ, а перечень процедур как динамический процесс их обработки в ходе инферирования (выбор области определения, соотнесение с нормой, движение на условно выстраиваемой шкале и т.п.) есть алгоритм получения КАК ЗНАНИЯ, продуктом которого и является новое знание.

Таким образом, процесс инферирования качества представляется как динамический процесс формируемого индивидом вывода на основе широких энциклопедических знаний о количественно-качественных соотношениях, регулирующих релевантность данного вывода. Данный процесс можно представить в терминах метафоры айсберга, где верхушка айсберга, его видимая надводная часть (эксплицитное статическое знание *in praesentia*, вербализованный концепт) представлена количеством, тогда как скрытая подводная часть (имплицитное знание *in potentia* динамической природы) есть пласт знаний, служащий субстратом инферируемого качества (Рис. 3):

Рис. 3. Процесс инферирования качества

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Принципиальная возможность интерпретации качественных характеристик на базе количественных вытекает из их онтологической природы как неотъемлемых характеристик любого фрагмента действительности. Наличие тесных концептуальных связей между концептами КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО служит сигналом того, что из единиц языка с количественными смыслами потенциально выводимы и качественные смыслы. Схематично процесс количественной интерпретации качества может быть представлен в виде **когнитивного перехода от количества к качеству** (Рис. 4), возможность которого обеспечивается операцией инференции – процедурой вывода и конструирования качественных смыслов на базе имеющихся знаний о количественно-качественных соотношениях.

Рис. 4. Когнитивный переход

Суть данного перехода (Рис. 5) заключается в том, что в процессе концептуализации количества (на базе оценки в терминах *много* / *мало* / *достаточно*, *большой* / *маленький* и т.д.) потенциально возможной становится дальнейшая количественная концептуализация качества как процесс формирования нового выводного знания (‘умный’, ‘глупый’, ‘здоровый’, ‘больной’, ‘надёжный’, ‘мощный’, ‘прочный’ и т.д.).

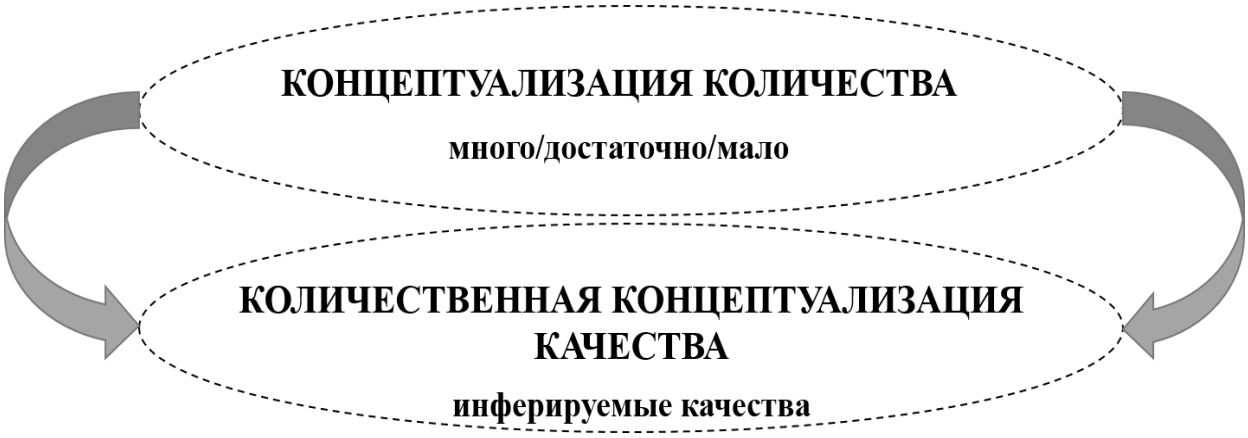

Рис. 5. Этапы когнитивного перехода

Указанные связи предопределяют характер интерпретации количественно-качественных соотношений: в процессе концептуализации количественных параметров активируются структуры знаний, являющиеся основой для инферентного вывода в направлении качества. Этой основой становятся имеющиеся у индивида логические представления, общие энциклопедические знания о количественно-качественных отношениях, специфические знания, приобретенные в рамках определенной лингвокультуры, собственный опыт познания количественно-качественных отношений. Инференция выступает в роли когнитивной скрепы концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО, интегративного звена и средства перехода от количества к качеству. Результатом и конечным продуктом перехода становятся инферируемые качества, свойства, характеристики объектов и явлений реальной действительности.

3.8. Когнитивные и языковые механизмы формирования количественно-качественных смыслов

Наряду с когнитивной операцией инференции процесс количественной интерпретации качества обеспечивается действием различных когнитивных и языковых механизмов. Обоснованным в этой связи представляется дальнейшее обращение к рассмотрению механизмов, участвующих в формировании количественно-качественных смыслов и их языковой репрезентации.

Исследование когнитивных и языковых механизмов формирования смысла затрагивает как общую многовекторную проблематику, связанную с исследованием способов моделирования и оформления концептуального содержания в языке, интерпретацией мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка (см., например: [Болдырев 2016а, 2016г, 2019а; Кубрякова 2012; Lakoff 1987; Langacker 1991 и др.]), так и проблемы частного характера, связанные с изучением механизмов формирования конкретных смыслов (см., например: [Бабина 2017; Болдырев, Беседина 2007; Голубева 2010; Дзюба 2014; Магировская 2016; Павлова 2018 и др.]). Именно в этих смыслах раскрываются корреляции концептуальных структур и значений языковых единиц.

По определению Н.Н. Болдырева, термин «механизм» характеризует «конкретные процессы репрезентации концептуального содержания и, как следствие, формирования и передачи конкретных смыслов в высказывании» [Болдырев 2014: 71].

Общее концептуальное содержание количества как способа интерпретации количественных параметров объектов, событий и их характеристик реализуется в языке в виде конкретных количественно-качественных смыслов, которые формируются за счет когнитивных и языковых механизмов.

К когнитивным механизмам формирования количественно-качественных смыслов относятся **ограничение**, **абстрагирование**, **символизация**, **шкалирование**, **воображаемое движение, сравнение**, **концептуальная метафора**, **фокусирование** и **дефокусирование**. При рассмотрении

репрезентантов количества и числа становится очевидным, что зачастую количественно-качественные смыслы, формирующиеся на основе количественных показателей, становятся результатом одновременного действия нескольких когнитивных механизмов, их интеграции, что свидетельствует о сложной природе процесса обработки сознанием поступающей извне информации и получении знаний о количественно-качественных отношениях. Рассмотрим эти механизмы подробнее.

Единые механизмы сознания, обусловленные биологическим единством людей, объясняют факт существования единых коллективистских начал в освоении количества и числа, которые мотивированы в целом единым коллективным опытом общения с внешней средой. В ранний период развития человечества абстрактного математического понятия числа в его распоряжении не было, поэтому числа были неотделимы от вещей, а любые их свойства всегда репрезентировали качество. Когнитивный механизм **ограничения**, действие которого связано, в том числе, с фиксированием сознанием границ предмета, позволяет выделить его из пространственного континуума. Осознание наличия в окружающем человека пространстве отдельных предметов стало важнейшей предпосылкой к возможности определения их числа, их счета (*камень, два камня, три камня* и т.д.). Действие когнитивного механизма ограничения лежит и в основе репрезентации в языке идеи определенного количества предметов. В случае сочетания существительного с количественным числительным именно числительное как языковой механизм «устанавливает» границы предметов (*пять птиц*).

В основе грамматического способа представления количества материальных объектов, по мнению Л. Талми, лежит когнитивный механизм мультиплицирования (multiplexing), в результате действия которого, исходный единичный денотат, в сущности, копируется в нескольких точках пространства, представляя собой множество предметов, т.е. мультиплекс [Talmy 2001]. Действие данного механизма сопряжено с механизмом снятия границ. В отличие от сочетания существительного с числительным, форма множест-

венного числа существительного репрезентирует нечто потенциально безграничное (*птицы, летящие на юг*).

Нечувственная природа числа (как и всех других объектов изучения математики как области знания) обусловливает его понимание в терминах «идеализированной ментальной абстракции» (idealized mental abstraction), означая, что, представления о числе формируются на основе специфического использования когнитивных механизмов, основывающихся на нашем повседневном сенсомоторном опыте (bodily-grounded cognitive mechanisms) [Núñez (Электронный ресурс); Lakoff, Núñez 2000]. Освоению сознанием числа как чистой абстракции способствовал когнитивный механизм **абстрагирования**, принцип действия которого заключается в способности сознания отвлечься от качественных свойств предметов. Абстрагирование как когнитивный механизм явился ключевым механизмом в истории формирования идеи числа в сознании человека. За счет действия данного механизма числа и цифры постепенно становятся универсальным средством представления знаний о количественных характеристиках действительности. Использование числительных в языке как имен соответствующих чисел при абстрактном счёте указывает на тот факт, что в подобных случаях числительные есть продукт действия когнитивного механизма абстрагирования в языке, указывающего на «освобождение» числа от качества и достижение им наибольшей степени абстрактности. Сравним, например, использование в языке числительных в качестве средств абстрактного счета и результата счисления предметных сущностей, т. е. количества:

(а) *Два плюс два равно четыре*; (б) *На столе лежали четыре книги.*

Действие когнитивного механизма абстрагирования, подразумевающего отвлечение от предметной действительности и выход за рамки ощущений, полученных при помощи органов чувств, одновременно с когнитивным механизмом **символизации** обусловливают функционирование числительных в языке не только в качестве средства репрезентации результатов счета, но и в качестве средства трансляции символических значений как характерных

свойств чисел, сформировавшихся в сознании. Например, числу *два* в различных культурах присущи универсальные символические смыслы, связанные с идеей двойственности как нерешительности и неуверенности. О. Марквард указывает на корреляцию слов *zwei* («два») и *zweifel* («сомнение») в немецком языке, что, по мнению философа, может свидетельствовать в пользу того, что число *два* автоматически привносит в нашу жизнь неуверенность и колебание [Marquard 1991: 4]. Другим примером может считаться тот факт, что число *тринадцать* в западной цивилизации, наделено отрицательными, а число *семь* положительными символическими смыслами. Отметим, что основным языковым механизмом, транслирующим в языке символику числа, является механизм фразеологизации, поскольку в структуре фразеологизмов имя числительное имеет абстрактно-символическое значение, а не значение результата операции счета (см., например: [Федяева 2017; Федяева 2019; Болдырев, Федяева 2020]).

Метафорическое переосмысление представляет собой одну из форм осознания действительности и является когнитивной основой для таких языковых механизмов, как метафора и сравнение. **Сравнение** как когнитивный механизм, лежащий в основе оценочной деятельности сознания, связан с установлением тождества и различия между объектами, признаками и т.д. Действие данного механизма заключается в перенесении характеристики (признака) с одного объекта на другой при одновременной активации как интерпретирующей, так и интерпретируемой когнитивных областей. Представления о схожих признаках и их сравнение составляют базис для развития процесса метафоризации. Когнитивный механизм концептуальной **метафоры**, суть которого заключается в одновременной активации двух когнитивных областей, – области-источника, представляющего собой область интерпретирующего знания, и области-мишени, т.е. области интерпретируемого, формирует когнитивную основу метафоры языковой. Суть метафоры, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, заключается в том, что она является связующим элементом между уже известной информацией и новой, способствуя

пониманию через «старое» (понятие домена-источника (sourse domain)) понять «новое» (содержащееся в домене-мишене (target domain)) [Лакофф, Джонсон 2008]. Метафора не только является средством познания и структурирования опыта, но и указывает на метафоричность человеческого мышления в целом, вследствие чего, она всегда остается в фокусе внимания исследователей (см., например: [Арутюнова 1999; Беляевская 2016а, 2017; Болдырев 2013; Будаев, Чудинов 2007; Гвишиани 2018а; Козлова 2015а, 2015б; Молчанова 2019; Телия 1988; Cienki 1997; Kövecses1997 и мн. др.]).

Отметим, что на близость метафоры и сравнения указывал еще Аристотель, рассматривая метафору как скрытое сравнение. Механизмы сравнения и метафоры связаны с поиском «лучшего образца», эталона, который, по словам О.К. Ирисхановой, «конструирует объект не столько как абстрактный типичный представитель категории с максимальным количеством базовых категориальных признаков, сколько как его наилучший представитель в буквальном смысле слова – причем, как правило, по весьма ограниченному набору признаков. Эталон репрезентирует конкретный объект, в котором максимально проявляется некий позитивно- или негативно-оценочный признак» [Ирисханова 2012: 177]. По образному выражению В.Н. Телия, «эталоны и есть та антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [Телия 1986: 39].

Гипотеза сравнения с эталоном рассматривается в рамках общей проблематики опознания и обработки информации (см., например: [Солсо 2011]). Именно предметный образ часто становится когнитивным основанием процессов метафоризации и категоризации по эталону, что обусловлено общей тенденцией сознания воспринимать действительность в предметных сущностях, одновременно выделяя и осмысляя в процессе познания предмет и его признаки. Операция категоризации по эталону, в основании которой лежит когнитивный механизм сравнения, обусловливает способность существительных функционировать в роли эталонов интерпретации количественных характеристик (*дома высокие, как горы*). В результате сравнения с эта-

лоном и метафоризации образуется и подкласс существительных, который условно можно обозначить как «неконвенциональные» или «метафорические» квантификаторы (*море слез*; *хоровод дел*).

Данные механизмы напрямую связаны с воображением и, следовательно, творческой способностью человеческого сознания к интерпретации действительности. Они не только вскрывают весь комплекс знаний индивида об окружающем мире, но и указывают на устанавливаемые в ходе данного процесса концептуальные связи. По мнению М. Блэка, «сравнивая, мы часто постулируем существование некоторой воображаемой связи между сущностями» [Блэк 1990: 162].

Принцип действия когнитивных механизмов концептуальной метафоры и сравнения непосредственно связан с феноменом внимания. По словам Р. Солсо, «человек сталкивается с тем, что не может одним разом охватить весь окружающий его мир и себя самого. Что-то всегда выступает на первый план, что-то остается в тени, что-то на данный момент совсем отсутствует в сознании» [Солсо 2011: 108]. П. Рикер отмечает, что «когда я фиксирую объект, он предстает передо мной *иначе*, более ясно, чем тогда, когда я оставляю его на заднем плане; при этом я ни на мгновенье не сомневаюсь, что мир не изменился. …Понятие объекта, воспринятого как единство некоего множества, может высветить парадокс внимания. Когда я обращаю внимание на что-либо, я в некотором роде меняю точку зрения на объект: либо я вращаю его, чтобы видеть его стороны; либо расширяю одну из сторон, чтобы раскрыть в ней множество деталей; либо глобально схватываю его внутри более широкой совокупности» [Рикер 2017: 40–43].

В рамках когнитивного процесса распределения внимания, как одного из важнейших факторов формирования языкового значения, существует модель фокуса внимания, базирующаяся на оппозиции центр-периферия, где центр внимания приходится на центральную часть, а менее интенсивное – на окружающие ее части [Talmy 2001: 76]. Такая избирательность внимания указывает на существование двух взаимосвязанных когнитивных механизмов –

фокусирования и **дефокусирования**. О. К. Ирисханова отмечает, что семантика языковых выражений описывается как процесс фокусирования на определенных аспектах референта, осуществляемый и закрепляемый с помощью языковых форм. Механизм дефокусирования лежит в основе многих языковых явлений – от становления переносных лексических значений до формирования смысла в дискурсе [Ирисханова 2014].

Действием когнитивных механизмов фокусирования /дефокусирования объясняется функционирование в языке существительных-метафорических квантификаторов как языковых механизмов реализации количественно-качественных смыслов. За счет перефокусировки «предметности» и «признаковости» данные существительные выдвигаются на роль эталонов признака (сравним: *подняться на гору*; *гора книг).*

Отметим, что механизм фокусировки внимания приобретает особую значимость для осмысления всей природы процесса инферирования качества на основе количественных смыслов. Поскольку качество, как отмечалось выше, имеет градацию, то инферентный вывод в его отношении обязательно увязывается с понятием нормы, которая всегда находится в фокусе внимания, непосредственно определяя и регулируя характер инференции и процесс формирования конкретных интерпретирующих характеристик. Таким образом, когнитивные механизмы фокусирования и дефокусирования, действие которых связано в целом с фокусировкой внимания на релевантных для ситуации свойствах объекта при одновременной дефокусировке нерелевантных, являются значимыми элементами процесса количественной интерпретации качества в языке.

Не менее значимыми механизмами процесса количественной интерпретации качества являются механизмы **шкалирования** и **воображаемого движения**. Действие механизма шкалирования обусловлено способностью восприятия количественных и качественных различий как одной из фундаментальных способностей когнитивной системы человека. Когнитивный механизм воображаемого или фиктивного движения (fictive motion) [Núñez (Элек-

тронный ресурс)], связанный со способностью сознания осуществлять воображаемое движение в рамках числового ряда, играет существенную роль в процессе количественной интерпретации качества в языке.

В широком смысле шкалирование применяется в настоящее время в качестве метода исследования и моделирования различного рода процессов в антропологии, психологии, социологии и т.д., являясь, таким образом, чрезвычайно полезным инструментом анализа явлений действительности и обработки эмпирических данных. В узком смысле, посредством механизма психологического шкалирования, по словам Г.Ю. Любарского, «мы измеряем поступающую к органам чувств информацию, делая это вполне определенным образом, поскольку у подобных способов измерения имеется биологическая подоплека. Это не однородное измерение одинаковое для всех раздражителей – напротив, есть разные типы шкал, и с информацией разных источников мы поступаем по-разному» [Любарский 2018: 489]. И в том, и в другом случае речь идет о квантифицированном или «скалярном сравнении, связанном с представлением о мерности того или иного предмета, признака или действия и с измерительной шкалой количества» [Инькова 2013: 39–40]. При, в целом, синонимичном понимании терминов «шкалирование» и «скалярное сравнение» термин «скалярное сравнение» дополнительно фиксирует внимание не просто на движении по шкале, т.е. шкалировании, но и на сравнении как одном из ключевых когнитивных механизмов, лежащих в основе процесса познания вообще.

Освоение количественных отношений индивидом в процессе познания происходит со всех ракурсов, как чувственных, так и ментальных, вследствие чего, опора на эмпирические когнитивные структуры (зрительные, слуховые, тактильные и т.д.) позволяет индивиду формировать собственные шкалы оценки, синкретично отражающие коллективные (объективные) и индивидуальные представления о количественно-качественных соотношениях. Индивидуальные количественно-качественные интерпретационные шкалы, выстраиваемые на базе коллективного знания, представляют собой зону творче-

ского осмысления свойств действительности, поскольку мотивированы личностными ценностями индивида, его собственным практическим опытом взаимодействия с миром. Чем выше уровень общей эрудиции языковой личности, тем больше и разнообразнее шкалы, поскольку представление о норме должно базироваться на объективных данных, полученных в различных областях знания. Таким образом, процесс выявления и измерения сущностных свойств, базирующийся на шкалировании или скалярном сравнении качественных характеристик, представляет собой один из универсальных способов познания действительности.

Подводя итог, отметим, что исследование процесса количественной интерпретации качества, подразумевает, в том числе, выявление и описание когнитивных и языковых механизмов как необходимого инструментария исследования, раскрывающего соотношение концептуальных и языковых структур, основания процесса интерпретации и творческий характер человеческого мышления. Вариативность языковой репрезентации количественных характеристик действительности позволяет говорить о разнообразии механизмов, участвующих в формировании количественно-качественных смыслов. Основными когнитивными механизмами, обеспечивающими процесс формирования количественно-качественных интерпретирующих смыслов, являются механизмы ограничения, абстрагирования, символизации, сравнения, концептуальной метафоры, фокусирования и дефокусирования, мультиплицирования, шкалирования, воображаемого движения. Ведущим механизмом количественной оценки качества выступает механизм шкалирования как механизм реализации оценивающей функции языковой интерпретации.

В качестве языковых механизмов формирования количественно-качественных смыслов выступают механизмы номинации объектов, явлений и их характеристик (части речи), сочетаемость языковых единиц, синтаксические конструкции, фразеологические единицы.

Подробный анализ когнитивных и языковых механизмов формирования количественно-качественных смыслов представлен в Главе II исследования.

3.9. Понятие количественной интерпретанты

Понятие интерпретанты как компоненты семиотической реальности было представлено Ч. Пирсом в его версии семиотики, описывающей функцию знаков как посредников в познавательной практике субъектов. Как ментальная сущность знак, по Пирсу, есть функционально связанное единство: объект – репрезентамент – интерпретанта. Под интерпретантой (interpretant) Ч. Пирс понимал результат действия знака на индивидуальное сознание или на множество индивидуальных сознаний, каждое из которых подвергается независимому воздействию. «Знак или репрезентамент есть нечто, что замещает (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении и качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю интерпретантом первого знака» [Пирс 2000: 48]. Разделяемая на непосредственную, динамическую и финальную, интерпретанта есть некая соотнесенность знака с производимым им «эффектом», т.е. некой совокупности аффективных, узуальных и индивидуальных значений [Там же: 318]. Непосредственная интерпретанта обнаруживается в самом знаке и связана со схватыванием системного, социально-нормированного содержания интерпретируемого знака. Динамическая интерпретанта – это фактическое действие знака, действие, которое происходит в самом акте интерпретации. Финальной или конечной интерпретантой становится целенаправленно (deliberately) формируемый результат, который собственно знаком не является, поскольку это результат интерпретации [Нёт 2001: 15].

Развивая идеи Ч. Пирса, Ч. Моррис полагает, что в качестве четвертого компонента может быть назван интерпретатор, поскольку «…нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретатором» [Моррис 2001: 48]. Значимым в свете современных идей об антропоцентрической природе языка представляется сам факт включения в процесс семиозиса интерпретирующего субъекта, обеспечивающего саму возможность данного процесса.

В дальнейшем к понятию интерпретанты обращались и продолжают обращаться сегодня в своих работах как зарубежные, так и отечественные ученые и исследователи. Термин «знаковая интерпретанта» близкий понятию интерпретанты Ч. Пирса, использует Р.О. Якобсон, подчеркивая, что интерпретанта служит тем «ключом, с помощью которого получатель сообщения понимает полученное сообщение» [Якобсон 1996: 147]. У. Эко отмечает, что интерпретанта становится «сложным дискурсом, который не только переводит, но и развивает в качестве выводов все логические возможности, заложенные в знаке» [Эко 2006: 100]. На понятие интерпретанты, представляющей тот новый знак или знаки, которые рождаются в голове человека на базе исходного знака или оказываются с ним связанными, опираются, по словам Ю.С. Степанова, К. Бриттон, К. Бюлер [Степанов 1971: 81], также и другие семиотики.

В. Дресслер находит материальное воплощение интерпретанты в цепочке знаков, последовательно интерпретирующих друг друга (см. подробнее: Сигал 2013: 58]). М. Шапиро понимает интерпретанту как элемент языковой структуры, который регулирует отношения между означающим и означаемым, являясь воплощением этих отношений [Shapiro 1983]. Е.С. Кубрякова вводит понятие словообразовательной интерпретанты [Кубрякова 2001б] и полагает, что фактически «в истолковании понятия интерпретанты сталкиваются две возможности: более узкая – чисто прагматическая и более широкая, предполагающее определение интерпретанты не через воздействие на индивидуума (конкретного интерпретатора), но через конвенциональное для говорящих на данном языке восприятие всей информации, выводимой из знака» [Кубрякова 2004б: 247]. Отмечается также, что в целом с проблемой исчисления интерпретационных возможностей знака связана и семиотическая грамматика Ю.С. Степанова [Кубрякова1993: 24], в основе которой лежит разделение плана содержания на денотативную, или экстенсиональную, сферу и понятийную, сигнификативную, или интенсиональную [Степанов 1987: 136.]. При исследовании прагматических компонентов значения В.И.

Заботкина говорит о прагматической интерпретанте как о знании, которое несет «информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого прагматического контекста» [Заботкина 2008: 90].

В русле теории интерпретации, предложенной Н.Н. Болдыревым, О.Г. Дубровская вводит термин когнитивно-дискурсивной интерпретанты, понимаемой как «присутствующее в дискурсе указание на ту концептуальную область, характерную для того или иного социума или культуры, которая задается субъектом для понимания соответствующего дискурса (область его определения), и с позиций которой должен интерпретироваться его смысл; это выбор определенных языковых средств, используемых для репрезентации данной области в этом социуме или культуре» [Дубровская 2014: 94].

Представленный краткий обзор позволяет сделать важный вывод относительно значимой роли отправителя и интерпретатора языкового знака, конструирующих представления об объектах и явлениях на основе собственных знаний и мотивов.

Необходимость введения и разработки в рамках данного исследования понятия **количественной интерпретанты** связана с осознанием исключительной роли человека в познании и осмыслении количественного и качественного аспектов бытия. Данное понятие акцентирует внимание на интерпретирующей функции языка, связанной с деятельностью сознания по интерпретации количественно-качественных свойств и отношений мира. Под количественной интерпретантой понимается формируемое в акте интерпретации индивидуальное осмысление и репрезентация в языке количественных свойств, явлений, характеристик и отношений действительности, являющихся основанием для формирования вывода о качестве. Количественная интерпретанта представляет собой единство интерпретирующего количественного концепта и формы его языковой репрезентации и обусловливает возможность инферирования имплицитных качественных смыслов. Сравним: {МНОГО + *семь*} в словосочетании *знать семь языков* → ‘умный’; {МАЛО

+ *семь*} в словосочетании *иметь семь классов образования* → ‘необразованный’.

Концептуальной составляющей количественной интерпретанты является понятие нормы. В функции количественной интерпретанты качества выступают количественные параметры, объективированные в различных единицах языка.

Количественное многообразие действительности, многогранный характер количества и его нацеленность на объяснение разных сфер бытия человека обусловливают тот факт, что количественные смыслы «пронизывают» всю систему языка и представлены в отдельной части речи – числительных, грамматической категории числа существительных, в классе глаголов, прилагательных, наречий, во фразеологическом фонде языка, на синтаксическом уровне. Этим обусловлена необходимость структурирования содержания количественной интерпретанты в исследовательских целях, за счет выделения следующих векторов ее реализации: числового, предметно-количественного, признаково-количественного и процессуально-количественного.

Числовой вектор связан с формированием инферентных качественных характеристик на базе представлений о числе и различного рода шкалах (*два плюс два четыре*; *человек два метра ростом*; *у нее температура тридцать восемь*; *на улице минус двадцать пять градусов*; *стопроцентная кожа* и т.п.).

Предметно-количественный вектор интерпретации качества связан с формированием инферентных качественных характеристик на основе способов репрезентации в языке идеи количества предметов (*иметь две яхты; книги были повсюду; иметь много / мало друзей; на столе лежала пачка писем и газет; гора немытой посуды* и т.п.).

Признаково-количественный вектор интерпретации качества связан с оценкой и репрезентацией в языке количества признака объекта (*двойная дверь; скудная еда; большой почитатель таланта; он в жизни немного клоун* и т.п.).

Процессуально-количественный вектор интерпретации качества формируется на основе репрезентации в языке идеи повторяемости и интенсивности действия (*часто посещать*; *я говорил тебе об этом сто раз*; *написать двадцать книг*; *она много читает*; *бежать со всех ног*; *ехать со скоростью 120 км/ч* и т.п.)

Каждый из выделенных векторов реализации количественной интерпретанты связан с различными интерпретационными моделями, действием определенных когнитивных и языковых механизмов. Моделирование процесса количественной интерпретации качества в зависимости от того или иного вектора позволяет выявить специфику осмысления и конфигурации количественных характеристик и реконструировать инферируемые качественные характеристики.

Таким образом, введенное понятие количественной интерпретанты выступает в данном исследовании как средство доступа к знаниям о количестве и как средство интерпретации имплицитных качественных смыслов, реконструкция которых становится возможной благодаря методу концептуально-инференционного анализа.

3.10. Метод концептуально-инференционного анализа

Процесс формирования качественных смыслов на основе количественных параметров имеет сложный характер, поскольку связан с необходимостью обращения к выводному знанию. Это накладывает определенные ограничения на использование традиционных методов концептуального анализа и требует разработки специального метода. С целью исследования нового знания, основанного на инференции, и, в частности, качественных смыслов рассматриваемого типа в данной работе предложен метод концептуально-инференционного анализа.

Метод концептуально-инференционного анализа совмещает в себе принципы концептуального анализа с такими методами и приемами исследования, как концептуально-дефиниционный анализ, а также метод когнитив-

ного моделирования. Данный метод, в частности, способствует лучшему пониманию конкретных аспектов взаимодействия категорий количества и качества, позволяя выделить когнитивные основания этого взаимодействия.

Принцип когнитивного перехода от КОЛИЧЕСТВА к КАЧЕСТВУ, который обеспечивается процедурой вывода и дальнейшим конструированием качественных смыслов на базе количественных, предполагает исследование количественной интерпретанты с использованием следующих процедур и приемов анализа: 1) выделение конкретного количественного концепта-смысла, выступающего в функции количественной интерпретанты качества; 2) определение и характеристика интерпретируемой концептуально-тематической области; 3) соотнесение с нормой в рамках обозначенной концептуально-тематической области с опорой на коллективные и индивидуальные схемы знаний о количестве; 4) анализ инферированных качественных характеристик; 5) реконструкция когнитивных и языковых механизмов формирования количественно-качественных смыслов.

Проиллюстрируем реализацию метода концептуально-инференционного анализа на следующем примере:

У него много / мало друзей.

Первый прием анализа позволяет установить, что в качестве количественной интерпретанты и когнитивной основы формирования соответствующего качественного смысла в приведенном примере выступают МНОГО и МАЛО, о чем свидетельствует использование одноименных наречий. Вторая процедура анализа связана с выделением в качестве интерпретируемой концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК, на которую указывает существительное *друзей*. Третья процедура анализа подразумевает реконструкцию существующих в человеческом коллективе стереотипных норм и ценностей, обусловливающих соотнесение нормы в рамках данной концептуально-тематической области со смыслом ‘достаточно’ (как точки на оценочной шкале), относительно которой осуществляется дальнейшая градация качества. Четвертый прием, связанный с анализом инферированных качественных

характеристик, предполагает следующий вывод: МНОГО → ХОРОШО → ‘общительный’, ‘порядочный’, ‘интересный’, ‘умный’ и т.п.; МАЛО → ПЛОХО → ‘необщительный’, ‘замкнутый’, ‘глупый’, ‘подлый’, ‘скучный’ и т.п. Пятая процедура заключается в реконструкции когнитивных и языковых механизмов: в качестве когнитивных механизмов выступают когнитивные механизмы фокусирования (в фокусе внимания находится понятие нормы) и шкалирования (градация качества относительно нормы), в качестве языковых механизмов – конвенциональные квантификаторы много / мало.

Таким образом, результатом концептуально-инференционного анализа количественной интерпретанты становится исследовательский конструкт, моделирующий собой знание нового типа – продукт интерпретирующего сознания, который репрезентирует количественную оценку качества в языке.

В зависимости от области определения при помощи количественной интерпретанты профилируются различные качественные смыслы. Так, интерпретирующая функция КОЛИЧЕСТВА в рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК способна запускать процесс инферирования качественных смыслов в отношении его внешних и внутренних характеристик, физического и эмоционально-психологического состояния, интеллектуальных способностей, профессиональной компетенции и т.д.

В рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ потенциально выводимые качественные смыслы интерпретируют различные функциональные характеристики объектов, формирующих пространство человека: их мощность, прочность, степень пригодности, техническое состояние и т.д.

В рамках концептуально-тематической области ПРИРОДА инферируемые качественные характеристики связаны с осмыслением состояния атмосферы (‘холодно’, ‘тепло’, ‘жарко’, ‘морозно’ и т.п.), различных специфических характеристик, связанных с количеством выпавших осадков, высотой снежного покрова и т.п. (‘дождливо’, ‘снежно’, ‘сыро’ и т.п.).

Селективное предпочтение в пользу того или иного варианта интерпретации, как на этапе концептуализации количества, так и на этапе инферирования качества, обусловлено объемом знаний индивида, в который входят коллективные схемы знания (универсальные и культурно специфические) и собственный когнитивный опыт. Это знание актуализируется при помощи когнитивных и языковых механизмов формирования количественно-качественных смыслов.

Данный анализ применительно к теме и объекту исследования позволяет реконструировать процесс перехода от количества к качеству, продемонстрировать отдельные этапы данного процесса, указать на механизмы его реализации. Его специфика в отличие от традиционного метода концептуального анализа, обращенного только к одной концептуально-тематической области, охватывает как минимум две области – интерпретируемую и интерпретирующую, раскрывая выводной характер формируемого нового знания и соответствующего смысла. Предлагаемый метод анализа не ограничивается выделением тех или иных концептуальных характеристик исследуемых областей, а предполагает их дальнейшее рассмотрение в качестве когнитивной основы тех или иных межконцептуальных связей, на базе которых и осуществляется процесс инферирования дополнительных, интерпретирующих (в данном случае – количественно-качественных) смыслов.

Более детальное представление об использовании данного метода дает анализ конкретного языкового материала (на примере английского, французского и русского языков) в Главе II диссертации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. Анализ существующих логико-философских концепций позволяет отнести категорию количества к числу фундаментальных онтологических и, как следствие, философских категорий, выступающей в триединстве с категориями качества и меры. Следствием большого многообразия подходов к определению и описанию категории количества, а также множества тракто-

вок данного понятия становится довольно большой содержательный объем исследуемого феномена. В узком смысле количество может пониматься как потенциальная сводимость к числу, в более широком понимании количество представляет собой «пространственно-временное бытие качества», вовлекающее количество в систему пространственно-временных отношений.

2. Категория качества является одной из центральных категорий философии, поскольку одним из основополагающих аспектов всей познавательной деятельности является выделение и осмысление характерных свойств, качеств объектов и явлений окружающей действительности. Как формы мыслительной деятельности категории количества и качества являются результатом познания мира человеком.

3. Значимость данных категорий объясняет стабильный интерес лингвистов к изучению способов языковой репрезентации количества и качества. Данные, полученные на материале разных языков, свидетельствуют в пользу имеющегося на сегодняшний день подробного анализа оформления категорий количества и качества в языке. Лингвистическим следствием логико-философского осмысления количества и качества может считаться разнообразная методика описания языковых категорий квантитативности и квалитативности, связанная с описанием границ этих категорий и их внутренней содержательной структуры.

4. Когнитивный подход, акцентирующий свое внимание на антропоцентрическом характере языковых единиц, открывает новый потенциал для анализа количественно-качественных отношений. Концепты КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО являются доминантными структурами сознания, значимыми элементами концептуальной системы, формирование которых мотивировано стремлением осмыслить познаваемые количественные и качественные свойства, характеристики и отношения реальности.

5. Интерпретирующая природа концепта КОЛИЧЕСТВО, онтологические связи КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА обеспечивают возможность КОЛИЧЕСТВА выступать в роли средства интерпретации КАЧЕСТВА. Про-

цесс количественной интерпретации качества осуществляется за счет актуализации различных типов знаний о количественно-качественных связях коллективного и индивидуального характера как части концептуальной системы индивида.

6. Являясь антропоцентрическим преломлением логико-философского понятия меры, НОРМА играет важную роль в процессе количественной интерпретации качества, выступая в качестве когнитивной доминанты, регулирующей данный процесс в языке. Когнитивная операция инференции выступает в роли связующего звена между концептами КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО. В ходе концептуализации количественных характеристик происходит активация знаний, которые обеспечивают вывод в направлении качественных характеристик. Это знание о качественных характеристиках является знанием новое типа, формирующимся в результате деятельности интерпретирующего сознания.

7. Основными когнитивными механизмами, обеспечивающими процесс количественной интерпретации качества, являются когнитивные механизмы ограничения, абстрагирования, шкалирования, сравнения, концептуальной метафоры, фокусирования и дефокусирования, мультиплицирования. Доминирующим механизмом является когнитивный механизм шкалирования, обеспечивающий схематизацию опыта в зависимости от коллективных и индивидуальных норм, стереотипов и представлений.

8. Количественные показатели, объективированные в единицах языка, функционируют в роли количественной интерпретанты качества, большой содержательный объем которой обусловливает необходимость выделения векторов реализации количественной интерпретанты: числового, предметно-количественного, признаково-количественного и процессуально-количественного. Реконструкция качественных смыслов, возникающих на базе количественных показателей, в зависимости от того или иного вектора, становится возможной благодаря методу концептуально-инференционного анализа.

ГЛАВА II. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

1. Типологические особенности языков как отражение этнокультурной специфики категоризации мира

Результаты процесса количественной интерпретации качества, как и результаты любого другого мыслительного процесса, не могут быть одинаковым образом представлены во всех языках. Это объясняется различными этнокультурными основаниями категоризации мира, вытекающими из различного восприятия представителями различных культур окружающей действительности и, как следствие, специфики ее последующей языковой репрезентации. Выбор в качестве материала исследования трех языков обусловливает необходимость учета культурно специфического и типологического факторов, неизбежно влияющих на конфигурацию знания о количественном аспекте бытия и дальнейшей интерпретации качества.

Еще В. фон Гумбольдт как один из основоположников в области исследования языковых типов в своих работах подчеркивал мысль о том, что различия в строении языков являются результатом различий мировосприятия, формирующих особый характер нации, который запечатлен в языке [Гумбольдт 2000]. На значимость этнокультурных различий, обусловливающих формирование различных языковых типов, указывал и Ш. Балли, предложивший свою семантическую классификацию языков, основанную противопоставлении двух разных «психологических тенденций»: импрессионистической, связанной с отражением явлений окружающей действительности с точки зрения их восприятия, и аналитической, ориентирующейся на рационалистическое представление отношений между причиной и следствием. Согласно данной классификации, русский язык относится к языкам импрессионистической ориентации, а английский и французский – к языкам аналитической ориентации [Балли 2001б].

Являясь языком импрессионистической направленности, русский язык тяготеет к эмоциональной оценке мира, тогда как английский язык как язык аналитической ориентации настроен на рационалистическое освещение происходящих событий, стремление к точности изложения и сдержанности в проявлении эмоций. Аналитическая ориентация объясняет стремление к рационалистической оценке и французского языка (известно, что французский рационализм как отдельное направление развития лингвистической мысли нашел свое наиболее яркое выражение в идеях Декарта и картезианской философии), но мажорный настрой, любовь к жизни и противоречивость национального характера обусловливают наличие в нем достаточного количества средств и способов выражения эмоций.

Тенденция к импрессионистической оценке действительности воплощается, например, в наличии в русском языке большого количества глаголов, передающих различные переживаемые человеком эмоциональные состояния (*грустить*, *печалиться*, *радоваться*, *злиться*, *восхищаться* и т.п.), одновременно указывающем на более высокую степень функциональности глагола в русском языке по сравнению, например, с английским языком. По мнению В.Г. Гака, эффективным средством выражения эмоционально-экспрессивного в русском языке являются и «живописные слова конкретного значения (приставочные глаголы, существительные с оценочными суффиксами), свободный порядок слов» [Гак 2006: 258]. В этой связи А. Вежбицкая отмечает, что подробная языковая репрезентация данной культурно-семантической области свидетельствует о значимости эмоционального начала и подчеркивает импрессионистический настрой русского народа (см. подробнее: [Wierzbicka 1988: 254]).

Тенденция к рациональности и сдерживанию эмоций обусловливает наличие ограниченного, по сравнению с русским языком, числа глаголов эмоционального состояния в английском и французском языках. Эта же тенденция способствует именному способу выражения мысли как одной из типологических характеристик французского и, особенно, английского языков.

Склонность к именному способу представления мысли в английском языке, способствующему ее точному и краткому изложению, по словам А.А. Джиоевой, есть «еще одно проявление действия этносоциокультурного фактора в мыслительных процессах человека и в их языковой репрезентации» [Джиоева 2004: 94]. Наряду с рациональностью, французскому языку характерна образность представления мысли, подразумевающая, по словам В.Г. Гака, «метафоричность в построении французского высказывания» [Гак 2006: 258]. Это также обусловливает достаточно высокую степень номинативности французского языка, поскольку именно существительное как класс слов, служащий средством категоризации многообразия окружающего мира, обладает максимальной степенью концентрации признаков и богатым ассоциативным потенциалом, которые и становятся базой для метафорической трансформации мысли.

Рационалистическое мировосприятие, характерное для англо- и франкоязычной культур, и, скорее, иррационалистическое, характерное для русской культуры, тесно связано с выстраиваемым в рамках теории межкультурной коммуникации делением культур на культуры «деятельностного» (a doing culture) и «бытийного» типов (a being culture) [Kluckhohn, Strodbeck 1960]. Культурам деятельностного типа, к которым относятся, например, английская, американская, французская культуры, свойственно стремление рассматривать окружающую действительность как сферу деятельности человека, требующую его активного участия по преобразованию и изменению этой действительности. В культурах бытийного типа, примером которой является русская культура, человек ощущает себя частью мира и принимает его таким, какой он есть, пытаясь не изменить его, а осмыслить.

Деление на культуры деятельностного и бытийного типа проецируется в разделении языков на языки с посессивной и бытийной моделями высказывания (*Have-languages* и *Be-languages*). Английскому и французскому языкам соответствует «имущественный» принцип, когда человек что-то имеет, а рус-

скому соответствует бытийный принцип: в мире, так же, как и у человека, всегда что-то есть.

Присущее культурам деятельностного типа стремление к аналитизму, проявляющееся в членении мира на составляющие элементы для полноценного его осмысления и дальнейшего эффективного взаимодействия с ним, и свойственные культурам бытийного типа синтетические модели мышления, объединяющие отдельные элементы мира и интерпретирующие его в совокупной целостности, преломляются в делении английского, французского и русского языков на языки аналитического и синтетического типа.

Отмеченные различия данных языков позволяют сделать вывод о том, что, формируясь по своей собственной модели, каждый язык по-своему членит окружающую действительность и навязывает этот способ всем говорящим на нем людям. Из этого следует, что каждый язык, по словам Э. Сепира, в итоге имеет свой особый «покрой» («a certain cut») [Sapir 2004: 97], свои специфические черты, свои уникалии.

Несмотря на существующие типологические различия выбранных в качестве материала данного исследования языков, все языки имеют универсальную базу, обусловленную общей функциональной природой языка и общими принципами устройства языковой структуры. Так, М. Бейкер, ссылаясь на универсальную грамматику Н. Хомского, говорит о существовании универсального языка как набора определенных элементов. Все языки, по его мнению, есть результат соединения конечного числа элементов или базовых параметров, но каждый конкретный язык выбирает при этом разные параметры и использует различные комбинации их соединения (см. подробнее: [Бейкер 2008: 26–29]). Таким образом, в своей содержательной части языки обнаруживают не только различия, но и значительные сходства, обусловленные биологическим единством людей и общностью данных для восприятия условий существования.

В этой связи особо подчеркнем, что проводимый в данной работе анализ фактических данных английского, французского и русского языков не фоку-

сируется на сопоставлении и сравнении способов репрезентации идеи количества и формировании на ее основе инферентных качественных характеристик в выбранных в качестве материала исследования языках, но нацелен на выявление общих принципов взаимодействия количества и качества в сознании человека, единых схем и механизмов осмысления количественно-качественных корреляций, реконструируемых на основе единиц различных по своим характеристикам языковых типов. Однако поиск и анализ универсальных оснований взаимодействия количества и качества неизбежно высвечивает и культурноспецифические, и индивидуальные особенности процесса количественной интерпретации качества, свидетельствуя о неразрывном единстве универсального, культурноспецифического и индивидуального компонентов знания в сознании и языке.

2. Векторы реализации количественной интерпретанты

Несмотря на типологические различия исследуемых в данной работе языков, некоторые из которых были отмечены в предыдущем параграфе, лексико-грамматические классы слов, называемые частями речи, являются универсалией и представлены во всех языках. Их выделение продиктовано наличием базовых понятий предметности (НЕЧТО), процесса (ДЕЙСТВИЕ), непроцессуальной и процессуальной признаковости (КАЧЕСТВО), количественности (СТОЛЬКО) (см., например: [Жаботинская 1998; Jackendoff 1990]). Эти понятия – суть философских категорий, в которых традиционно фигурируют субстанция, количество, качество, действие. В них можно усмотреть и логический аналог таких частей речи, как существительное, глагол, прилагательное, наречие, числительное, представляющих собой, по словам Е.С. Кубряковой, «своего рода простейшие бытийные концептуальные структуры, или категориальные архетипы, которые постепенно становятся врожденными, входя в биопрограмму человека» [Кубрякова 1997: 189]. Следовательно, моделирование процесса количественной интерпретации качества через обращение к различным частям речи позволяет показать общие механизмы об-

работки сознанием количественно-качественной информации, поскольку части речи репрезентируют результаты опыта человека по освоению действительности.

Части речи как грамматические схемы языковой интерпретации связаны с тремя основными функциями языка – когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей, что, по мнению Н.Н. Болдырева, свидетельствует о «доминантном характере грамматики в языке» [Болдырев 2020б: 26].

Реализация когнитивной функции связана с тем, что в частях речи и их грамматических категориях фиксируется опыт познания человеком окружающего мира, т.е. результаты процесса концептуализации объектов, процессов, а также их свойств и дальнейшая их дифференциация в связи с отнесением к определенной категории – предмету, процессу, признаку.

Реализация коммуникативной функции связана с тем, что именно грамматика позволяет оформить концептуальный субстрат, структурировать мыслительное содержание и реализовать переход от категорий сознания к категориям языка. Опыт общения человека с миром, его концептуальный багаж пропускается через концептуальную рамку, т.е. грамматику языка и репрезентируется в системе частей речи. Таким образом, часть речи, по словам Э. Сепира, «отражает не столько наш интуитивный анализ действительности, сколько нашу способность упорядочивать эту действительность в многообразные формальные шаблоны» [Сепир 1993: 114–116],

Реализация интерпретирующей функции языка связана с вариативностью языковой репрезентации результатов познания окружающего мира, в том числе и ее количественно-качественных свойств. Являясь, по словам А. Ф. Лосева, «орудиями понимания» [Лосев 1982: 354], части речи «содержат в себе, по крайней мере два разных семантических слоя; предметный, охваченный логически, с одной стороны, и понимаемый, т.е. так или иначе понимаемый, интерпретируемый, с другой стороны» [Там же: 357]. Интерпретируемое знание об одной и той же количественной характеристике может быть представлено в языке и числительным, и прилагательным, и существитель-

ным, и глаголом. Сравним: *в его коллекции более ста автомобилей*; *он большой коллекционер автомобилей; он коллекционирует автомобили*; *у него море автомобилей в коллекции*. Континуальность сознания и его интерпретирующий потенциал обусловливают нередкие частеречные взаимопересечения при выражении количественно-качественных отношений. Еще А.А. Потебня указывал на то, что, понимая язык как деятельность, «невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли» [Потебня 1958: 82].

Этот факт стал определяющим при выделении векторов реализации количественной интерпретанты, а именно, числового, предметно-количественного, признаково-количественного и процессуально-количественного, которые маркируют наиболее общие направления развития исследуемого процесса.

Выделение числового вектора развития количественной интерпретанты продиктовано принципиальной значимостью концепта ЧИСЛО для существования КОЛИЧЕСТВА как такового, его «цементирующей» функцией в отношении всего содержательного объема понятия количественной интерпретанты и формирования категориальной основы количества. Выделение предметно-количественного вектора развития количественной интерпретанты обусловлено важностью понятия «предметность» для процесса познания в целом, значимостью осмысления некоторого количества предметов, в частности. Признаково-количественный вектор развития количественной интерпретанты связан с концептуализацией количества непроцессуального признака. Процессуально-количественный вектор развития количественной интерпретанты демонстрирует формирование репертуара интерпретирующих характеристик на основе осмысления различных способов выражения в языке количества действия.

Во всех выбранных для анализа языках количественные характеристики находят свою репрезентацию в различных частях речи. Н.Д. Арутюнова от-

мечает, что этот факт позволяет говорить о том, что «наиболее абстрактная и точная среди языковых значений категория квантификации в языке не упорядочена. Даже специально созданная для ее выражения часть речи числительное распадается на ряд подклассов (прежде всего на количественные, порядковые, собирательные и дробные числительные), каждый из которых, как хорошо известно, образует свою систему, находящуюся в специфическом взаимодействии с другими частями речи» [Арутюнова 2005: 7]. Этот же факт свидетельствует о том, что многообразие количественных характеристик фрагментов действительности способствует широкой вариативности его интерпретации, приводя к тому, что вся система языка изобилует количественными смыслами, репрезентируемыми различными частями речи.

Таким образом, моделирование процесса количественной интерпретации качества на основе анализа передаваемых различными частями речи количественных смыслов представляется научно обоснованным в силу того факта, что части речи есть материальный продукт когнитивной деятельности человека по концептуализации, категоризации и интерпретации действительности, базовый механизм понимания действительности, определенные схемы, в соответствии с которыми оформляется весь опыт познания мира в процессе вербализации мысли, в том числе и опыт познания его количественных свойств и отношений. В различных частях речи находят свою репрезентацию не только разнообразные признаки концепта КОЛИЧЕСТВО, но и имплицитные, потенциально реконструируемые смыслы, связанные с осмыслением качественных свойств действительности. Перейдем к анализу векторов реализации процесса количественной интерпретации качества.

3. Числовой вектор реализации количественной интерпретанты

3.1. Число в сознании и языке

Суммируя приведенные выше (§1.2) рассуждения о числе, подчеркнем, что оперирование числами есть уникальная способность человеческого соз-

нания, поскольку число не может быть воспринято напрямую при помощи органов чувств. Г. Грассман подчеркивает, что «чистая математика есть наука о бытии *особенного* как о бытии, *созданном* мышлением» [Грассман 2008: 79]. Представления о числе, наряду с пространственными и временными представлениями, формируются исключительно за счет способности к образному мышлению, которое, по мнению Э. Кассирера, позволяет человеку пересекать воображаемые пространственные, временные и математические границы [Кассирер 1998].

В этом аспекте результаты когнитивных исследований феномена числа созвучны идеям философов, математиков, психологов в части того, что число как таковое существует только за счет способности человеческого сознания к воображению. И в этой связи значимость способности человеческого сознания продуцировать представления, связанные с числами, трудно переоценить. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «в процессах познания и формирования концептуальных структур особая роль отводится знаниям, полученным не столько от ощущений и имеющих перцептуальную основу (bodily experience), сколько чисто теоретическим, позволяющим человеку выйти за пределы непосредственно наблюдаемого, к которым относятся чисто умозрительно строящиеся представления в сфере числа» [Кубрякова 2008: 22].

Важным является тезис о том, что, как научный концепт высшей степени абстракции, не связанный с предметным миром, ЧИСЛО всегда противостоит КОЛИЧЕСТВУ как форме функционирования числа в материи и средству познания. Как «чистое» понятие *число* получают, абстрагируясь от вещей: *два, три, пять, сорок, сто* и т.д. Г. Фреге подчеркивает, что в научном смысле все числа могут быть сопоставимы с именами собственными типа *Сириус, Африка* и т.п., поскольку наука рассматривает их как автономные объекты, а не как свойства, и, соответственно, использует их субстантивно, а не предикативно. В обыденном сознании *число* чаще соотносимо с определенными предметами, поэтому в языке *four horses* схоже с *big horses*, как если бы *four* означало свойство каждой отдельной лошади как в случае с *big*.

Однако если *big horses* означает, что каждая отдельная *лошадь* является *большой*, то *four horses* вовсе не означает, что каждая отдельная *лошадь четыре* [Frege 1980: 178]. Если для научного познания операции с числами есть источник математических законов, то для обыденного сознания число, трансформированное в количество, есть результат осмысления субъектом познания количественных характеристик объектов, явлений, процессов действительности, совокупность ощущений, которые отражаются в языке. Из этого следует, что, по словам Г. Фреге, в «обычной жизни *число* совершенно расстается с наукой» [Фреге 2000: 47].

Несмотря на указанные различия, и число как математическая абстракция, и количество как результат операции счисления в языке репрезентируются числительными – специальным классом слов, наиболее точно отражающим природу концептов ЧИСЛО и КОЛИЧЕСТВО. Данные концепты, в свою очередь, обусловливают содержательную неоднородность числительных, определяя разные аспекты их функционирования в языке. Поясним сказанное.

Дуалистический характер числа, наблюдаемый в языке, обнаруживает себя в том, что, с одной стороны, в языке функционируют числительные, мотивированные полным абстрагированием от качественных особенностей предметов счета, т.е. числительные, репрезентирующие математические концепты, а также результаты различных операций с ними. Эти числительные можно условно назвать «чистыми» числительными (ср.: *bare cardinals, bare numericals* [Rothstein 2017]), элементами научного математического знания. С другой стороны, в языке широко представлены приноминальные числительные (ср.: *prenominal cardinals, prenominal numericals* [Rothstein 2017; Hofweber 2005]), элементы субстантивных сочетаний, т. е. сочетаний различных лексико-грамматических разрядов числительных (например, количественных, порядковых) с существительными. Эти числительные репрезентируют результаты осмысления индивидом разнообразных количественных свойств объектов и феноменов реальности.

Отмеченные содержательные и функциональные особенности числительных, определили направление их дальнейшей дифференциации в рамках данного исследования. Так, «чистые» числительные, например, *два, четыре, десять* и т.п., а также числительные-элементы субстантивных сочетаний типа *первая леди, второе дыхание, тридцать градусов, два метра ростом, сто процентов* и т.п., не связанные со счислением предметов как таковых, а используемые в качестве средств репрезентации разного рода количественно-качественных характеристик, формирующихся на основе конвенциональных схем знания, являются конституентами числового вектора реализации количественной интерпретанты. Числительные-элементы субстантивных сочетаний, репрезентирующие в языке результаты операции счисления предметов действительности (*два дерева, три машины, сорок картин* и т.п.), являются конституентами предметно-количественного вектора.

Важно подчеркнуть, что значимость феномена числа объясняет способность имени числительного как «синкретичной по своей природе» [Чеснокова1997: 3] части речи совмещать наряду со специфическими признаками количественной части речи признаки существительного (*ноль, единица, тройка* как имена чисел), прилагательного (*тройной, пятизвездочный, второклассный*), наречия (*дважды, в три раза*), глагола (*двоиться, троиться*). Этим обусловлена более или менее подробная представленность имени числительного во всех выделенных векторах интерпретации качества. Более того, обоснованным представляется и общее понимание всех единиц языка с количественными смыслами, принадлежащих различным частям речи, как функциональных аналогов числительных, продуктов интерпретирующего сознания.

3.2. Числовой ряд как интерпретационная модель качества

Числовой вектор реализации количественной интерпретанты представлен интерпретационной моделью «число → качество». Как имена чисел в языке числительные, используемые для представления результатов операций

с ними, а также при абстрактном счёте являются продуктом реализации когнитивного механизма абстрагирования. В таком виде числительные являются средством номинации в языке математических концептов – продуктов человеческого сознания целиком и полностью принадлежащих нечувственному, нематериальному миру. Приведем примеры:

24) ***Two*** *times* ***two*** *equals* ***four*** [https://dictionary.cambridge.org].

25) ***Deux*** *et* ***deux quatre***

Quatre *et* ***quatre huit***

Huit *et* ***huit*** *font* ***seize*** [*J. Prévert*. Page d'écriture (Электронный ресурс)].

26) *Дважды* ***два четыре*** *дважды* ***два четыре*** *это всем известно в целом мире* [*В. Шаинский, М. Пляцковский*. Дважды два четыре].

Вполне естественным признается тот факт, что когнитивный механизм абстрагирования сам по себе обладает довольно незначительным интерпретирующим потенциалом в отношении качества, ввиду отмеченной полной независимости ЧИСЛА как концепта высшей степени абстракции от материального мира вещей и, как следствие, его «оторванности» от признаков этих вещей. Однако, даже в своем наиболее абстрактном виде число, представленное в языке числительными, способно реферировать к качественным характеристикам. Например:

27) "*Shh. You think I wasn't bound to get it all figured out? You think your mama is a fool, she* ***can't add two and two and come up with four?*** [*Ch. Rimmer, A. Leigh*. The Marriage Agenda: An Anthology 2015: 224].

28) *Freire n'était pas un expert en psychologie féminine mais* ***ll savait additionner deux*** *et* ***deux*** [*J.- Ch. Grangé*. Le passager 2011: 150].

29) *Нет бы нормальный пришел человек, просвещенный, нет же – вечно разные дуболомы в доспехах. Из рефлексов только глотательный. Эй, дубина! – это уже Панасу. – Ты хоть* ***знаешь, сколько будет дважды два****?* [*В. Васильев*. Мемуары Панаса Галушки (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах неспособность / способность человеком осуществить простейшую операцию с числами гиперболизировано увязывается с представлением о соответствии норме или отклонении от нормы интеллектуального развития среднестатистического человека и становится когнитивным основанием интерпретации уровня умственных способностей. Заметим, что, связанные с данной арифметической операцией инферируемые смыслы ‘простой’, ‘понятный’, ‘легкий’, закреплены в словарных значениях устойчивых сочетаний с числительными *два* и *четыре*. Сравним: ***as simple as two and two makes four***, ***c’est clair comme deux et deux font quatre***, ***просто, как дважды два четыре***.

Поскольку в языке «чистые» числительные репрезентируют научные концепты высшей степени абстракции, они дублируют и существующие между концептами-числами связи, «заимствуя» отношения, задаваемые и регулируемые общими законами математического числового ряда, моделью которого в точных науках служит числовая прямая с нулевой точкой отсчета.

Возможность конструирования воображаемой бесконечности числового ряда при описании математической бесконечности любой природы, как естественной, так и потенциальной, обеспечивается когнитивным механизмом концептуальной метафоры пространства, поскольку прямолинейная образная схема лежит в основе идеи измерения и ориентации в целом. Условное движение в рамках числового ряда связано с реализацией когнитивного механизма воображаемого движения, а числовые значения, относительно которых осуществляется интерпретация в терминах соответствия / несоответствия норме, оказываются выделенными за счет когнитивного механизма фокусирования, определяющего их доминантный статус в процессе оценки качества. Воображаемый числовой ряд, таким образом, представляет собой когнитивную схему от ноля до бесконечности, в рамках которой осуществляется оценка количественно-качественных корреляций как результатов действия когнитивного механизма шкалирования.

Будучи языковыми репрезентантами конституентов числового ряда, числительные, а также образованные от них прилагательные, существительные, выступают в роли языковых механизмов оценки качественных характеристик, увязывающих репрезентируемые ими числовые показатели с нормой (или отклонением от нормы) качества в языке. Общий принцип формирования инферентных качественных смыслов на базе интеграции вышеперечисленных когнитивных механизмов, продемонстрируем на примере схемы мыслимого движения слева направо и справа налево в пределах начальных конституентов числового ряда.

Учитывая логику порядка расположения цифр в ряду числовой последовательности слева направо от нуля до бесконечности, ноль, по определению Н.Д. Арутюновой, «как эквивалент вакуума в метаязыке количества, может быть определен как знак, занимающий место в цифровом ряду и выполняющий в счете определенные функции» [Арутюнова 2005: 6]. Поскольку пустота или вакуум при соотнесении с овеществленным количеством приравнивается к нулю, то формирующиеся при соотнесении с нулевой точкой отсчёта на числовой прямой смыслы связаны с представлениями об отсутствии чего-либо. В системе ценностей человека, образующих нормативную картину мира, большое количество чаще признается желательным, малое – скорее нежелательным, а отсутствие чего-либо, т.е. нулевое количество – за некоторыми исключениями, переживается негативно и сопряжено зачастую с идеей пренебрежения:

30) « *I'm magnificently prepared for the long littleness of life... Zilch,* ***zero,*** *zip-all, lipperty-pipperty nothing* [*S. Fry*. The Liar 1997: 145].

31) *Un toute seule,* ***c'est zéro*** *au bout d'un moment, non?* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 55].

32) *И не стало блистательного «Коммерсанта». Ушли смелые и остроумные обозреватели. Тоской посредственного профессионализма ... веет с его тусклых страниц. Ни свободы, ни стильности, ни умной иронии, ничего,*

ноль [*Т. Москвина*. Энциклопедия русской жизни. Моя летопись: 1999-2007 (Электронный ресурс)].

«Нулевое количество», репрезентированное субстантивированным числительным как именем числа *ноль*, может являться основанием и для осмысления специфических характеристик человека:

33) *His social life was – for the first time in many years –* ***a zero*** [*M. Atwood*. Oryx and Crake 2004: 292].

34) *Tu as peut-être de hauts diplômes universitaires mais* ***en amour, tu es un double zéro*** [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 908].

35) *Ты ничего не понимаешь, снисходительно отвечала Руфа. И это было правдой. В хозяйстве Лена –* ***круглый нуль*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше. 2010: 80].

В примерах (33), (34), (35) интерпретация качественных характеристик в терминах существительных ***a zero / un zéro / нуль*** обусловливает формирование соответствующих инферентных смыслов, связанных с отсутствием у объекта оценки контактов с другими членами социума (33), отсутствием компетентности в вопросах выстраивания личных отношений (34), а также отсутствием навыков в ведении домашнего хозяйства (35), что позволяет выделить такие интерпретирующие характеристики, как ‘необщительный’, ‘некомпетентный’ и т.п. Данные смыслы формируются на пересечении категорий количества и отрицания, которое «профилирует отсутствие чего-либо на фоне определённого стереотипного знания, которое выступает в качестве источника инферентного вывода» [Болдырев 2016б: 172]. Отсутствие перечисленных характеристик рассматривается как отклонение от нормы и комплементируется негативной оценкой.

Поскольку числовая прямая есть схема мыслимого движения в сторону увеличения чисел слева направо, начальные конституенты числового ряда, репрезентированные в языке количественными числительными *один*, *два*, *три* и т.д., чаще соотносимы со значением «мало». Например:

36) *I automatically turned into an idiot* ***who couldn't count to three*** [*M. Barnes*. Captain Beefheart: The Biography (Электронный ресурс)].

37) *Parmi les invités, un gars complètement body-buildé comme ceux des combats de catch à la télévision et* ***une blonde qui sait au moins compter jusqu'à trois*** [*E. Spitale*. Khayelitsha 2014: 93].

38) *– Ну не скажешь же прямо, что он дурак! Или что его в молодости булавой хорошо приложило, и* ***он до трех с трудом считает****! Зато топором машет – о-го-го!* [*А. Ефимов*. Требуется Темный Властелин (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах языковая репрезентация интеллектуальных способностей человека в терминах, соответствующих русскому выражению *считать до трех*, запускает процесс инферентного вывода в отношении довольно скромных интеллектуальных способностей человека. Действие когнитивных механизмов абстрагирования (число «три» как абстракция), ограничения и воображаемого движения в рамках установленных границ числового ряда (от «нуля» до «трех») обусловливает формирование смысла 'мало', коррелирующего со смыслом 'плохо', поскольку основанием оценки становятся объективные данные в области развития человека, свидетельствующие о том, что в норме подобную арифметическую операцию способны осуществлять дети дошкольного возраста.

Мыслимое движение в рамках числового ряда может также осуществляться и в направлении справа налево. При движении справа налево, отражающим динамику движения в направлении *первый*, *второй*, *третий* и т.д., соотношение между конституентами числового ряда в целом определяется оценочными корреляциями типа: *первый* ← → 'хорошо', *второй* ← → 'хуже', … *последний* ← → 'плохо'. Таким образом, формирование оценочного значения у данных числительных сопровождается формированием значений качественных, связанных с определенными характеристиками и свойствами объекта. Отметим в этой связи замечание А. Ф. Лосева о том, что «*первый*, *второй*, *третий* есть понимание как качества того, что по существу своему

есть количество» [Лосев 1982: 357]. Из этого следует, что порядковые числительные *первый, второй, третий*, а также их дериваты являются языковыми механизмами формирования интерпретирующих количественно-качественных смыслов. Рассмотрим их подробнее.

Числовой вектор интерпретации качества, представленный в языке порядковым числительным *первый* и его дериватами, формирует ряд значений, непосредственно связанных с оценкой качества. Так, формирование интерпретирующей характеристики ‘главный’, на базе порядкового числительного *первый* обусловлено значимостью единицы, ее главенствующей позицией, задающей начало всему числовому ряду. Сравним:

39) *We both knew when the cops got here, I would be* ***suspect number one****, and although I had cop friends, I couldn’t rely on any of them…* [*J. Patterson*. Private: No. 1 Suspect 2012: 24].

40) *Votre patient est notre* ***suspect numéro un*** [*J.-Ch. Grangé.* Le passager 2011: 140].

41) *Как его растрясло от намека на возможность стать* ***подозреваемым номер один*** [*А. Наст*. Оскал тьмы (Электронный ресурс)].

42) ***Family first****, writing second. Way, way, way second, no matter how much she loved to write, or the money she made. Her* ***first priority*** *had always been Peter and their kids* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 34].

43) *– Vous devez nous prévenir du moindre de ses faits et gestes.*

– ***Première nouvelle*** [*J.-Ch. Grangé.* Le passager 2011: 140].

44) *Для мужчины работа всегда на* ***первом месте*** [*Ю. Поляков.* Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 44].

В примерах (39), (40) и (41) потенциальная замена словосочетания *подозреваемый номер один* на *главный подозреваемый* мотивирована когнитивной выделенностью числа *один* как начального конституента образной схемы числового ряда. В примерах (42), (43) и (44) порядковые числительные *first, première* и *первый* запускают процесс инферирования качественных характе-

ристик относительно главных жизненных приоритетов (42), (44) и высокой степени значимости и важности информации (43).

Характеристики ‘главный’, ‘важный’, ‘значимый’ имплицированы и в таких сочетаниях с порядковым числительным, соответствующим русскому *первый*, как *first family, first lady, первая полоса газет, первое лицо государства* и т.п., свидетельствующих о количественно-качественных корреляциях *первый*←→ ‘главный’:

45) *You always hear about fashion’s success stories. How sweaters made a come back in a drugstore, or a* ***First Lady*** *influenced how we dressed during her* reign [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 141].

46) ***La première qualité*** *d’un vrai fleuriste résidait justement dans la quête du produit parfait* [*G. Musso*. L’appel de l’ange 2012: 166].

47) *Стихотворение было опубликовано* ***на первой полосе*** *четырнадцатым кеглем* **[***М. Веллер*. Легенды Арбата 2011: 75].

Первый также ассоциируется с лучшим:

48) *She was the first student to be nominated by the teachers for* ***the first student of the month*** [*S. Timothy*. Under the Mountain (Электронный ресурс)].

49) *Papa ne voulait que son bonneur et elle n’aspirait qu’à un bonheur dans les normes.* ***Première en classe*** *et championne d’équitation* [*J.-Ch. Grangé.* Le passager 2011: 49].

50) *Владислав Стасов в очередной раз убедился, что его дочь по-прежнему* ***первая ученица*** *в классе, выслушал массу комплиментов от классной руководительницы и с чувством глубокого удовлетворения покинул здание школы…*[НКРЯ].

В приведенных примерах оценка в терминах *first student, première en classe* и *первая ученица* обусловливает вывод в отношении таких качеств учащегося, как трудолюбие, усердие, ум и т.д.

Высокий уровень компетентности и профессионализма в определенной сфере деятельности также ассоциируется с первым:

51) *Our late* ***first violinist****, who had recently died, had been on visiting terms with persons of the highest respectability, had given lessons to the very best families…* [*J. Fothergill*. The First Violin (Электронный ресурс)].

52) *A seize ans, elle était devenue à son tour la* ***première danseuse*** *du ballet* [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 338].

53) *Всемирно известный дирижер, чьи гастроли расписаны на пять лет вперед, церемонно пожал руку* ***первой скрипке****, сделал свирепое лицо, затем женственно махнул палочкой – и со всех углов обширного кабинета полилась знаменитая мелодия* [*Поляков Ю*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 259].

В терминах, связанных с представлениями о первом как лучшем и главном, могут быть репрезентированы и ощущения от жизни:

54) *I'm in the* ***prime time*** *of my life* [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 16].

55) *Elle se sentit princesse des villes,* ***prima ballerina****, Coco Chanel et eut envie de sortir ses crayons, ses blocs, ses couleurs et de se mettre à travailler* [*K. Pancol*. Les Ecureuils de central park sont tristes le lundi 2010: 915].

56) *Танька не верила своему счастью. Из медсестры в* ***первую леди*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 148].

Сочетание числительного *первый* с существительным, соответствующим русскому *рука* образуют сочетания, значение которых связано с идеей 'правдивый', 'неискаженный':

57) *It's not* ***firsthand information****, so I don't know if you can completely believe it* [LDELC 1998: 487].

58) *Il faut dire que tu possédais* ***des informations de première main*** [*J-Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 539].

59) *Я люблю брать* ***информацию из первых рук****, свежинку люблю* [*Д. Гранин*. Картина 2004: 48].

Числительное *первый* может являться средством градации темпоральных характеристик, присущих одушевленным и неодушевленным объектам:

60) *Mrs. Langford was not in her* ***first youth*** [*S. Fowler Wright*. The Hanging of Constance Hillier: An Inspector Cleveland Classic Crime Novel (Электронный ресурс)].

61) *Cédric Volokine s'était fait beau. Costume noir, plus de* ***la première jeunesse*** [*J.-Ch. Grangé*. Miserere (Электронный ресурс)].

62) *Их встретила секретарша* ***не первой*** *и даже не второй* ***молодости, а, пожалуй, третьей,*** *но зато по всему было видно: эту свою окончательную молодость она сохранит навсегда любой ценой* [*Ю. Поляков.* Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 248].

В примерах (60) и (62) *first youth*, *первой молодости* в сочетании с отрицанием обусловливают вывод в направлении осмысления возраста человека в терминах «немолодой», тогда как пример (61) характеризует предмет гардероба.

Дериваты порядкового числительного *первый* типа *первоклассный*, *первосортный* также выступают как средство оценки различных объектов действительности:

63) *Two years after graduation this* ***first-class mind*** *is being paid eighty thousand pounds a year to devise advertising slogans for a proprietary brand of peanut butter or is writing snobbish articles in glossy magazines about exiled European monarchs and their children or some such catastrophic drivel* [*S. Fr*y. The Liar 1997: 220].

64) *Il était soldat* ***de première classe****, il était général, un grand stratège* [*M. Toulon-Languet.* Qu'est-ce qu'elles font là ces croix ? (Электронный ресурс)].

65) *Я –* ***первоклассный инженер****, учтите, парниша! – резко отчеканил Валентуля, положил паяльник на проволочную подставку и выпрямился, откидывая подвижные мягкие волосы такого же цвета, как кусок канифоли на его столе* [*А. Солженицын*. В круге первом. (Электронный ресурс)].

Характеристика людей в терминах, соответствующих русскому прилагательному *первоклассный*, связана с такими присущими им качествами, как ум, компетентность, профессионализм.

Номинация объекта в терминах *первоклассный* реферирует к высокому уровню комфорта:

66) *Along the corridor, in a* ***first-class*** *smoking compartment, Mr Peters was lighting a big black cigar* [*P. G. Wodehouse*. The World of Blandings 2008: 104].

67) *La prochaine fois, j'exige une place en* ***première classe*** [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 911].

68) *А в «Метрополе» чудесные номера, это* ***первоклассная гостиница*** *…* [*М. Булгаков*. Романы 1988: 537].

Таким образом, числительное *первый* в роли языкового механизма формирования смысла является основанием для инферентного вывода в отношении таких качественных смыслов, как 'главный', 'важный', 'значимый', 'лучший', 'самый' (умный, компетентный, красивый и т.д.).

Второй часто осмысляется как 'второстепенный', 'запасной', 'неважный' и т.д. Сравним: *дело второстепенной важности, второй состав, вторые ключи, роль второго плана* и т.д. *Второй* как следующий за *первым* на числовой прямой, осмысляется в связи с представлением о меньшем количестве признака и идеей 'менее … чем первый'. Сравним:

69) *In these situation, it is no use looking hopeless or weighed down by the burden of* ***being wife number two*** [*E. Buchan*. Wives Behaving Badly 2007: 21].

70) *En dehors du football, je suis un gars compétif et je n'aime pas être le* ***numéro deux*** *ou le numéro trois. Je veux toujours être numéro un. Je vais le faire, à 100%. a déclaré le joueur qui a rejoint Manchester United à l'âge de 18 ans, en 2003* [https://www.archives.beninwebtv.com]

71) *Никто из нас не хотел* ***быть номером два****…* [*А. Старшинов*. Закон есть закон (Электронный ресурс)].

72) *"Tom's the brains of our family, Meg," he'd once told me… I'm a poor* ***second*** [*D. Burrows*. A Stranger in my Street 2012: 11].

73) *Lors du Tour de France, Raymond Poulidor, qui n'a jamais pu gagner la course, était surnommé «****l'éternel second****»* [https://www.lalanguefrançaise.com].

74) *Анохин как-то сказал про меня, что я никогда не стану первым, что моя участь – вечно быть* ***вторым*** [НКРЯ].

Приведенные примеры иллюстрируют формирование инферентных качественных смыслов: ‘менее успешный’, ‘менее талантливый’, ‘менее любимый’ и т.д.

Необходимо отметить и одновременно возникающую двойственность интерпретации, подразумевающую, что *второй* – это не только менее талантливый, менее удачливый и т.п. по сравнению с *первым*, но и лучший (первый) после *первого*:

75) *You’ve never told me you felt proud of me, never. It was always Iseult – and I love her, don’t get me wrong, but it’s hard to always come* ***second best*** [*C.* Kelly. Once in a Lifetime 2012: 379].

76) *Вера была* ***первая среди вторых*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 38].

Как первый после первого, *второй* оценивается положительно, сближаясь с *первым* по качественному наполнению:

77) ‘*Tom, David’s* ***second*** *in command, is coming over,’ she added* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 217].

78) *Lorsqu’on lisait l’article un peu plus attentivement, on comprenait que George LaTulip travaillait comme* ***second*** *de Jonathan à L’Impérator: c’était son plus proche collaborateur, mais aussi son ami* [*G. Musso*. L’appel de l’ange 2012: 174].

79) *Потом ему пояснили, что это Ножкин, финансовый директор,* ***второй человек*** *в фирме* [*В. Дьяков*. Золото наших предков (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах *второй* является основанием для вывода в направлении достаточного профессионального уровня человека, позволяющего ему, в случае необходимости, замещать первого, т.е. главного.

На базе порядкового числительного *второй* формируются инферентные характеристики ‘надежный’, ‘запасной’ и т.п. Например:

80) *Once outside, he taps* ***a second code*** *into the signal pad beside the door…* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 96].

81) *Il n'avait pas le code d'entrée pour ouvrir* ***la seconde porte*** [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 493].

82) – *Наташка имела* ***вторые ключи****, вернулась, когда все ушли, и уволокла камеру* [*Д. Донцова*. Живая вода мертвой царевны 2012: 129].

В отношении объектов оценка, репрезентированная сочетаниями, соответствующими русскому *вторые руки*, связана с осмыслением характеристик объекта в терминах 'не первой свежести', 'не новый', 'подержанный' и, соответственно, 'не очень хорошего качества'.

83) *And oh, there was a fabulous dress shop in a backstreet in the Marais where Kitty had bought* ***a second-hand Schiaparelli dress*** *that everyone just adored* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 91].

84) *Qu'il s'agisse de montres, de vêtements, ou encore de chaussures,* ***le marché de la seconde main*** *a tout pour nous plaire : non seulement il est accessible à tous, mais en plus, il donne un second souffle à des articles généralement encore en bon état …* [https://sosoir.lesoir.be/la-seconde-main-le-nouveau-luxe].

85) *Она открыла магазин* ***«Вторые руки»*** *типа комиссионки* [*В. Токарева*. Дерево на крыше. 2010: 158].

Оценка же в терминах, соответствующих русскому *вторая кожа*, наоборот, нивелирует качественную дифференциацию между первым и вторым, обусловливая формирование смысла 'удобный', 'естественный' и т.д.:

86) *The footwear from the Second Skin line is soft and lightweight, essentially fitting you* ***like a second skin*** [https://www.stonefly.it].

87) *Il y a la peur, avec moi. Comme une* ***seconde peau*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 592].

88) *Секрет, позволяющий этой модели сидеть* ***«как вторая кожа»****, в составе инновационной ткани би-стретч: 80 % джерси и 20% эластана* [Лиза. 2014. № 28: 26].

Схожее значение репрезентировано и словосочетанием, соответствующим русскому *вторая натура*, означающим присущую человеку индивидуальную особенность как неотъемлемую составляющую его существования:

89) … *Ashe Marson had realized that he must forget those morning exercises which had become a* ***second nature to*** *him, or else defy London's unwritten law and brave London's mockery* [*P.G Wodehouse*. The Worlds of Blandings 2008: 14].

90) *Elle marchait selon* ***sa manière particulière****: épaules hautes, bras le long du corps, poignes relevés, et surtout, hanches légèrement de biais. Lorsqu'elle était jeune, elle avait longuement peaufiné cette démarche oblique... Aujourd'hui, ce maintien était devenu* ***une seconde nature*** [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 221].

91) *... наблюдаю за ней – по целому часу смотрит на одну и ту же бумажку! Это ужасно, товарищ Макрушин, это ужасно! У нее* ***вторая натура*** *выработалась.* [*В. Минаков*. Дом невезения. Рассказы и фельетоны (Электронный ресурс)].

Порядковые числительные *второй*, *second*, *second* входят в состав конструкций, описывающих состояния человека. Приведем примеры:

92) *But she'd been in good spirits all day, and seemed to get* ***a second wind*** *halfway through the evening* [*D. Steel*. Dating Game 2004: 198].

93) *La plupart d'entre nous ressentons ce qui est appelé* ***un second souffle*** [www.linguee.fr].

94) *У него открылось* ***второе дыхание****, он не чувствовал ни усталости, ни боли в ладонях* [НКРЯ].

В представленных примерах сочетания *second wind*, *second souffle*, *второе дыхание* репрезентируют психофизиологический феномен, связанный с приливом энергии, бодрости и сил как общего благополучного состояния организма человека, т.е. положительную его характеристику.

Эти же числительные характеризуют и ментальные состояния, а также особенные возможности человека. Так, *second sight* в примере (95) имеет зна-

чение особого дара предвидения. Словосочетание *to have second thoughts* репрезентирует идею, связанную с состоянием нерешительности (96), а *être dans un état second* – бессознательное, гипнотическое или, по индивидуальным ощущениям, схожее с таковыми состояние (97):

95) *Strike was sure she was a divorcée. He was developing* ***second sight*** *on that subject* [*R. Galbraith*. The Silkworm (Электронный ресурс)].

96) *She had* ***second thoughts*** [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 263].

97) *Arthur prit son blouson, ses clés, il était comme dans* ***un état second*** [*M. Levy*. Et si c'était vrai 2000: 110].

Порядковое числительное *второй* как компонент сочетания, соответствующего русскому *второй шанс*, реферирует к такому абстрактному качеству, как надежда:

98) *With Rachel, he felt as though God had given him* ***a second chance*** [*D. Steel*. Dating Game 2004: 30].

99) *- Tu ne veux pas nous laisser* ***une seconde chance*** ? [*M. Levy*. Vous Revoir 2005: 297].

100) *Я даю тебе шанс. Тот самый* ***второй шанс****, о котором вы все так страстно молите* [*О. Рой*. Фантомная боль (Электронный ресурс)].

Анализ фактического материала показал достаточно широкий репертуар инферентных смыслов, формирующихся на базе числительного *второй*. Проиллюстрируем еще некоторые из них:

101) *Though she'd a tiny flash of excitement, like peering in through a window and seeing another version of herself inside, leading* ***a second life****…* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 41].

102) *Ce lieu était pour lui comme* ***second manteau,*** *porteur d'une chaleur, d'une solidarité incorruptibles* [J.-*Ch. Grangé*. Le Miserere (Электронный ресурс)].

103) *Вера с ее талантом терпения –* ***вторая мать*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 45].

В примере (101) на базе словосочетания *a second life* формируются интерпретирующие смыслы ‘скрытный’, ‘тайный’. В примере (102) когнитивный механизм сравнения позволяет осуществить процесс оценочной метафоризации, увязав функциональные признаки, присущие предмету одежды (‘теплый’, ‘уютный’, ‘комфортный’), с признаками часто посещаемого человеком здания собора. В примере (103) на основе словосочетания *вторая мать* формируется вывод в отношении человека, обладающего всеми характерными качествами матери.

Третий, относительно *первого* и *второго* мыслится в связи с представлениями о худшем качестве. Так, например, выражения *to travel third-class*, *voyager en troisième classe*, *путешествовать третьим классом* ассоциируются с минимальным уровнем комфорта и дешевизной путешествия. Связанные с этими признаками смыслы имплицированы и в именовании одушевленных объектов:

104) *They are treated as* ***third-class citizens*** [OALD 2000: 1351].

105) *Les récits qu’on rencontre habituellement sont le fait de voyageurs de premières, éventuellement des ecclesiatique en secondes,* ***mais les passagers de troisièmes,*** *émigrants pauvres ou soldats du rang, ont rarement laissé de traces écrites de leur séjour à bord* [http://www.messageries-maritimes.org.marriette2.htm].

106) *Я помещался на нижней палубе, между кормой и машиной, на люке трюма, где было свалено много багажа; в гнездах этого багажа ютились* ***третьеклассные пассажиры****, мест не хватало на всех* [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 28].

В отношении неодушевленных объектов числительные, соответствующие русскому *третий*, имеют значения «подержанный», «устаревший», «в плохом состоянии», «несовременный»:

107) *Being* ***a third-hand Honda****, it’s no palace to begin with* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 11].

108) *Acheter un* ***voiture*** *d'occasion implique que vous n'en serez pas le premier propriétaire du véhicule. On parlera alors de «deuxième main» si vous en êtes le deuxième propriétaire, de* ***«troisième main»*** *si vous en êtes le troisième et ainsi de suite* [https://voitures.com].

109) *Devant ce tableau figé, il lui revenait d'autres informations sur Nice, plus conformes à ce qu'il voyait: une ville dévouée à l'industrie du* ***troisième âge****, bardée de caméras et de milices privées* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 327].

110) *Доставался дешевый хлам, пропущенный через* ***третьи руки*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 141].

Нередко словосочетанием с компонентом-числительным, соответствующим русскому *страны третьего мира*, называют развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки, с недостаточно высоким уровнем экономики и низким уровнем жизни, подразумевая градацию в пределах числового ряда от *первого* 'лучшего' до *третьего* – 'худшего'. Например:

111) *If drugs become embedded in a nation's culture, it quickly* ***becomes a third-world country*** [*S. Faulks*. Devil May Care 2008: 45].

112) *L'erreur de l'Afrique et du* ***Tiers Monde*** *en général est de croire qu'il peuvent se «développer» pleinement sans les racines symboliques que représentent leur patriemoine culturel* [https://www.persee.fr].

113) *Наши – в среднем ничтожные и позорные – зарплаты характерны именно для* ***стран третьего мира*** [*М. Веллер*. Великий последний шанс (сборник)].

Дальнейшее движение в рамках числового ряда справа налево подразумевает дальнейшую градацию качества в направлении осмысления его ухудшения, т.е. 'плохой' → 'хуже' → 'еще хуже'→ '…':

114) Разведенная женщина – ***товар десятого сорта*** [*Д. Донцова*. Живая вода мертвой царевны 2012: 43].

Таким образом, воображаемое движение слева направо и справа налево в рамках числового ряда как образной схемы, отражает общие принципы функционирования числовых отношений и числовую иерархию. Эти прин-

ципы являются основанием механизма шкалирования и последующего процесса инферирования качественных смыслов.

3.3. Конвенциональные шкалы как коллективные схемы знания и интерпретационные модели качества

Математический числовой ряд как идеализированная модель лежит в основании конвенциональных интерпретационных шкал, представляющих собой средство осмысления и измерения качества. Примером могут служить конвенциональные шкалы, принятые в сфере медицины, образования, туризма, гостиничного и ресторанного дела, в промышленности, строительстве, машиностроении, метеорологии, в сфере мониторинга состояния природной среды и т.д. Перечисленные сферы характеризуются наличием широкого перечня конвенциональных шкал, числовые показатели нормы качества на которых выступают в роли когнитивной доминанты, т.е. опорной точки относительно которой формируется мнение о качества и его отклонении.

Фиксированные конвенциональные числовые показатели призваны задавать определенные специфические для той или иной области стандарты качества, маркируя тем самым свойства тех или иных объектов реальности, состояние той или иной области знания. Важно подчеркнуть, что оценка качества при этом подчиняется разной аксиологии, сопутствующей числовому ряду, и зависит от принятых в той или иной сфере норм и конвенций.

В качестве значимых схем шкалирования могут быть отмечены конвенциональные шкалы, а также методы исследований, базирующиеся на этих шкалах, принятые в той или иной области знания: Шкалы Цельсия и Фаренгейта (в основе которых лежит температура замерзания и кипения воды), Шкала Апгар (шкала оценки состояния новорожденного), Шкала Глазго (шкала тяжести комы), Шкала Мооса (минералогическая шкала твердости), Шкала Роквелла (шкала твердости металла), Шкала Меркалли и Рихтера (шкала интенсивности землетрясений). К конвенциональным шкалам можно также отнести процентные шкалы, шкалы роста, веса, а также «размерные»

шкалы, релевантные для того или иного лингвокультурного сообщества и др. Общий принцип, обусловливающий применение различного рода шкал для оценки качества в различных сферах деятельности, связан с необходимостью «подвести под общий знаменатель» множество индивидуальных мнений о свойствах и состояниях, как объектов и явлений действительности, так и самого человека. Следовательно, конвенциональные шкалы выступают в качестве научно обоснованных коллективных схем знания, а их применение для оценки качества отражает объективные количественно-качественные соотношения. Рассмотрим некоторые из них.

Тесная связь человека с окружающим миром обусловливает жизненную необходимость постоянного мониторинга за состоянием природной среды. Конвенциональные градусные шкалы являются одним из значимых средств ее оценивания:

115) '*... If I remember correctly, on Boston's own city website it said that the minimum January daytime temperature is* ***fifteen degrees***.' – 'Yes, ***Fahrenheit****, Serena.* [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 94].

116) *Sur le panneau lumineux de Times Square, il lut:* ***102 degrés Fahrenheit*** *... les* ***40 degrés Celsius*** [*J.-P. Richard. La Fille tombée d'un rêve* 2008: 12].

117) *Хотя несколько раз его застигала пурга, и приходилось ночевать при температуре* ***минус 30 градусов*** *на улице* [*С. Сахнов. Есть ли жизнь после 60-ти или вокруг света на велосипеде* (Электронный ресурс)].

Формирование вывода относительно состояния атмосферы в примерах (115), (116) и (117) осуществляется на базе температурных шкал Цельсия и Фаренгейта. Дальнейшее осмысление атмосферных характеристик осуществляется относительно комфортной для человека температуры и возможной интерпретации в качественных терминах 'холодно' (115), (116) и 'жарко' (117).

В сфере метеорологии конвенциональные шкалы связаны с показателями выпавших осадков и высотой снежного покрова. Так, один миллиметр выпавшего снега приравнивается к 1–1,5 сантиметрам высоты снежного по-

крова в зависимости от структуры снега. Превышающими норму являются количественные показатели выпавшего снега свыше 7 миллиметров за 12 часов. Приведем примеры:

118) *It was the end of January … Agatha prayed it would not snow. It seemed as if* ***two centimeters of snow*** *were enough to close down the roads, because the council complained they had run out of salt* [*M.C. Beaton*. Agatha Raisin: As the Pig Turns (Электронный ресурс)].

119) *Ployant sous* ***soixante centimètres de neige****, New York était coupée du monde* [*G.Musso*. L'appel de l'ange 2012: 557].

120) *Гвардейцам не повезло: ночью выпало* ***десять сантиметров снега****, который поутру не спешил таять* [*С. Плотников*. Рубежник (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах количество выпавшего снега оценивается скорее, как превышающее норму в примерах (118) и (119), и не превышающее норму в примере (120). Это ведет к дальнейшему осмыслению времени года как 'снежная зима', 'аномально снежная зима' в примерах (118) и (119).

Метеорологическая шкала видимости является средством оценки интенсивности осадков. Если видимость в условиях снегопада не превышает 500 метров, снегопад считается сильным:

121) ***On n'y voyait pas à dix mètres*** [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 549].

122) «*Еще ночью, когда гвардейцы выдвигались на исходные рубежи, повалил снег, а к утру снегопад усилился настолько, что* ***в 50 метрах ничего не было видно****»* [*А. Исаев, М. Коломиец*. Последние контрудары Гитлера (Электронный ресурс)].

Научное медицинское знание, связанное с оценкой физиологических характеристик человека, также форматируется конвенциональными количественными маркерами и шкалами, которые едины для большинства культур. Так, шкала роста призвана оценивать рост человека как неотъемлемую конституентную характеристику здорового человека:

123) *Wim had been* ***six feet three*** *by the time he reached fifteen* [*D. Steel*. Dating game 2004: 18].

124) *Ed Kemper,* ***deux mètres,*** *cent quarante kilos, cannibale, nécrophile...* [*J.-Ch. Grangé*. *La Ligne Noire* 2004: 48].

125) ***Росту в парне под два метра****, а фигура напоминала перевернутый треугольник: широкие плечи, накачанные руки и узкие бедра* [*Д.А. Донцова.* Лампа разыскивает Алладина (Электронный ресурс)].

Одной из универсальных шкал является также Шкала Апгар, при помощи которой оцениваются характеристики новорожденного в первые минуты его жизни:

126) *'Oh, isn't he sweet? Cooed Sarah de Lisie, then snapped, '***How did he do in his APGAR?'***

I don't know what the big deal is about tests for two – ***this APGAR*** *is a test they have to do at two minutes. Magda embarrassed herself two years ago by boasting at a dinner party* ***that Harry got ten*** *in his, at which one of the other guests, who happens to be a nurse, pointed out that the Apgar test only goes up to nine* [*J. Fielding*. Bridget Jones Diary (Электронный ресурс)].

127) *Le bébé ne respirait pas spontanément à la naissance, et* ***son score Apgar n'était que de 1*** *(l'Apgar accorde 2 points pour chacun des cinq indices important d'un ajustement normal à la naissance – rythme cardiaque, effort respiratoire, tonicité musculaire, réactivité, réflexe et coloration de la peau ; le score parfait est donc de 10)* [*M.E. Avery, G. Litwack. Née trop tôt* (Электронный ресурс)]

128) *Еще одни роды. Все нормально. Мама улыбается. Папа фотографирует, как я осматриваю ребенка. Оставляю их одних и иду писать историю. На тебе* ***9/9 по Апгар****, получай. Ты меня порадовал, парень* [*П. Дудченко. Жизнь и клинические случаи* (Электронный ресурс)].

В примерах (126), (128) на базе показателей (10, 9/9) формируется смысл 'здоровый', тогда как в примере (127) показатель 1 свидетельствует о тяже-

лом состоянии новорожденного, что обусловлено диапазоном шкалы Апгар – от 1 до 10 баллов.

Оценка состояния взрослого человека обычно включает такие базовые показатели, как температура тела, частота пульса, частота дыхания, артериальное давление и пр. Приведем примеры:

129) *I myself have been in the sickbay for 24 hours with* ***a temperature of 39 degrees*** [*D. Mitchell*. Number 9 Dream (Электронный ресурс)].

130) – *Vous ferez moins la fiérote demain avec* ***40 de fièvre***… [*G. Musso*. L'appel De L'Ange 2012: 382].

131) *Младшей дочери сделали прививку, от которой поднялась* ***температура до сорока двух*** [*В. Токарева*. *Дерево на крыше* 2010: 233].

В приведенных примерах вывод о состоянии человека – 'нездоровый', 'больной' формируется в связи с отклонением от нормы. Это объясняется тем фактом, что с точки зрения медицины нормальная жизнедеятельность человека возможна в диапазоне всего в несколько градусов. Понижение температуры тела значительно ниже 36º и повышение выше 40 может иметь тяжелые последствия для организма [https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/182262/нормальная].

Количественные показатели артериального давления, измеряемые в миллиметрах ртутного столба при помощи специального измерительного прибора, также характеризуют состояние человека. Оптимальным (нормальным) показателем считается давление 120/80 мм рт. ст. [https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic/9135]:

132) *He had severe upper abdominal pain and was in shock.* ***Blood pressure was seventy over forty*** [*A. Hailey*. The Final Diagnosis (Электронный ресурс)].

133) *Pourtant vous faîtes une belle crise, votre coeur bat à plus de cent vingt pulsations par minute et* ***votre tension est à dix-huit*** *ce qui est beaucoup trop élevé pour un homme de votre âge* [*M. Levy*. Vous Revoir 2005: 87].

134) *Загребский принял монолог жены за естественный в сложившейся ситуации истерический припадок, он постарался успокоить супругу, поме-*

рил ей давление, увидел цифры ***120 и 80…*** [*Д.А. Донцова*. Сафари на черепашку (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры иллюстрируют различия в принятых единицах измерения артериального давления, обусловленные культурными конвенциями: в отличие от традиционных для большинства культур миллиметров (мм рт. ст.), во Франции давление принято измерять в сантиметрах ртутного столба (см рт. ст.), что, вероятно, обусловлено объективной сложностью системы числительных во французском языке. Учет этого факта позволяет осмыслить количественные показатели в примерах (132) и (133), как отклоняющиеся от нормы, указывающие на болезненное состояние, или состояние повышенной эмоциональности.

Шкала комы Глазго (ШКГ, Глазго-шкала тяжести комы The Glasgow Coma Scale, GCS) как средство оценки тяжелых состояний (например, состояния комы) и степени нарушения функционирования сознания также указывает на количественно-качественные соотношения. Шкала состоит из трех тестов, оценивающих реакцию открывания глаз (E), а также речевые (V) и двигательные (M) реакции. Минимальное количество баллов – 3 (соответствует состоянию глубокой комы), максимальное – 15 (соответствует состоянию ясного сознания) [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/2435]:

135) *He was able to respond to his name and to a command to clench his fist* – ***Perowne put his Glasgow Coma Score at thirteen*** [*I. McEwan*. Saturday 2006: 230].

136) *Je lui parlais, mais n'obtenais aucune réponse compréhensible. Elle réagissait de manière orientée à la douleur, mais j'avais beau la stimuler, elle n'ouvrait pas les yeux.* ***Score de Glasgow : 8 ou 9****, ce qui signait une altération de la conscience déjà importante* [*G. Musso*. L'instant Présent (Электронный ресурс)].

137) *Уровень сознания при поступлении в стационар по* ***шкале комы Глазго*** *(ШКГ) составлял* ***9-10 баллов*** *(в среднем 9,8 балла)* [*Беляев* 2014: 36].

На базе количественных показателей в примерах (110), (111), (112) формируется инферентный вывод в отношении ненормального, или бессознательного состояния, поскольку за точку отсчета (норму) на шкале принимается состояние ясного сознания.

Количественные показатели также детерминируют качество функционирования отдельных частей тела и органов человека. Определение остроты зрения человека ориентировано на соотнесение с конвенциональными, определяемыми офтальмологией как норма, показателями – таблица Сивцева, таблица Головина, острота зрения 1,0, условно соответствующая 100%. Например:

138) *The researchers found that the mean intelligence test score for men who were not nearsighted was 41.41 and, on average, they had completed 10.46 years of schooling. Men who needed corrective lenses of* ***up to 2.0 diopters*** *had a mean test score of 46.82 and had finished 11.28 years of schooling. In the most nearsighted group studied, men who needed lenses of 6.25* ***to 7.75 diopters****, the mean test score was 47.09, the average years in school 11.43* [https://www.nytimes.com].

139) *Au premier contact avec le jovial Slovaque, on pourrait croire à un personnage de dessin animé voire à une curieuse facétie. Et pour cause : d'impressionants* ***verres-facettes de – 108 dioptries*** *qui tramsforment les yeux de Jan Miskovic en minuscules points noirs intriguants* [www.pointsdevue].

140) *– Спасибо. Я постараюсь, но, к сожалению, у Васи мать злющая, старая, очки* ***минус десять*** [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 148].

На базе осмысления конвенциональной единицы измерения оптической силы линз (Диоптрия) формируются инферентные смыслы 'слабый' и 'очень слабый' в отношении функционирования органа зрения человека.

В сфере образования и науки качественные характеристики на любом из уровней имеют количественный формат, идет ли речь о релевантных для той или иной национальной образовательной системы способах оценивания те-

кущей успеваемости обучающихся, а также результатов их итоговой аттестации, или же о международных рейтингах университетов и количественных показателях эффективности самих работников научно-образовательной сферы. Так, широко распространенным средством оценки качества ВУЗов сегодня являются рейтинги, в которых, в зависимости от занимаемого ВУЗом места, инферируются смыслы, связанные с качеством предоставляемых образовательных услуг, уровнем научно-инновационного потенциала и т.п.:

141) *Программа "5-100" предполагает, что к 2020 году пять российских вузов должны войти в* ***топ-100 лучших университетов мира*** *по версии одного из мировых рейтингов – Times Higher Education (THE) Quacquarelli Symonds (QS) The Academic Ranking of World Universities (ARWU)* [https://www.google.ru/amp/s/tass.ru/obschestvo/6319913/amp].

Приведенный пример иллюстрирует, что лежащий в основе рейтинга вертикально ориентированный числовой ряд, возглавляемый первым (при движении справа налево), и образная схема ВЕРХ – НИЗ, сопряженная с оценкой ХОРОШО – ПЛОХО, обусловливают формирование соответствующих смыслов, связанных с 'высоким / хорошим качеством предоставляемых образовательных услуг' или 'низким /плохим качеством предоставляемых образовательных услуг'.

За счет действия когнитивного механизма воображаемого движения в рамках числового ряда реализуется оценка эффективности работников научно-образовательной сферы:

142) *He is among the very few engineering scientists within the prestigious ISI highly cited category with over 4,200 ISI citations covering a wide spectrum of disciplines and journals and an* ***h-index of 33*** https://books.google.ru/books?id=494NoDdg4DAC&pg

В примере (142) на базе показателя «Индекс Хирша» (h-index), равного 33, формируются интерпретирующие характеристики, связанные с высоким интеллектуальным потенциалом представителя научной среды.

Подобным образом конвенциональные шкалы, формируемые на базе представлений о математическом числовом ряде, применяются для оценивания результатов текущей успеваемости и итоговой аттестации в рамках образовательных систем разных стран. Если во Франции итоговый экзамен (BAC, Baccalauréat) оценивается в пределах двадцати единиц числового ряда, то в России, как известно, – в пределах ста. Таким образом, качество усвоения образовательного материала определяется в рамках условно выстраиваемых числовых рядов от 0 до 20 или от 0 до 100. Сравним:

143) *Pour ceux qui ont obtenu entre* ***8 et 10 de moyenne au baccalauréat****, se profile l'ombre du rattrapage. Les candidats devront choisir avec soin les matières à rattraper dès l'annonce des résultats, le 6 juillet.* [https://www.nouvelobs.com/education/diplomes/20180703.OBS9110/bac-2018-tous-les-resultats-academie-par-academie.html].

144) *Более половины студентов (58.7%) получили хорошие оценки за ЕГЭ по русскому языку, набрав от* ***61 до 80 баллов*** [Прахов 2012: 93].

Система оценивания текущей успеваемости в России как схема, ограниченная показателями от одного до пяти, является основанием для интерпретации индивидуальных достижений обучающихся:

145) *По истории, закону божию и географии у меня были отметки* ***5, 5-, 5+****, но по предметам, требующим не памяти и воображения, а логики и сообразительности, –* ***двойки и единицы****: математика, немецкий и французский языки пали жертвами моего увлечения чтением похождений капитана Гаттераса и Благородного Сердца* [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 6].

В примере (145) на базе конвенциональной шкалы оценки успеваемости в пределах от 1 до 5 формируются инферентные смыслы, связанные со специфическими способностями ребенка в той или иной сфере знания, а также степенью его заинтересованности в изучении того или иного предмета.

В некоторых университетах США, например, в одном из самых авторитетных, стэндфордском университете система оценивания выстраивается в пределах 4-х бальной шкалы:

146) *The birth father is twenty-two, just graduated from Stanford, working in New York.* ***Four point on GPA*** *all through college* [*D. Steel*. Dating Game 2004: 408].

В примере (146) на базе количественного показателя *four* формируются качественные смыслы ‘умный’, ‘образованный’ за счет актуализации фоновых культурных знаний о том, что ***GPA*** (Grade Point Average) является средним баллом аттестата или диплома (оценки A, B, C, D, F приравниваются к баллам 4.0, 3.0, 2.0, 1.0, 0.0 соответственно).

Конвенциональные рейтинги и шкалы присутствуют и в сфере финансово-экономической деятельности человека. Например:

147) ***Pete Flint was number 228 on the Forbes list*** *of the 400 richest Americans.* ***Carl was 310****, and each man knew exactly where the other fit on the roster* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 42].

148) *L’homme le plus riche à Taiwan est Tsai Hong-tu, président du groupe Cathay Financial Holding, dont la fortune est estimée par* ***Forbes à*** *7,7 milliards de dollars américains.* ***Il se classe à la 120 e position*** [https://taiwaninfo.nat.gov.tw/news.php?unit=53,78,84,90,182,84&post=47913].

149) *Журнал «Форбс» опубликовал ежегодный рейтинг российских миллиардеров. На 13-е место рейтинга с состоянием 10,3 млрд долл. Вскарабкался Сергей Галицкий, совладелец и гендиректор сети «Магнит»* [https://books.google.ru/books?id=fyVRBwAAQBAJ&pg].

В приведенных примерах (147), (148), (149) на основе осмысления занимаемого человеком места в рейтинге, отражающим уровень его дохода, формируются инферентные характеристики ‘состоятельный’, ‘богатый’, ‘успешный’, ‘работоспособный’ и т.д.

На основе количественных показателей смысл ‘успешный’ может одновременно формироваться и в отношении компании, и в отношении человека, являющегося частью этой компании:

150) ***She*** *was quick and sharp and ambitious, and* ***was… the first of her family to go to university.*** *… You couldn’t fault Mum for giving Stacey confidence, the*

confidence that had ended in ***her becoming a senior partner in a FTSE top-250-listed private equity company, well before she was fifty*** [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 8].

В примере (150) на основе языковых единиц, репрезентирующих различные количественные характеристики (*the first of her family, top-250-listed private equity, before she was fifty*) последовательно формируется мнение об образованной, компетентной личности, достигшей высокого положения в успешной компании, входящей в ТОП-250 по данным Financial Times Stock Exchange Index.

Конвенциональные шкалы как средство оценки качества действуют и в сфере туризма и гостиничного дела. «Звёздная» система классификации реферирует к качеству предоставляемых услуг:

151) *Imagine checking into* ***a five-star hotel*** *in the Mediterranean – and being waited on hand and foot your favourite celebrity* [www.telegraph.co.uk].

152) *Il lui restait encore dix minute à peine de journal télévisé avant de retrouver son émission favorite sur une chaîne évangélique que par miracle il pouvait capter dans* ***cet hôtel trois étoiles*** *de la banlieue grenobloise* [*H. Mosquit*. L'odeur du foin coupé 2016: 117].

153) *Жила в* ***трёхзвездочном отеле****, он стоял на левом берегу аквапарка, а на правом была более дорогая гостиница, но тоже не фонтан* [*Д.А. Донцова*. Третий глаз-алмаз (Электронный ресурс)].

В сфере ресторанного бизнеса качество получает количественную интерпретацию на базе рейтинга, разработанного компанией «Мишлен», цель которого оценить качество кухни в пределах границ от одной до трех. Количество присвоенных ресторану звезд, подразумевает, что атмосфера, обслуживание, интерьер и ценовая ниша ресторана являются вторичными по отношению к качеству подаваемых в ресторане блюд. Например:

154) *Renaldo's was one of the country's premier spots* ***with a Michelin star*** *to its name and a twenty-year reputation for fabulous food and wonderful service* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 46].

155) *Contre toute attente, il parvient à conserver le rang de l'établissement, devenant, à vingt-cinq ans, le plus jeune chef français à la tête* ***d'un trois-étoiles au Guide Michelin*** [*G. Musso*. L'Appel de l'Ange 2012: 96].

156) *Заглядывая в окна* ***ресторанов со звездами Мишлен****, подруги мечтали побывать там в числе влюблённых парочек* [*О. Ламперти*. Падаю в небо (Электронный ресурс)].

Конвенциональные шкалы присутствуют и в пищевой промышленности. Так, в спиртовой промышленности представление о норме признака обусловлено знанием о проценте содержания спирта в спиртосодержащих напитках. Определенное количество градусов предполагает соответствие определенной норме, эталонному количеству, которое и определяет качество алкогольной продукции. Например:

157) ***Wines must*** *achieve the following minimum alcoholic strengths:* ***11.5 degrees of alcohol*** *for reds;* ***10.5 degrees*** *for whites and rosados* [*J. Radford*. *The Wines of Rioja* (Электронный ресурс)].

158) ***Le vin****, ou plutot le mélange de vins destiné à faire du mousseux,* ***doit contenir 11 à 12 pour cent d'alcool*** [*Le moniteur scientifique de Quesneville journal des sciences*... (Электронный ресурс)].

159) *– Бог с вами, голубчик, – отозвался хозяин. – Это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку. – Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная.* ***Тридцать градусов****. –* ***А водка должна быть в сорок градусов, а не в тридцать,*** *это, во-первых, – во-вторых, – бог их знает, чего они туда плеснули* [*М.А. Булгаков*. Собачье Сердце 2011: 34].

Конвенциональные процентные шкалы, отражающие долю признака по отношению к целому, служат средством оценки признака при производстве товаров народного потребления, химическом промышленности. За единицу измерения доли вещества по отношению к целому принимается процент (сотая доля числа) как показатель его градации. Приведем примеры:

160) *If you are looking for* ***100 percent leather furniture*** *– as in the real deal, Leather Expressions can help* [https://leatherexpressions.com/100-percent-leather-furniture/].

161) *J'ai reçu ce matin, première heure, les analyses toxico. ... – Personne ne peut encaisser une telle dose. Je te parle d'une* ***héroïne*** *presque pure. – Disons à* ***80%*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 57].

162) *В ассортиментной линейке «СТАТУС» представлен костюм «Специалист» и полукомбинезон «Специалист»* ***из 100% хлопка*** [https://www.specodegda.ru/about/infoclients/100-khlopok/].

В примерах (160) и (162) количественный показатель *100 %* позволяет сделать вывод о качестве материала и интерпретации присущих ему качественных характеристик, связанных с его натуральностью: 'прочный', 'долговечный', 'красивый' (160), 'дышащий', 'легкий', 'прочный' (162). В примере (161) показатель *80%* свидетельствует о недостаточной чистоте вещества, наличии примесей.

Подводя итог, отметим, что математический числовой ряд как когнитивная образная схема является универсальным средством оценочной деятельности сознания. Конвенциональные шкалы как интерпретационные модели качества отмечены широкой вариативностью ввиду множества областей интерпретации. Числовые показатели нормы на шкале являются ориентирами, относительно которых осуществляется шкалирование и дальнейший вывод в отношении качества и его репрезентации в языке.

3.4. Индивидуальные шкалы как интерпретационные модели качества

Конвенциональные шкалы, представляющие собой коллективные схемы знания, являются основой для построения индивидуальных интерпретационных шкал как способа интерпретации ощущений человека и в отношении разнообразных аспектов действительности, и в отношении собственного состояния.

Широкий репертуар индивидуальных интерпретационных шкал обусловлен многообразием ситуативно-релевантных для субъекта познания представлений о достаточности или недостаточности, соответствии или несоответствии определенному условному стандарту, наличии или отсутствии и т.д. Эти шкалы представляют собой зону творческого осмысления количественно-качественных свойств феноменов действительности, связанную с жизненным опытом человека, догадками, индивидуальными сиюминутными ощущениями и, даже, идеями фантазийного характера. Так, например, числовой ряд как образная схема может использоваться в качестве средства оценки присущего индивиду сиюминутного состояния (163), градации индивидуальных желаний (164), а также индивидуальных предпочтений в еде (165):

163) *Eyes closed, getting her breath back, she realizes how worried she is really:* ***on a scale of one to ten, it's at least an eight*** [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 146].

164) *'Would you like to go to a movie?' instead of shrugging my shoulders and saying, 'Makes no difference,' I respond by saying,* ***'I'm five*** *on attending a movie. Actually* ***I'm eight*** *on seeing the picture, but* ***I'm three*** *on spending the money right now* [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 21].

165) *"Okay, liver is a big* ***ten*** *with me."*

"I hate liver. To me liver is a minus two and you know it. How about meat loaf?"

"Meat loaf with meat is ***a six,*** *without meat but with a lot of bread,* ***a two.*** *However, if you feel nineish about it, I'll send one of the kids to the Golden Arches, which is emerging as* ***a big ten.****"* [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 21-22].

Конвенциональная шкала, заимствованная из области метеорологии может также стать основанием индивидуальной оценки:

166) *Elle forcait à chercher les mots précis pour calmer l'ouragan qui montait en elle. Alerte ! Alerte!* ***Tempête force sept****! susurait une petite voix* [*K.Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 50].

В примере (166) на базе числового показателя, равного 7 баллам по шкале Бофорта, формируется мнение о взволнованном и возбужденном состоянии человека. Данная шкала используется в международной синоптической практике, а также в морской навигации и подразумевает визуальную оценку силы (скорости) ветра в баллах (от 0 до12) по его воздействию на наземные предметы или по волнению на море [https://meteoinfo.ru/bofort].

На базе индивидуальной шкалы ощущений индивида может формироваться мнение о температурном состоянии атмосферы, поскольку, за организмом признается способность быть своего рода «измерительным прибором» и при помощи собственных органов чувств оценивать количество проявления какого-либо признака. Например:

167) *There's* ***a degree or two of frost*** *and the air is clear!* [*I. McEwan*. *Saturday* 2006: 4].

168) *La température* ***ne devait pas dépasser zéro*** [*J.-Ch. Grangé.* Le passager 2011: 197].

169) *Стоял* ***мороз, градусов 4-5,*** *без снега, при ярком солнце* [*А.С. Грин*. *Избранное* 1987: 62].

Приведенные примеры иллюстрируют тот факт, что, поскольку качество непосредственно дано нам в ощущениях, то конструируемое на базе информации, поступающей посредством собственных органов чувств, состояние атмосферы, «конвертируется» в количественные показатели, имеющие непосредственное отношение к конвенциональным температурным шкалам.

Параметрические характеристики человека также могут оцениваться с позиций индивидуальных внутренних шкал:

170) *Чалый, 22-ух летний колобкообразный* ***«метр с кепкой»*** *... выкатился на своих коротких ножках из своей «ауди»* [*В. Капитонов.* Бумеранг (Электронный ресурс)].

Шкала роста может лежать в основе процесса оценочной метафоризации внутренних моральных характеристик:

171) *She looked tiny next to him, but he knew her well enough now to know that* ***her spirit was ten feet tall*** [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 384].

В примере (171) в количественных показателях *ten feet tall* имплицируются такие присущие человеку качества, как сила духа, высокая нравственность и т.п.

В обыденном русскоязычном сознании пятибалльная шкала как неотъемлемая часть системы российского образования становится моделью интерпретации внешнего вида человека:

172) *Посмотри, ты хоть на человека стала похожа, еще чуть-чуть подмажем – и полный порядок, будешь* ***выглядеть, как и раньше, на пять баллов*** [*Ю. Шилова*. Порочная красота, или сорви с меня мою маску (Электронный ресурс)].

Индивидуальная интерпретация качеств, присущих человеку может базироваться и на других конвенциональных показателях:

173) *Il dit toujours qu'il a le Coeur qui bat à 120 et le cerveau à 8,6. Anais saisit la double allusion.* ***120 BPM****, c'est le tempo de la techno. 8,6 une réference à* ***la bière Bavaria et ses 8,6 º*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 135].

В примере (173) наблюдения за образом жизни человека, представляющего собой страстного любителя музыки в стиле «техно» и пива, становятся основанием для описания его личности в количественных терминах *120* (120 уд/мин темп, характерный для стиля «техно») и *8,6 º* (показатель содержания этилового спирта, т.е. крепости пива).

В «процентных» терминах метафорически оцениваются присущие человеку внутренние и внешние качества:

174) *"So you do want to see me looking like a girl,' she teased. "Not a girl…* ***One hundred percent woman****"* [*K. Mathews*. Worth the Trade 2014: 91].

175) *Philippe Duruy présentait un curieux syncrétisme.* ***50% punk 50% gothique***. ***100% teufeur*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 123].

176) *Тоня, в прошлом несостоявшаяся модель, внешне и по поведению* ***стопроцентная блондинка****, хотя и крашенная, прибежала на истерический крик дорогого муженька* [*З. Кураре*. Человек точка (Электронный ресурс)].

В примере (174) оценка в терминах *100%* имплицирует полноту признаков, типичных для женщины. В примере (176) оценка обусловлена стереотипными представлениями о типичной внешности и типичном поведении блондинки. В примере (175) количественные показатели способствуют конструированию образа полноценного представителя субкультурных движений (готов и панков).

Подобного рода оценка возможна и в отношении объектов:

177) *Детишки бегают и крутят велосипеды, клерки на скамейках читают газеты или разминают ноги ходьбой, пока у них перерыв, сонно ползают пенсионеры и опасливо смотрят индусы.* ***Стопроцентный Лондон****, одним словом* [*М. Веллер*. Легенды Арбата 2011: 17].

Процентные показатели оказываются точным способом измерения различных ментальных процессов, эмоциональных состояний человека:

178) *Mike shook our hands and gave us a huge smile. The one he extended to Alexa was all welcoming, but mine wasn't* ***100 per cent proof****, I thought* [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 91].

179) *On ne peut jamais être* ***catégorique à 100%*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 72].

180) *– Они все очень похожи друг на друга, – заявил банкир. – Тот, кто приходил недавно заказывать деньги, стоит пятым. Но я не могу* ***стопроцентно утверждать*** *…* [*Д.А. Донцова*. Аполлон на миллион 2015: 209].

В представленных примерах количество процентов позволят оценить степень (не)доброжелательности по отношению к человеку (178), степень (не)уверенности (179) и (180). П. Хиггинс отмечает, что точные и особенно точные большие числа всегда соотносимы с идеей невозможности счета и бесконечности процесса счисления, что оказывает существенный эффект на сознание слушающего: «Как часто, мы слышим, например, от эксперта, что

он на 90% уверен в своей правоте, не на 92% или 88%, а именно на 90%. Дело в том, что числа теряют их реальное значение, если отсутствует возможность их точного счета. Однако довольно часто мы ощущаем необходимость прибегнуть к использованию чисел и, даже, в случае их отсутствия, мы их искусственно создаем, для того чтобы звучать более авторитетно (to sound more authoritative). В отсутствие реальной информации любое утверждение кажется более точным, если в нем содержится число, что и позволяет нам выглядеть более убедительными и информированными, несмотря на присутствующее в нас чувство неопределенности и неуверенности» [Higgins 2008: 4].

Таким образом, числовой ряд как образная схема и коллективная схема знаний лежит в основе идеи измерения количественно-качественных соотношений. Истинность математических законов оперирования числами являются основанием для вывода, определенного умозаключения в отношении качества. Анализ фактического материала указывает на широкое использование механизма шкалирования как средства оценки, а также на богатый спектр индивидуальных шкал, служащих средством интерпретации разнообразных количественно-качественных характеристик. Представляется, что число шкал как интерпретационных моделей качества может быть ограничено лишь объемом индивидуальных знаний языковой личности.

Проведенный концептуально-инференционный анализ репрезентантов числового вектора позволил осуществить реконструкцию инферируемых количественно-качественных смыслов. Систематизируем их в виде таблицы (см. Таблица 1).

Таблица 1.

Числовой вектор. Инферируемые количественно-качественные смыслы

Количественная интерпретанта		**Концептуально-тематическая область**	**Конкретный участок концептуально-тематической области**	**Инферируемая качественная характеристика**
Интерпретирующий концепт	**Языковая репрезентация**			

МНОГО	*под два метра ростом*	ЧЕЛОВЕК	ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘высокий’, ‘красивый’, ‘сильный’
ЧИСЛО МНОГО	*температура 39° градусов; давление 140 / 90*	ЧЕЛОВЕК	ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	‘нездоровый’, ‘больной’, ‘взволнованный’
ЧИСЛО МНОГО	*получить пять баллов (100 баллов)*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ	‘одаренный’, ‘умный’
ЧИСЛО МАЛО	*иметь тройки по предметам*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ	‘неприлежный’ ‘ленивый’ ‘необразованный’
ЧИСЛО	*первый ученик; первая скрипка; первоклассный специалист*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	‘лучший’, ‘компетентный’,‘главный’
ЧИСЛО	*третий; третьесортный*	ЧЕЛОВЕК	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	‘неблагополучный’, ‘бедный’
ЧИСЛО МНОГО	*температура 40°*	ПРИРОДА	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ	‘жарко’
ЧИСЛО МАЛО	*температура минус 30°*	ПРИРОДА	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ	‘холодно’, ‘морозно’
ЧИСЛО	*стопроцентный хлопок*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	‘натуральный’,‘прочный’
ЧИСЛО	*первосортный (металл)*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ	‘прочный’, ‘надежный’
ЧИСЛО	*третьего сорта*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	‘устаревший’, ‘подержанный’, ‘несовременный’, ‘плохого качества’

4. Предметно-количественный вектор реализации количественной интерпретанты

Предметно-количественный вектор реализации количественной интерпретанты представлен интерпретационной моделью «количество предметов → качество».

Предметно-количественный вектор реализуется посредством различных сочетаний языковых единиц: определенное количество предметов представлено в языке сочетанием существительных с приноминальными числительными, неопределенное количество предметов – грамматической категорией

числа существительного, сочетаниями существительных с конвенциональными квантификаторами, именами существительными, репрезентирующими в языке идею совокупного множества, существительными-метафорическими квантификаторами.

4.1. Категория предметности и ее специфика

Развитие человеческого сознания происходило в тесном взаимодействии с предметным миром, поэтому и первые представления, связанные с идеей количества, начали формироваться в ходе манипуляций с предметами, наполняющими окружающее человека пространство.

Констатация существования предмета в процессе познания, его бытие, заключается в осознании его отличия от любого другого. По словам А.Ф. Лосева, «если предмет не отличается от иного, то нельзя сказать и того, что он есть нечто. Тогда он слит с другим, неразличим от всего иного и другого, и о нем ничего нельзя сказать, как о нем. Но отличаться от иного и не сливаться с другим можно только тогда, когда есть *определенная граница*, очертание, форма. Предмет отличается от иного – это значит, что предмет имеет определенное очертание, и – обратно» [Лосев 2009: 117]. По образному выражению Н.Д. Арутюновой, «для того чтобы познать и поименовать предмет, необходимо перерезать пуповину, соединяющую ее с монолитом природы» [Арутюнова 1999: 15]. Следовательно, «в процессе осмысления универсума реальности человек «познает переход природы от слитного, единого состояния к состоянию обособленности вещей» [Связь и обособленность 1988: 157].

Отдельное существование, отличие одного предмета от другого, а также наглядность обусловливают способность предметов выступать в качестве основной «модели» примитивных счислений (см.: [Руденко 1990: 58]). Предметность как одна из важнейших рубрик категоризации мира лежит в основе формирования отдельного частеречного класса – имени существительного, которое исторически восходит к категории имени, интегрирующей в себе значения предметности, признаковости и количественности. «Следы» коли-

чественности сохранились в грамматической категории числа существительного, для которых она имеет ингерентный характер, а также в делении существительных на исчисляемые и неисчисляемые. Количество грамматических форм числа в составе грамматической категории числа существительных варьируется от языка к языку, как варьируются и способы концептуализации предметов действительности в сознании представителей различных лингвокультурных сообществ, мотивирующие отнесение именующих эти предметы существительных к подклассу исчисляемых или неисчисляемых. Отмеченный факт указывает на внутреннюю предрасположенность имени существительного к интерпретации количественных характеристик. Д.И. Руденко считает, что «если оставить в стороне класс числительных, предназначенность которых для передачи количественных смыслов является тривиальной, именно имя существительное в наибольшей мере, сравнительно с другими основными категориями языка, ориентировано на выражение количественных значений» [Руденко 1990: 4]. Именно в существительном наиболее четко зафиксированы основные сущностные характеристики предмета действительности, что позволяет говорить об имени существительном как о части речи, лингвистически ориентированной на дискретизацию и категоризацию окружающего человека мира.

Категория предметности формируется именами предметов, предметными существительными, которым отводится ключевая роль в категоризации объектов и явлений действительности. При рассмотрении данной категории становится очевидным, что под традиционное понимание «предмета» не подпадает довольно значительное количество имен, а существующие исследования данной категории [Арутюнова 1999; Виноградов 1947; Головин 1983; Рахилина 2008; Савельева 2010] свидетельствуют в пользу содержательной неоднородности ее членов.

Многообразие окружающей действительности обусловливает наличие в составе категории предметности не только собственно имен предметов реальной действительности, но и названий процессов, признаковых имен, имен

абстракций и т.д. В этой связи П. Грайс, например, отмечает, что существительные *стол* и *дом* означают ПРЕДМЕТЫ, тогда как слово *разрушение* именует СОБЫТИЕ, а *миля* – КОЛИЧЕСТВО [Griece 1989: 68]. А.А. Потебня, указывает на фиктивную предметность слова «белизна» [Потебня 1958: 97].

Подобного рода факты объясняют стремление исследователей отдифференцировать собственно предметные имена от имен непредметных. Так, например, Т. Котарбиньский считает, что в действительности существуют только материально самостоятельные, «телесные» предметы и трактует абстрактные существительные как «мнимые» имена, поскольку они не обозначают каких-либо реальных сущностей: «Я наблюдаю не полет метеорита, а летящий метеорит, нас восхищает не танец, а тот, кто его танцует» [Котарбиньский 1963: 97]. Д.И. Руденко предлагает деление имен на «онтологические» и «гносеологические» подчеркивая, что, «объединяя имена предметов и имена свойств в общей грамматической категории предметности, необходимо, разумеется, иметь в виду, что они обозначают предметы разных типов – предметы онтологические в первом случае и предметы, представленные в качестве таковых лишь в познании (в языковой семантике), во втором» [Руденко 1990: 64].

Очевидно, что предметные имена в категории существительных, оправдывая статус фокусных прототипических представителей категории, ее лучших ее образцов, наиболее полно характеризуют категорию предметности. Однако под категорию предметности подпадают и единицы «смешанной категориальной семантики», ее маргинальные периферийные члены, обладающие общностью понятийной основы с категориальными значениями других частей речи: имена действия, имена качества, имена веществ и т.д.

Объяснение неоднородности состава языковой категории предметности лежит в плоскости теории интерпретации, одним из основных постулатов которой является наличие у языка, наряду с когнитивной и коммуникативной, интерпретирующей функции. При этом особо подчеркивается способность языка в целом обрабатывать и структурировать разнородные по своей сущ-

ности знания. В этой связи использование языком предметных имен или скорее «опредмеченных имен» [Кубрякова 1997: 197] для характеристики непредметных сущностей (интерпретация непредметных сущностей в терминах предметных) объясняется общей тенденцией сознания к дискретизации континуума действительности, установлению границ предметов в целях дальнейшей их обработки сознанием (например, распознавание их качественных и количественных свойств).

Способность осмысливать как предмет и другие явления окружающего мира становится следствием формирования в языковом сознании идеи предметности, что и приводит к появлению т.н. «гносеологических», непредметных имен. С учетом изоморфизма сознания и языка отнесение непредметных сущностей к категории предметности является естественным следствием предметного по своему характеру сознания и интерпретирующей природы языка.

Д. Болинджер, обращая внимание на тот факт, что помимо имен предметов или вещей (names of things) к категории существительных относятся и такие имена, как *циклон* и *столкновение*, означающие скорее действие, *гнев*, *вдохновение*, репрезентирующие эмоции, а также *демократия*, именующее абстрактное понятие, подчеркивает возможность языка интерпретировать, например, действие таким же образом, как если бы оно было предметной сущностью: «*циклон* – есть предметное имя только потому, что язык им так оперирует» [Bolinger 1980: 27]. Подобного рода языковые «операции» с именами, не имеющими реальных референтов (напр., англ. *courage*, фр. *amour*, русск. *доброта*), заключаются в фиксации языком их границ и дискретизации, позволяющей соотносить с ними относительно устойчивый набор признаков подобно тому, как это происходит с именами предметов реального мира. А.Ф. Лосев отмечает, что «огромным достижением может считаться тот факт, что не только субстанция, но и все качества, все действия и страдания, всякое состояние могут быть каким-то существительным. Это, несомненно, есть расширение тех логических категорий, которые первоначально

были представлены грамматически только в виде имени» [Лосев 1982: 338]. Таким образом, «существительное вовсе не есть обозначение субстанциональности, но оно есть понимание (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было как субстанции*» [Там же: 357].

Формирование категории предметности (и подведение под категорию предметности непредметных имен) осуществляется на основании действия когнитивных механизмов ограничения, опредмечивания и аналогии. Очевидно, что когнитивный механизм ограничения связан с понятиями ограниченности / неограниченности (ср. термин Л. Талми «state of boundedness»), действие которого заключается в мысленном установлении границ, в том числе и непредметной сущности. Когнитивный механизм опредмечивания («reification»), позволяет оперировать, по сути, любой непредметной сущностью как предметной за счет переосмысления действия как объекта. В языке это находит свое отражение в использовании существительного, которое в сфокусированном и сжатом виде представляет конденсат действия как своего рода объект (см.: [Talmy 2001]). Действие когнитивного механизма аналогии, суть которого в самом широком смысле заключается в уподоблении одного феномена другому, в данном случае способствует включению в категорию предметности имен непредметных сущностей в статусе полноправных членов наряду с именами реальных предметов действительности. Заметим, что когнитивный механизм аналогии (ср. термин Р. Нуньеса «analogical reasoning») лежит в основе процессов категоризации и концептуализации в целом и, по словам Д. Хофстадтера и Э. Сандера, является ключевым механизмов сознания, «топливом и огнем мышления» (the fuel and fire of all thinking) [Hofstadter, Sander 2013].

Таким образом, очевидными становятся ключевая роль понятия предметности для процесса категоризации действительности и значимость категории предметности для формирования количественных представлений.

4.2. «Определенное количество предметов» как интерпретационная модель качества

Интерпретационная модель «определенное количество предметов → качество» репрезентирована в языке формулой «приноминальное числительное + существительное». В большинстве языков числительное, стоящее в препозиции или постпозиции к имени, замыкает цепочку приименных определений (см.: [Greenberg 1990]). Данный феномен, считает С.А. Жаботинская, «вполне объясним, если учитывать роль числительного как знака отдельной целостной пространственной формы множественного предмета. Замыкающую позицию числительного в атрибутивной синтагме можно рассматривать как иконичность синтаксиса, воспроизводящего порядок когнитивных операций при перцептивном восприятии объекта. Числительное есть «контурное» слово. Аналогично тому, как в зрительной перцепции контур ограничивает пространство распространения определенного качества (и распознается прежде всего), числительное – знак пустой формы – ограничивает цепочку примыкающих к имени адъективных слов: *two attractive tall blond ladies* – две симпатичные высокие белокурые девушки» [Жаботинская 2000: 18]. Числительное, таким образом, добавляет она, выполняет функцию «оконтуривания» предмета, поскольку за ним следует существительное, именующее то, что находится в пределах границ [Там же: 19]. П. Грайс также отмечает наличие в языке т.н. «мерных или ограничивающих модификаторов» (measuring or bounding modifiers), к которым относятся сочетания числительных с существительными, различными именами мер, квантификаторы, которые, по его мнению, интерпретируют концептуальную характеристику ОГРАНИЧЕНИЕ [Griece 1989: 74].

Таким образом, языковая формула «числительное + существительное» есть следствие действия когнитивного механизма ограничения. Ограничительные функции числительного имеют глубокие логико-философские основания. Так, Плотин, говоря о природе числа, указывал на тот факт, что оно «не беспредельно – потому, что и чувственное, и умное одинаково является

оформленным и имеющим предел; куда бы число не относилось, оно везде имеет свою определенную смысловую границу» (цит. по [Лосев 1994: 723]).

Важным для осмысления специфики процесса количественной интерпретации качества в рамках модели «количество предметов → качество» является осознание зависимости выводного знания от качества самих предметов, подвергающихся счислению. Поясним данный тезис примерами:

(а) *В комнате было три стула* / (б) *В комнате было три кресла*.

Несмотря на наличие одного и того же количества предметов, инферентное знание в примерах (а) и (б) будет качественно различным. Стул как единица мебели имеет вполне определенную функцию, обусловливающую его фокусный признак – предмет, предназначенный для того, чтобы на нем сидеть. Фокусный признак другой единицы мебели – кресла, в целом характеризуется идентичной стулу функцией, однако включает и дополнительные фоновые признаки, отсутствующие у стула. Эти признаки связаны с повышенным уровнем комфорта кресла (б*о*льшим, по сравнению со стулом, размером, более высоким качеством материала и т.п.), обусловливая его ценностные характеристики. Разница в наборе признаков регулирует процесс развития инферентного вывода в отношении, например, той комнаты, в которой находятся данные предметы мебели. Другими словами, в примере (а) формирование интерпретирующих характеристик ограничено представлениями о нормативном количестве признаков, которое «нейтрализует» источник интерпретирующих характеристик. В примере (б) наличие дополнительных фоновых признаков ставится источником для формирования интерпретирующих смыслов в отношении комнаты (например, ‘богато меблированная’, ‘просторная’, ‘красивая’ и т.п.).

Качество предмета обусловливает специфику процесса в рамках модели «количество предметов → качество» и в случае разного количества одного и того же предмета. Сравним:

(а) *У него одна машина* / (б) *У него две машины*.

В примерах (а) и (б) речь идет об одном и том же с точки зрения качественной определенности предмете. Однако сущность предмета, определяемая его признаками, обусловливает осмысление количества данного предмета в примере (а) как «достаточно» («норма») и «много» («превышение нормы») в примере (б). Это объясняется тем, что базовый фокусный признак автомобиля формируется его функцией – «техническое средство, предназначенное для передвижения». Наличие одного такого средства в примере (а), удовлетворяющего потребность в передвижении, рассматривается как норма, тогда как наличие двух таких средств – как отклонение от нормы, ее превышение и движение в направлении осмысления ‘слишком’ на шкале потребностей в примере (б). Смысл ‘слишком’ и запускает механизм формирования нового выводного знания.

Сущность самой машины как технического средства, представленная моделью «определенное количество предметов → качество», отражает идею фиксации качества количеством, поскольку идея ограниченного количества указывает на ингерентные признаки автомобиля. Наиболее типичный автомобиль, например, имеет 4 колеса, наиболее типичный стул имеет 4 ножки, велосипед или мотоцикл– 2 колеса (3 или 4 колеса соотносимы с особыми целевыми и функциональными характеристиками). Отклонение от этого определенного количества ведет к изменению качества, являясь основанием для новой его интерпретации:

181) ***Four legs*** *of his folding* ***chair*** *were uneven and he rocked slightly as he talked* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 84].

182) *Madeline gara sa Triumph sur un emplacement réservé aux* ***deux-roues****, au début de l’avenue Victor-Hugo* [*G. Musso*. L’appel de l’ange 2012: 235].

183) *Все* ***четыре колеса*** *машины были проткнуты и спущены* [*Н. Никольская*. Двойная петля (Электронный ресурс)].

В представленных примерах качество артефактов, репрезентированное числительными в сочетании с существительными или дериватами числительных, ограничено количественной «рамкой», фиксирующей его норму, и

отражающее природу объекта. Большее количество, превышающее объективно данную норму, рассматривается как отклонение, обусловливающее формирование интерпретирующих характеристик ‘ненужный’, ‘лишний’ и т.п. Заметим, что подобные соотношения нормы и отклонения зачастую становятся источником процесса оценочной метафоризации. Например:

184) *Что вы на меня нападаете? Я вообще* ***пятое колесо*** *в той истории* [*Д. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 259].

Анализ фактического материала показал, что модель «определенное количество предметов → качество» обладает интерпретирующим потенциалом в отношении осмысления различных когнитивных областей. Так, с точки зрения количественных характеристик оцениваются некоторые аспекты внешнего вида человека. Приведем пример:

185) *Sure,” Austin replied with a wide smile, exposing each of his* ***32 teeth*** [*D. Yates*. The Project 2000: 412].

186) *Avant, ses dents étaient petites et jaunes, après l’intervention Kirsten Dunst montre avec fiérté son sourire de* ***32 dents****, ordoné et parfaitement blanc* [www.livepeople.fr].

187) *На пороге, улыбаясь во все свои* ***32 зуба,*** *стоял Алексей* [*Л. Светлая*. *Немного счастья для Лены* (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах наличие у человека количества зубов, соответствующего норме, ведет к формированию смыслов, связанных с эстетическими представлениями об общем состоянии здоровья человека и красоте его улыбки.

С точки зрения количества осмысляется и состояние волосяного покрова головы человека:

188) *‘I didn’t want to be one of those guys who have* ***three*** *long* ***hairs*** *and hairspray them into place: one to the left, one to the right, and one tossed.’* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 121].

189) *Sur la tête à Mathieu, il n’y a qu’****un seul cheveu****! Mais sur nos têtes, en général, il y en a beaucoup plus* [www.future-sciences.com].

190) *Волос мне родители подарили на пять енотов! Тебе повезло, растут* ***три волосинки,*** *их за считанные минуты уложить можно* [*Д. А. Донцова*. Гимназия неблагородных девиц (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах на базе визуально воспринимаемого объема волос и стереотипного представления о нормальном их состоянии и, следовательно, внешнем виде и красоте, формируется рациональная оценка «значительно меньше нормы» и соответствующие интерпретирующие смыслы (‘редкие, жидкие волосы’, ‘лысый’, ‘некрасивый’ и т.п.).

Наличие у человека, определенного количество предметов-артефактов реферирует к уровню материального благосостояния, к качеству его жизни:

191) *One of his hobbies is aviation. He has* ***two private planes*** [*S. Faulks*. Devil May Care 2008: 45].

192) ***Deux châteaux*** *en France, les plus somptueuses demeures à New York, à Londres, un gout impeccable, les plus flatteuses décorations, un passeport britannique...* [*R. Gary*. Une page d’histoire 1962: 48].

193) *И вот уже депутат с лицом начитанного кляузника, багровея, клеймит с трибуны съезда маршала Ахромеева за то, что у полководца на даче* ***два холодильника*** [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 152].

В приведенных примерах представления об уровне благосостояния формируются на базе числительных *two*, *deux* и *два*, указывающих на количество имеющихся в собственности самолетов (191), замков во Франции (192) и холодильников (193). Формирование различного рода инферентных выводов в отношении материального благосостояния их владельцев объясняется различными функциональными и ценностными характеристиками данных объектов. Осмысление материального положения в примере (193) обусловлено фоновыми культурными знаниями о существующем в советский период товарном дефиците. Эти знания являются основанием для интерпретирующих характеристик ‘имеющий высокое социальное положение’, ‘зажиточный’, ‘состоятельный’.

Таким образом, интерпретационная модель «определенное количество предметов →качество» является продуктивной в отношении формирования различных инферентных качеств. Действие когнитивного механизма ограничения фиксирует количественные показатели, на основании которых, в зависимости от качества предметов и формируется инферентный вывод.

4.3. «Неопределенное количество предметов» как интерпретационная модель качества

4.3.1. Грамматическая категория числа существительного и ее интерпретирующий потенциал в отношении качества

Как отмечалось выше, дискретизация сознанием пространственного континуума в общепознавательном смысле оказывается чрезвычайно значимой для формирования знаний и является необходимым условием нормального существования и адаптации человека к окружающей среде. Отнесение имен, смысловой основой которых считается значение недискретности (абстрактные и вещественные существительные), в класс предметности свидетельствует в пользу доминирования в языке дискретного над недискретным.

Диалектические характеристики дискретности и недискретности как две ипостаси КОЛИЧЕСТВА, становятся фактором влияния не только на неоднородность категории предметности, но и на ингерентный числовой статус ее конституентов. Так, отличие «гносеологических» имен от имен «онтологических» обусловлено присущим им ограничениям в сфере грамматической категории числа: часть из них оказывается неисчисляемыми (напр., русск. *доброта*), а у событийных имен (напр., русск. *дождь*) форма множественного числа указывает, по словам Д.И. Руденко, на «“континуум большой мощности”» [Руденко 1990: 103].

Исчисляемость / дискретность или неисчисляемость / недискретность имен существительных обусловлена не столько свойствами самих феноменов действительности, сколько «антропоцентрическим» взглядом на них, т.е. особенностями их восприятия человеком и концептуализации: мыслимое как

недискретное подразумевает некий континуум, который не поддается автономному исчислению или не нуждается (с точки зрения человека) в поэлементном подсчете (ср. абстрактные имена: *радость*, *тишина*; имена веществ: *рис*, *мука*, *вода*), дискретное же, наоборот, может мыслиться как множество подобных друг другу элементов (см., например, [Fiedler 1981; Jackendoff 1991; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004]).

Абстрактные сущности и вещества, как правило, не совместимы с идеей счета, однако динамический характер интерпретации обусловливает возможные отклонения от канонических способов употребления языковых единиц, соответствующих их числовому статусу. Явление нестандартного числового поведения существительных можно рассматривать как отдельные случаи ситуативного формирования нового смысла, мотивированные стремлением индивида к языковому творчеству. Например:

194) *His thoughts and dreams did not fill up with the big* ***skies of Lincolnshire*** *or the memories of refectory tables and inspections for head lice* [*S. Faulks*. Birdsong 1994: 108].

195) *L'évanouissement de Jean-Jacques et son lent réveil après l'accident de Ménilmontant lui préfigurent* ***les joies de la résurrection****, les extases promises dans l'au-delà sous le signe de l'harmonie et de l'apaisement* [*J.-J. Rousseau*. Les rêveries du Promeneur Solitaire (Электронный ресурс)].

196) *Дома детям расскажите* ***о красотах дальних стран****,*

Как мы шли в горах Кавказа,

про пустыни, про моря… [*В. Брюсов*. Александр Великий (Электронный ресурс].

Во всех представленных выше примерах неисчисляемые недискретные существительные «заимствуют» конвенциональный способ образования множественного числа исчисляемых существительных. Отметим, что для английского и французского языков как языков аналитического типа, аналитизм грамматизации, проявляющийся у форм числа существительных (в данном случае – анг. *skies* и фр. *les joies*) посредством морфологической марки-

рованности (у семантически маркированной категории имеется большее число фонем, чем у немаркированной), естественным образом репрезентирует и когнитивную маркированость, что ведет к общему приращению смысла, его интенсификации за счет принципа количественной иконичности (iconic quantity) – «больше формы → больше содержания» [Ungerer, Schmidt 1999]. В примерах (194) и (196) формы множественного числа указывают на т.н. «пространственную множественность» [Болдырев, Беседина 2007: 8], тогда как в примере (195) форма множественного числа существительного, соответствующего русскому *радость*, интерпретирует состояния индивида с точки зрения его высокой интенсивности.

В отличие от количества, представленного языковой формулой «числительное + существительное», грамматический способ репрезентации количества, представленный категорией числа существительных, в силу ее абстрактности нейтрален по отношению к границам численности предметов. Данный способ репрезентирует численность предметов, представляя ее как неограниченное неопределенное количество (*столы*, *книги, бумаги, машины*). В основании грамматического способа представления количества материальных объектов, лежит когнитивный механизм мультиплицирования и снятия границ. На уровне языка данный когнитивный механизм воплощается в удлинении языковой формы. Р.О. Якобсон в этой связи отмечал, что «есть языки, в которых формы множественного числа отличаются от форм единственного дополнительной морфемой, в то время как (по данным Гринберга), нет такого языка, в котором это отношение было бы обратным. Означающее плюральной формы проявляет тенденцию отражать значение количественного превосходства путем удлинения этой формы» [Якобсон 2001: 119].

Количественные параметры, представленные в языке грамматической категорией числа, являются скорее универсальными (поскольку грамматическая категория числа представлена в большинстве языков) и, следовательно, менее зависимы от говорящего. Однако, антропоцентрический характер языка, воплощенный в субъектно-ориентированном принципе его организации,

обусловливает возможность выражения и индивидуальных смыслов. Так, например, категориальному множественному может быть противопоставлено гиперболическое или эмфатическое множественное, а также «множественное сенсационное» (см.: [Ли 2002]). Приведем пример:

197) *А то понакупят «**Мерсов**», наденут малиновые **пиджаки**, **перстни**, **цепи** толщиной с палец и надеются дожить до глубокой старости* [*К. Пасикун*. Жизненная линия (Электронный ресурс)].

Анализ фактического материала показал, что грамматический способ выражения идеи количества может использоваться как средство интерпретации качественных характеристик. Так, множественное число существительных репрезентирует особенности внешности человека:

198) *In spite of the **bones and ribs** she was still a beautiful woman* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 39].

199) *Un trait de femme: brune, **la peau sur les os**, le teint blafard, des lunettes noires immenses ...* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park 2010: 195].

200) *На подиуме по-прежнему востребованы модели «**кожа** да **кости**» – можно сколько угодно воспевать пышек, но любое платье лучше всего сидит на «вешалке»* [*Д.А. Донцова*. Женихи воскресают по пятницам (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах множественное число существительных, соответствующих русскому *кости*, запускает механизм инферентного вывода относительно чрезвычайной худобы человека.

Обладание большим количеством определенного рода предметов является основанием для вывода относительно его увлечений, образа жизни в целом:

201) ***Books and books and books.*** *Barely a square inch of wood or wall or floor was visible. Walking was only allowed by pathways cut between the piles of books. Trefusis called the room "librarinth". Areas where seating was possible were like lagoons in a coral strand of books* [*S. Fry*. The Liar 1997: 48].

202) *Daniel habitait alors, au milieu de la rue Blanche, un appartement très sombre, bourré de livres...* ***Des livres*** *dans les chambres, les couloirs au-dessus des portes :* ***les livres*** *étaient partout* [*P.-J. Remy*. L'autre éducation sentimentale (Электронный ресурс)].

203) *... где* ***книг*** *было столько, что их даже не пытались расставить по полкам, а лишь, чтобы не мешали под ногами, передвигали с места на место, как шахматные фигуры* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 118].

В представленных примерах количество книг, осмысляемое как неограниченное множество, запускает механизм инферентного вывода в отношении индивидуальных пристрастий индивида и, возможно, в отношении высокого уровня его образованности.

Наличие качественно других, нежели книги, объектов, имеющихся в распоряжении человека, репрезентированное множественным числом существительных, ведет к формированию интерпретирующих характеристик в отношении материального состояния их обладателя. Например:

204) *Why work so hard when he had more than he could ever spend?* ***Homes, jets, wives, boats, Bentleys,*** *all the* ***toys*** *a real white man could ever want* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 34].

205) *... dans ses salons* ***les Titien et les Velasquez*** *voisinaient avec le seul Vermeer authentique découvert depuis les faux deVan Meegeren* [*R.Gary*. Une page d'histoire 1962: 50].

206) *А лаборанты и молодые мэнээсы, заболев воздухом и бизнесом (что-то общее ...), в конечном итоге создали объединение фирм «Каскол», скупили акции авиазаводов и КБ, как следствие* ***мерсы и шале в Швейцарии****, и стали рулить неслабой частью отечественного авиастроения и авиаторговли* [*М. Веллер.* Легенды Арбата 2011: 30].

Отметим, что множественное число также является основой для осмысления некоторых внутренних качеств, присущих человеку. Сравним, например:

207) *She had never been a* ***shoes and bags woman****, never gone in for discreetly expensive watches or rewarding herself foe an outstanding deal with a diamond* [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 42]

208) *Она весела, доброжелательна, хозяйственна до невозможности, умопомрачительно готовит, выглядит как кукла Барби, не требует от Коробкова* ***шуб****,* ***ожерелий****,* ***поездок*** *на Канары и всегда всем довольна* [*Д.А. Донцова.* Шекспир курит в сторонке 2011: 60].

В примерах (207) и (208) сочетание существительных во множественном числе с отрицанием формирует вывод относительно скромных запросов человека.

Поскольку существительного репрезентирует в языке не только отдельный предмет, но и одновременно указывает на его качество, осмысление отклонения уровня благосостояния от стереотипной нормы может осуществляться и на базе единственного числа, еще раз подчеркивая зависимости процесса интерпретации от качества объекта. Сравним:

209) *He's got* ***a Ferrari*** *and* ***a plane****, and a lot of money* [*D. Steel*. Dating Game 2004: 52].

210) *Décidément, George menait la grande vie: belle* ***voiture****, jeune maîtresse,* ***appartement à Saint-Germain-des-Prés*** [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 247].

211) *Ничего-ничего, - успокаивал он себя, - Хэмингуэй* ***в одном свитере*** *ходил, а женщины на него гирляндами вешались* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 29].

В примерах (209) и (210) оценка уровня благосостояния формируется на основе перечисления имеющихся у индивида таких единичных объектов, как дорогой автомобиль, самолет и квартира в престижном районе Парижа, обусловливая вывод в отношении уровня материального состояния ('богатый, 'состоятельный'). В примере (211) наличие одного предмета одежды является основанием для интерпретации в терминах «мало» и соответствующего вывода в отношении качества ('бедный').

Формирование инферентных смыслов также возможно на базе единственного и множественного числа имен собственных. Приведем примеры:

212) *That sounds biased, but did you ever see a picture of ...* ***a Kennedy*** *tinkering with his engine just before his stock car race?* [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 11].

213) «*Et bien, je me trompais, dit Jerome froidement. – Oui, je vous espérais gais et heureuse, mais avec moi. Pas avec* ***un Charle****».*[*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 100].

214) *Все мы были бедны за редким исключением. Все были:* ***Таньки****,* ***Гальки****,* ***Нинки*** *в джинсах на выход и в джинсах на каждый день* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 217].

В примере (212) сочетание имени собственного с неопределенным артиклем единственного числа *a Kennedy* реферирует к качествам, присущим группе людей, объединенной общими признаками. Неопределенный артикль единственного числа в примере (213) в сочетании с именем собственным *un Charle* ведет к формированию негативно окрашенных интерпретирующих характеристик типа ‘какой-то’, ‘один из многих’. В примере (214) на основе имен собственных во множественном числе формируются представления, связанные с неограниченным количеством людей, объединенных общей характеристикой ‘бедность’. Когнитивный механизм генерализации способствует нивелированию качественных различий, присущих каждому отдельному индивиду, обусловливая их осмысление в терминах однородной массы.

Таким образом, грамматический способ репрезентации количества обладает достаточным оценочным потенциалом в отношении качества, представляя собой один из механизмов лингвокреативного интерпретирующего сознания.

4.3.2. Конвенциональные и неконвенциональные квантификаторы как репрезентанты интерпретационной модели «неопределенное количество предметов»

Языковыми репрезентантами интерпретационной модели «неопределенное количество предметов → качество» являются также конвенциональные и неконвенциональные квантификаторы.

Конвенциональные квантификаторы a lot / a bit + of + N, beaucoup / peu + *de* + *N*, много/ мало + существительное представляют собой структурную рамку, которая оформляет концептуальное содержание, связанное с идеей неопределенно-оценочного количества предметов. В отличие от множественного числа существительных, реализующих функцию мультиплицирования и представляющих количество как ничем не ограниченное, квантификаторы, наряду с числительными, являются языковыми механизмами реализации когнитивного механизма ограничения, поскольку существительные, репрезентирующие идею количества, занимают в словосочетании позицию главного слова, сближаясь в своем значении с числительным. Однако в отличие от конкретизирующих определенно-количественных числительных, данные квантификаторы являются средством выражения неопределенного количества как результата оценочной деятельности сознания. Учитывая факт довольно подробной проработанности функционирования конвенциональных квантификаторов в языке, в данном исследовании обоснованным считается указать лишь общие принципы их функционирования в качестве языковых механизмов формирования качественных смыслов. Рассмотрим примеры:

215) *She had a good job managing the lingerie department at Moore's, one of the largest department stores in town, and* ***she had lots of friends*** [*D. Burrows*. A Stranger in my Street 2012: 17].

216) *Il est plus facile d'établir des relations profondes et durables lorsque l'on a* ***peu d'amis*** [https://www.cosmopolitan.fr/,comment-vivre-avec-peu-d-amis,1922309.asp].

217) *Витя не имел денег, зато* ***у него было много друзей*** *и знакомых девушек, которым симпатичный парень нравился* [*Д. А. Донцова*. Аполлон на миллион 2015: 257].

Примеры (215), (216) и (217) иллюстрируют тот факт, что формирование интерпретирующих смыслов на базе сочетания конвенциональных квантификаторов *lots of, peu de* и *мало* с существительными, соответствующими русскому *друг*, связаны с осмыслением градации количества в пределах точек «много» / «мало» относительно норм существования в социуме, а также индивидуально приемлемых норм. Словосочетание *много друзей* обусловливает вывод в направлении таких характеристик, как ‘общительный’, ‘открытый’, ‘надежный’, а также ‘неглубокий, поверхностный человек’. *Мало друзей* связано с такими инферируемыми качествами, как ‘замкнутый’, ‘необщительный, а также ‘разборчивый, основательный человек’.

Наличие только доминантного признака «много» / «мало» в семантике конвенциональных квантификаторов объясняет их широкие сочетаемостные возможности с различного рода существительными, как исчисляемыми, так и неисчисляемыми:

218) *‘**A lot of tea** has flowed under the bridge since 1763.’* [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 93].

219) ***Beaucoup de voitures*** *rangées dans les prés* / *Il dispose* ***beaucoup de temps*** [LLDLF 2002: 176].

220) *Стоял сентябрь – бархатный сезон.* ***Много солнца, много*** *теплого* ***моря*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 99].

Под конвенциональную языковую формулу *a lot/ a bit* + *of* + *N*, beaucoup /peu + *de* + *N*, много/ мало + существительное как ограничивающую структурную **рамку** подпадают многие существительные, «копируя» модель поведения конвенциональных квантификаторов. К таким существительным относятся, например, имена, репрезентирующие в языке некие совокупности, которые объединены общей идеей неопределенного количества. Это названия различных объединений предметов, людей, животных, которые мыслятся как

целые. По словам Р.М. Фрумкиной, «такого рода существительные в первичном своем значении обозначают совокупности, поэтому содержат идею количества и являются своеобразными «ярлыками», которые несут новую информацию уже не только об объектах, из которых составлена совокупность, но и о свойствах самой совокупности, например, количественном объеме совокупности, базирующейся на субъективной интерпретации» [Фрумкина 1991: 149].

Подчеркнем, что мотивированные общей идеей скопления, объединения элементов, существительные-имена совокупностей демонстрируют зависимость их интерпретирующего потенциала от качества элементов этой совокупности, что согласуется с общими принципами исследуемого процесса количественной интерпретации качества. Приведем примеры:

221) *It no longer delighted Jimmy to possess these small* ***collections of letters*** *that other people had forgotten about* [*M. Atwood*. Oryx and Crake 2004: 307].

222) *Les étagères d'une bibliothèque en bois clair pliaient sous les ouvrages, elles finiraient par céder si Laurent complétait* ***sa collection d'encyclopédies médicales*** ... [*M. Levy*. Vous revoir 2005: 218].

223) *Одна старая дама сообщила, что у нее была целая* ***коллекция картин***... [*Е.П. Ищенко*. Потусторонний криминал (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах словосочетания *collections of letters, collection d'encyclopédies médicales* и *коллекция картин* имплицируют определенный временной промежуток, на протяжении которого собиралась коллекция, а также раскрывают специфику профессиональной деятельности индивида (222), его пристрастия и увлечения (223).

Имена, обозначающие совокупности, мотивированы общей идеей объединения элементов: сравним: англ. *pile, heap, stack* и фр. *pile, tas,* русск. *пачка, куча, стопка, куча* и т.п.:

224) *In my parents' bedroom there's* ***a pile of crumpled sheets*** *on the floor, and the blankets are folded up on a chair* [*M. Atwood*. Cat's Eye 2004: 196].

225) *... in her Pagoda Hotel bathrobe, propped up against* ***a heap of pillows*** [*M. Drabble*. The Red Queen 2005: 303].

226) *Que me vaut l'honneur ? demanda-t-il en enclechant le haut-parleur et en prenant* ***la pile de courrier*** *...* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 71].

227) *Il s'était dit en regardant* ***le tas de vêtements*** *à ses pieds, j'ai jeté l'uniforme* [K. Pancol. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 75].

228) *На столе перед ней стояла чашечка кофе, рядом –* ***стопка газет*** [К. Бояндин. Последний час надежды (Электронный ресурс].

В приведенных примерах наряду со смыслом 'много' формируется инферентный вывод в отношении характера или способа организации совокупности (в зависимости от качества предметов) в пространстве.

Существительные, именующие совокупности людей, помимо доминантного значения «много» имеют в своей семантике и дополнительные признаки, которые специфицируют совокупность по линии качества. Например:

229) *Anna joined the* ***horde of tired savages*** *as they stepped onto an overcrowded escalator* [J. Archer. False Impression 2005: 66].

230) ***Des bataillons de policiers*** *armés qui voulaient lui faire la peau* [J.-Ch. Grangé. L'empire des loups 2003: 316].

231) *Возле автомобиля галдела* ***толпа детей*** *– шофер, открыв капот, копался в механизме, а мальчишки дрались за честь подать ключ* [Д. Быков. Икс (Электронный ресурс)].

В примере (229) словосочетание *horde of tired savages* характеризует диффузно передвигающуюся массу. В примере (230) словосочетание *bataillon de policiers* связано с представлениями о хорошо организованной группе профессионалов. В примере (231) словосочетание *толпа детей* вызывает ассоциации, связанные с неупорядоченной массой, которой характерны дополнительные качественные признаки, профилируемые глаголом *галдеть*.

Именам совокупностей также свойственно выступать в качестве средства оценочной метафоризации. Например:

232) *But fate marched towards me, with an* ***army of regulations****…* [*M. Drabble*. The Red Queen 2005: 17].

233) *Je ne supportais plus de me trouver coincée au milieu d'****une armée de Japonais*** *en rangs par deux* [*J.-P. Richard*. La fille tombée d'un rêve 2008: 61].

234) *Кроме модельного бизнеса, Борис занимался еще чем-то, имел* ***армию друзей****, постоянно носился по делам, искрил от бурной деятельности* [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 188].

В примере (232) имя, репрезентирующее крупное объединение людей, созданное с определенной целью, становится основанием оценки большого количества правил, что обусловлено наличием общего признака в семантике существительных *army* и *regulations*, связанного с представлением о порядке. В примере (233) существительное, обозначая большое скопление туристов, свидетельствует не только о популярности города, но и характеризует самих туристов-японцев с точки зрения культуры коллективистского типа. В примере (234) наличие большого количество друзей реферирует к степени общительности человека.

Конвенциональный способ выражения идеи количества предметов «заимствуется» существительными-метафорическими квантификаторами, которые функционируют в составе словосочетания в качестве аналогов числительных и квантификаторов, т.е. концептуализаторов количества со значением «количественная характеристика». Л. Талми отмечает, что в именной конструкции такого типа второе имя специфицирует индивидуальный характер (*identity)* рассматриваемой величины, концептуализированной как не имеющей внутренних границ, а первое имя специфицирует ограничение (*bounding*), или вычленение части (*portion-excerpting*) этой величины. Важно подчеркнуть, что помимо операции ограничения, первое имя специфицирует различные свойства вычлененной части. В данном случае две именные группы кодируют два различных уровня синтеза. Вторая именная группа сама по

себе задает несинтезированную мультиплексность независимых элементов, а первая именная группа специфицирует определенный гештальт, синтезированный из этой мультиплексности [Talmy 2001: 78].

Неконвенциональные квантификаторы указывают на склонность сознания к восприятию мира в «опредмеченных» образах, интегрирующих идеи предметности и признаковости. Представление о предмете составляет базис для развития процессов метафоризации и категоризации по эталону.

Можно предположить, что конвенциональные и неконвенциональные единицы, репрезентирующие интерпретируемое индивидом количество, различаются по набору признаков и степени их выделенности. Конвенциональные квантификаторы, являясь ядерными репрезентантами количества, имеют в своем значении только доминантный признак «много» или «мало». Неконвенциональные квантификаторы – продукты процесса вторичной интерпретации, представлены единицами, у которых происходит перефокусировка признаков: в фокус попадают периферийные, фоновые признаки, приобретающие статус доминантных, тогда как ядерные, понятийные – затушевываются. Таким образом, фокус есть степень выделенности (a matter of degree) [Langacker 2008: 57]. Приведем примеры одновременного использования механизмов концептуальной метафоры и фокусирования / дефокусирования:

235) *Most of my life has been like that, like a woodlouse under a stone – while, as Newton put it, the great* ***ocean of truth*** *lay all undiscovered before me* [*S. Faulks*. Engleby 2008: 297].

236) *Un fleuve puissant, fatal, charriant vers* ***un océan d' oubli*** *les épaves de notre mémoire commune* [*C. Pujade-Renaud*. Vous êtes toute seule? 1997: 92].

237) ***Работы*** *у нас* ***океан*** *клиенты цепочкой тянутся* [*Д.А. Донцова* Аполлон на миллион 2015: 100].

В представленных примерах в результате переключения в фокус попадает периферийный размерный признак «большой», коррелирующий с доминантой «много». Ядерные понятийные признаки «объект природы», «вода», «соленый» и др., являющиеся для данной ситуации нерелевантными, дефоку-

сируются. При этом наблюдается переход от номинации к предикации, поскольку *океан* уже не номинирует фрагмент действительности, а приписывает количественные характеристики объектам.

Сочетаемостные потенции неконвенциональных квантификаторов определяются наличием общих признаков в семантике существительных. Сравним:

(а) *Фонтан идей* / (б) *Фонтан книг**.

В (а) существительное *фонтан* представляет по своей сути «опредмеченный» процесс, для которого характерны динамические признаки движения. В значении существительного *идея*, мотивированного представлениями о мыслительном процессе, также имплицирована идея движения (ср., например, в русск. яз.: *Мне в голову пришла хорошая идея*). Таким образом, оба существительных имеют схожие признаки, которые объединяют их, обусловливая их сочетаемость.

(а) *Гора книг* / (б) *Гора идей**.

В (а) существительное *книга* обозначает дискретный предмет (пространственная характеристика), подразумевающий возможность его перемещения в пространстве (в том числе относительно вертикальной оси). Одним из признаков существительного *гора* является признак «вертикальность», что обусловливает сочетаемостные возможности данных существительных.

Далее рассмотрим подробнее класс неконвенциональных квантификаторов и их интерпретирующий потенциал в отношении качества.

Знания об ингерентных признаках объектах природы являются значимым источником для формирования неконвенциональных квантификаторов, обладающих вторичным интерпретирующим потенциалом в отношении разнообразных объектов и феноменов действительности. Приведем примеры:

238) *At 1.85cm and 156 kg, he's* ***a mountain of muscle and flesh*** [https://www.mh.co.za/fitness/your-best-bench-ever/].

239) *Tous les regards se concentrent sur* ***la montagne de muscles*** *qui occupe une bonne partie de la cuisine à lui tout seul* [*Edwige*. Les Ailes ne font pas l'Ange 2011: 160].

240) *Посреди комнаты стоял Родя, я видела его сбоку, но Кутепов при росте примерно метр восемьдесят пять имеет вес около ста сорока килограммов, поэтому не узнать эту* ***гору мышц*** *было нельзя.* [*Д.А. Донцова*. Полет над гнездом индюшки (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах внешние характеристики мужчины репрезентированы метафорическими конструкциями *a mountain of muscle and flesh, la montagne de muscles, гора мышц*. Сравнение с данным природным объектом, выдвижение его на роль эталона размера обусловлено смещением фокуса внимания на признак «большой размер». Дальнейшее формирование качественных интерпретирующих смыслов ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘в хорошей физической форме’, ‘спортивный’, ‘привлекательный’ обусловлено стереотипными нормами в отношении мужского телосложения.

Подобным образом данный объект природы становится основанием для интерпретации идеи о совокупном множестве предметов:

241) *She was tired of everything – the exhaustion, the stress, the sleepless nights, ...* ***the mountain of unpaid bills*** [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 10].

242) *Encore ensuqué, il plongea la main dans* ***la montagne de linge sale*** *et enfila les premiers vêtements réutilisables qui tombèrent sous la main* [*G.Musso*. L’appel de l’ange 2012: 104].

243) *Ушли под утро, оставив после себя* ***горы грязной посуды*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 208].

В приведенных примерах существительные, соответствующие русскому *гора*, репрезентируют идею скопления объектов. Характер скопления объектов (вертикально ориентированное множество) как результат определенного рода процесса позволяет сделать вывод в отношении его интенсивности.

Широкий репертуар неконвенциональных квантификаторов, мотивированных представлениями о природных объектах, объясняется наличием базо-

вых энциклопедических знаний о вариативности природного ландшафта у представителей любой культуры. Приведем примеры:

244) *'But I'm beginning to think that not enough clues have been devised and not enough lines of verse written to fill the* ***deserts of vast eternity*** *that make my spare time.'* [*S. Faulks*. A Week in December 2010: 365].

245) *Freire n'attendait pas un tel enchantement dans* ***le désert de ses soirées*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 150].

246) *И не забывайте, пожалуйста, что пустыня безмолвия окружает нас,* ***пустыня одиночества*** *вокруг нас и внутри нас, пустыня безнадежности – вот стихия бытия* [*В. Липатов*. Лев на лужайке (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах существительные обозначают огромное и безлюдное пространство суши. Признаки «большой размер» и «пустота» позволяют им выступать в качестве эталонов сравнения больших временных периодов (244), а также интенсивности испытываемого человеком чувства одиночества (245), (246).

Концептуализация количественного признака может осуществляться на основе представлений о больших поверхностях, заросших деревьями:

247) *... moving from the Royal Observatory over the road to the huge tanker of Liquid Nitrogen, the* ***forest of satellite dishes*** *and Physics Laboratory* [*S. Fry*. Making History 1996: 132].

248) *Un kaléidoscope d'images vibrantes prit alors forme devant mes yeux: ... la silhouette d'une vieille église noyée dans* ***une forêt de gratte-ciel****...* [*G. Musso*. L'Instant Présent (Электронный ресурс)].

249) *...А красота познанного космоса постепенно теряется в дремучем* ***лесу*** *бессмысленных* ***небоскребов*** *– капиталистических джунглях новой России* [https://www.brel-brel.livejournal.com].

В данных примерах существительные *forest*, *forêt*, *лес*, обозначающие большое количество вертикально ориентированных предметов, становятся основанием для инферентного вывода в отношении таких качественных ха-

рактеристик, как ‘плотность размещения в пространстве’ (247), ‘много’ и ‘высокий» (248) и (249). Сочетаемость данных существительных обусловлена наличием общего признака «вертикальная ориентация».

Несмотря на тот факт, что представления о деревьях и растениях связаны с признаком «вертикально ориентированный», результатом перефокусировки становится его дезактуализация. Сравним:

250) *When we are young, we are* ***a jungle of complications*** [*G. Greene*. The Quiet American 2002: 168].

251) *... la Méditerranée lui paraissait comme* ***une jungle de couleurs, de parfums et de sons*** *où elle ne s’aventurait qu’à contrecoeur* [*R.Gary*. Une page d’histoire 1962: 17].

В данных примерах признак «вертикальность» дефокусируется, тогда как в фокусе внимания остается признак «много» и «плотный характер размещения». Перефокусировка расширяет сочетаемостные потенции данного имени, способствуя формированию новых интерпретирующих характеристик, связанных со спутанностью и трудностями преодоления (250) и идеей смешения, соединения как источника нового качества (251).

Представления, связанные с динамикой движения воды, становятся основой для формирования следующих неконвенциональных квантификаторов:

252) *Her doting brown eyes returned to Charlie.* ***Here was the fountain of her happiness*** [*S. Faulks*. On Green Dolphin Street 2002: 4].

253) *Il y avait dans cette ville une énergie qui sortait de la terre, s’ancrait dans les pieds, remontait dans les reins, remontant jusqu’à la tête et finissait en un* ***geyser d’idées.*** *... New York était sa ville* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 922].

254) *Бабуля –* ***фонтан идей,*** *по большей части безумных, фейерверк желаний, чаще всего безрассудных…* [*Д.А. Донцова*. Развесистая клюква Голливуда 2012: 14].

В примере (253) метафорическая репрезентация города в терминах *geyser d’idées* базируется на знании о том, что гейзер как природный феномен

представляет собой горячий источник, периодически выбрасывающий фонтаны горячей воды. Эти знания становятся основой для формирования интерпретирующих качественных смыслов ‘мощный’, ‘вдохновляющий’ и т.п., базирующихся на индивидуальном восприятии и осмыслении и самого города, и своего места в пространстве этого города. В примерах (252) и (254) природный или искусственно созданный источник воды, который выбрасывает воду в результате оказываемого давления, становится мотивирующей основой для интерпретации человека как источника счастья (230) и человека, постоянно генерирующего идеи (254).

Актуализация образной схемы «человек-вместилище» или «контейнер», лежит в основе представлений о человеке как о неиссякаемом источнике, откуда знания и информация могут черпаться в квазибесконечном количестве. Приведем примеры:

255) *He was a mine of information* [*F. Forsyth*. Avenger 2004: 83].

256) *… les personnes agées sont* ***une mine de connaissances*** *pour la société. On a mis trop longtemps à s’en apercevoir* [https://www.aranea.com].

257) *Не отказались войти в редколлегию журнала и такой блестящий человек, как Валентин Катаев, и умница, и* ***кладезь знаний*** *Борис Николаевич Агапов, в которого я влюбился во время нашей поездки в Японию* [НКРЯ]

Представленные выше примеры иллюстрируют формирование качественных интерпретирующих смыслов, связанных с высоким интеллектуальным уровнем человека (‘образованный’, ‘начитанный’ и т.п.).

Движение вниз в антропоцентрическом пространстве всегда ограничено поверхностью земли, вследствие чего, оно, в отличие от движения вверх, связано с идеей предела. Дальнейшее движение по направлению вниз связано с представлениями о беспредельности, коррелирующими с идеей бесконечности. Например:

258) *He stared with fallen jaw into the* ***abyss of horror*** *into which he had leaped so light-heartedly* [*P.G. Wodehouse*. The World of Blandings 2008: 110].

259) *Le sommeil des animeaux, l'immobilité du parc semblaient s'unir à l'obscurité pour creuser* ***des abysses de silence*** [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 226].

260) *Хорошо быть молодым –* ***бездна энергии****, легкое тело, жизнь впереди, смерти нет, любовь за поворотом* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 24].

В приведенных примерах квантификаторы *abyss, abysses* и *бездна* в сочетании существительными, обозначающими абстрактные феномены, способствуют инферированию смыслов, связанных со степенью интенсивности эмоционально-психологического состояния человека (258), состоянием природы (259), а также с качествами, которые присущи человеку в молодости (260).

Индивидуальная интерпретация и категоризация по эталону может также быть мотивирована специфическими знаниями, полученными в рамках культуры. Эти знания также имплицируются в неконвенциональных квантификаторах. Например:

261) *А тут второй ребенок появился, нагрузки возросли непомерно, стал спать по четыре часа в сутки, но* ***хоровод дел*** *не кончался* [*Г. Н. Майоров. Пенальти* (Электронный ресурс)].

В примере (261) словосочетание ***хоровод дел***, в котором существительное *хоровод* именует круговой массовый танец, позволяет сделать вывод о динамичном образе жизни человека.

Помимо культурноспецифического компонента необходимо еще раз подчеркнуть специфику индивидуального осмысления, обусловливающую процесс фокусирования на том или ином признаке. Рассмотрим следующие примеры:

262) *Même si elle a tout, la soeur: un bel appartement avec de très beaux meubles, un beau mari, un beau petit garçon qui travaille bien en classe, une bonne et une* ***farandole de cartes de crédit*** **[***K.Pancol*. Les écureuils de Central Parc sont tristes le lundi 2010: 38].

263) *Julien actionna la télécommande et elle esquissa une grimace lorsqu'elle découvrit, au fil des chaînes* ***une sarabande de policiers new-yorkais, de mères de familles californiennes et de talk-shows****....* [*J.-P. Richard*. La fille tombée d'un 2008: 127].

264) *Le parc était à l'abandon, une multitude de parfums mêlés provoquaient à chaque fois une* ***farandole*** *incontrôlable* ***de souvenirs*** *olfactifs* [*M. Levy*. Et si c'était vrai 2000: 164].

265) ***Une sarabande de cris*** *... qui jaillissaient pour la poursuivre* [J.-Ch. Grangé. L'empire des loups 2003: 46].

И фарандола, и сарабанда – это танцы, подразумевающие некоторое количество двигающихся людей. В приведенных примерах в фокусе внимания оказывается либо признак «движение», либо признак «много» (по числу людей, участвующих в танце). Так, в примерах (262) и (263) эти существительные в сочетании с предметными существительными становятся эталонами индивидуальной интерпретации некоторого множества (кредитных карт, детективов, ток-шоу), тогда как в примерах (264) и (265) эти же существительные в сочетании с существительными, обозначающими «опредмеченные» процессы (воспоминание, крик) интерпретируют их динамический характер. В этом случае существительные-метафорические неконвенциональные квантификаторы как элементы индивидуального знания языковой личности репрезентируют (ситуацию) воображаемого сравнения с фокусировкой внимания на действии или процессе. Оценочная метафоризация признака действия в терминах подобных существительных ведет к осмыслению специфики протекания процесса, а также к инферированию состояний и качеств, присущих агентам, вовлеченным в ситуацию. Сравним:

266) *Once cons were on the* ***merry-go-round of crime,*** *it was hard for them to get off even if they wanted to* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 72].

267) *Part of her was in the process of being purged by wonder, pity and terror. The rest of her, the part that was used to turning up for work in the mornings,*

wanted to explode in ***a Krakatoa of giggles*** [*T. Holt*. Life, Liberty And The Pursuit Of Sausages: J.W. Wells & Co (Электронный ресурс)].

В примере (266) выдвижение на роль эталона интерпретации качества существительного *merry-go-round* обусловлено действием когнитивного механизма фокусирования относительно признака «движение по кругу», способствующего осмыслению рекуррентности действия. Этим обусловлено формирование инферентной характеристики ‘склонный к рецидиву’. В примере (267) сравнение с извержением лавы из кратера вулкана дает основания для интерпретации качества протекания процесса.

Подводя итог, отметим, что способность человека формировать представление о количестве без обращения к операции счисления является ключевой для понимания способов представления в языке результатов познания количества обыденным сознанием посредством конвенциональных и неконвенциональных квантификаторов с доминантным значением «много» или «мало».

В отличие от конвенциональных квантификаторов имена совокупностей обладают большим интерпретирующим потенциалом за счет наличия дополнительных фоновых признаков, связанных, например, со способом размещения в пространстве, специфическими характеристиками, присущими той или иной совокупности.

Поскольку первично интерпретированные знания о мире, представленные в системе языка, являются базой для вторичной интерпретации, существительные, функционирующие в роли неконвенциональных средств репрезентации количества, раскрывают знания индивида, актуализация которых осуществляется в ходе переработки информации о количественном аспекте действительности. Эти знания, репрезентированные неконвенциональными квантификаторами, являются продуктом вторичной интерпретации, представляя собой когнитивные аналоги числа. Фокусирование и дефокусирование являются ключевыми когнитивными механизмами, обусловливающими саму возможность формирования неконвенциональных квантификаторов и

их потенциальную сочетаемость. Когнитивная операция категоризации по эталону, когнитивные механизмы концептуальной метафоры и сравнения как механизмы интерпретирующего сознания обусловливают принципиальную открытость класса неконвенциональных квантификаторов и возможность его постоянного пополнения.

Проведенный концептуально-инференционный анализ репрезентантов предметно-количественного вектора позволил реконструировать репертуар инферируемых количественно-качественных смыслов. Систематизируем их в виде таблицы (см. Таблица 2).

Таблица 2.

Предметно-количественный вектор. Инферированные количественно-качественные смыслы

Количественная интерпретанта		**Концептуально-тематическая область**	**Конкретный участок концептуально-тематической области**	**Инферируемая качественная характеристика**
Интерпретирующий концепт	**Языковая репрезентация**			
МАЛО	*три волосинки; пять зубов; кожа да кости*	ЧЕЛОВЕК	ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘некрасивый’ ‘нездоровый’, ‘худощавый’
МНОГО	*гора мышц*	ЧЕЛОВЕК	ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘сильный’, ‘спортивный’ ‘красивый’
МНОГО	*бездна энергии; фонтан идей; пустыня одиночества*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘активный’, ‘энергичный’, ‘сообразительный’, ‘замкнутый’, ‘необщительный’
МНОГО	*много книг; кладезь знаний*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ	‘образованный’, ‘начитанный’
МНОГО	*два самолета; яхты, машины, дома, картины*	ЧЕЛОВЕК	БЛАГОСОСТОЯНИЕ	‘состоятельный’, ‘богатый’
МНОГО	*много друзей*	ЧЕЛОВЕК	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	‘отзывчивый’, ‘порядочный’, ‘добрый’
МНОГО	*много солнца; много дождливых дней*	ПРИРОДА	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ	‘тепло’, ‘сыро’

5. Признаково-количественный вектор реализации количественной интерпретанты

Признаково-количественный вектор реализации количественной интерпретанты формируется на базе представлений о количестве непроцессуального признака и представлен когнитивной моделью «количество непроцессуального признака → качество».

Как признаковое имя, прилагательное выполняет в языке предицирующую функцию, приписывая предметным сущностям многообразные свойства и характеристики, которые фиксируются в ходе восприятия и интерпретируются субъектом познания.

Наблюдение за многообразием объектов и явлений действительности и их сравнение обусловило постепенное осознание того, что качественные характеристики могут проявляться с разной степенью интенсивности. Это явилось основанием появления в языке языковых единиц, фиксирующих представление о градации как степени проявления признака, и репрезентирующих различные варианты градационной детализации. Поскольку у прилагательных сравнивается степень проявления одного общего признака у разных объектов, степень градации признака представлена в языке степенями сравнения прилагательных и наречиями меры и степени как конвенциональным способом градации признака. Представление о градации признака осуществляется за счет когнитивных механизмов сравнения и шкалирования.

Прилагательные, указывающие на количественные признаки предмета, представляют собой результат оценки доступных восприятию человека количественных характеристик. Эта оценка выстраивается субъектом на базе индивидуальных интерпретационных шкал, осмысление нарастания или убывания признака на которых осуществляется относительно нормы, формируемой коллективными схемами знания о количественных характеристиках объективно присущих тем или иным предметам и феноменам. Прилагательные могут также репрезентировать результаты точной квантификации. Рассмотрим указанные типы прилагательных подробнее.

5.1. Определенно-количественные прилагательные как средство интерпретации качества

Определенно-количественные прилагательные, семантика которых мотивирована числительными, репрезентируют в языке точные показатели количественного признака. Анализ фактического материала свидетельствует в пользу того, что в языке функционирует достаточно ограниченное число определенно-количественных прилагательных, поскольку словообразовательным потенциалом обладают числительные, репрезентирующие начальные конституенты числового ряда.

На основе прилагательных, образованных от числительного *два*, и соответствующих русскому прилагательному *двойной*, формируется достаточно широкий перечень интерпретирующих смыслов. Отметим некоторые из них:

268) … *Charlie wished her love, happiness and* ***a double portion of George Clooney*** *with cream on top* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 84].

269) *Pour le lui prouver, j'engloutis sous ses yeux inquiets* ***une double portion de lasagnes*** *qu'il avait cuisinées pour le dîner* [*A. Jacquelin*. Les couleurs de l'ephimere : Recuil de nouvelles (Электронный ресурс)].

270) *Видимо, после того как в Страга влилась* ***двойная порция энергии*** *из амулетов, он под эйфорией не заметил, что симптомы отравления вернулись* [*Г. Орловский, Ю. Молчан*. Со смертью наперегонки (Электронный ресурс)].

Понятие порционности всегда подразумевает соотношение с нормой. Порция пищи, например, означает оптимально необходимое для разового употребления количество, тогда как двойная порция может свидетельствовать о хорошем аппетите и вкусовых качествах пищи (269), высокой степени концентрации признака (268), физическом состоянии (270).

Количественные показатели специфицируют вкусовые качества вещества. Например:

271) *They go for day-old doughnuts at the nearest strip mall,* ***double chocolate glazed****, and make some instant coffee* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 31].

272) *Madeline commanda* ***un double espresso*** *et Takumi se laissa tenter par un kebab très gras* [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 172].

273) *Виолетта забилась в дальний угол аэропортовского кафе, заказала* ***двойной эспрессо*** *и взяла с белой металлической стойки утренний номер газеты Мадрид Ньюс* [*Н. Черниховская*. Красная луна (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах превышающее норму количество, обусловливает инферентный вывод в отношении качественных смыслов 'насыщенный' (271), 'крепкий' (272) и (273).

Количественные показатели фиксируют и качество объектов:

274) *In the corner of the window a fly, apparently hysterical, careers about between the* ***double glazing*** *and a flowering orchid* [*L. Beatty*. Darkling 2014: 189].

275) *Par* ***les fenêtres à double vitrage****, on peut voir la ville à moitié paralysée par la tempête* [*O. Zuniga. Un rêve en point de mire* 2013: 63].

276) *Напряженность жизни этого заведения была так велика, что даже зимой,* ***сквозь двойные рамы*** *на улицу вырывался гул, подобный грохоту паровой мельницы* [*А. С. Грин*. Избранное 1987: 15].

В приведенных примерах на базе прилагательных *double, double, двойной* формируются интерпретирующие смыслы относительно функциональных характеристик двойного стеклопакета: 'прочный', 'безопасный', 'звукоизолирующий', а также 'энергоэкономичный'.

Количественная оценка в терминах определенно-количественных прилагательных может быть связана с осмыслением функционального потенциала и других объектов. Обратимся к примерам:

277) *It was an impressive American-style fridge of brushed stainless steel, with* ***double doors,*** *both of which were open* [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 19].

278) *Elle sortit du lit, se glissa dans une robe, puis regarda à travers la* ***double porte*** *du balcon* [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 596].

279) *– Отличный джип, но не великоват ли? ... – С трудом представляю себя в* ***«двухдверке».*** *Это как слона запихнуть в банку из-под шпрот* [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 143].

В примерах (277) и (278) словосочетания *double doors* и *deux portes* формируются смыслы, связанные с их пригодностью для большой семьи, многофункциональностью (277), а также увеличенной светопропускаемостью за счет большей ширины (278). В примере (279) на базе стереотипных представлений о наличии у обычного автомобиля четырех дверей, формируется смысл ‘мало’, порождающий интерпретирующие характеристики, связанные с дискомфортом и неудобством.

Прилагательные, соответствующие русскому *двойной*, характеризуют и другие предметы, и устройства. Например:

280) *As they come into the hall they see Jenny Lavin by the door, already raising her hand to the high* ***double security lock*** [*I. McEwan*. Saturday 2006: 167].

281) *Même* ***les doubles barres*** *de renfort n'avaient rien pu faire pour contrer l'assaut* [*G. Musso*. La fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

282) *Срезав наличники, а также запирающие устройства сверху и снизу, применил своего нового друга, аварийно-спасательный инструмент Круг-1С, деформируя* ***двойной замок*** [*С. Казанцев*. *Взаперти* (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах словосочетания с прилагательными указывают на принятые усиленные меры безопасности.

Данное прилагательное также является эффективным средством оценочной интерпретации различных явлений, процессов. Например:

283) *Perowne knows the old argument about* ***double standards,*** *but don't some liberal-minded women now argue for the power and value of reticence?* [*I. McEwan*. Saturday 2006: 184].

284) *Il avait utilisé une voix de velours,* ***à double fond*** [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noire 2012: 513].

285) *Если опытный и заслуживающий доверия осведомитель не пришел на встречу, это значит одно: Шмель вел* ***двойную игру*** [*А. Чиж*. Пять капель смерти (Электронный ресурс)].

В примерах (283) и (285) на базе прилагательных, соответствующих русскому *двойной*, формируются смыслы, связанные с отсутствием качественно равных принципов и законов (283), нечестным поведением одного из партнеров (285). В примере (284) возможность конструирования второго дна у различных предметов и поверхностей с целью сокрытия чего-либо, становится основанием для метафорической оценки голоса человека и дальнейшего осмысления как ‘лживого’, ‘неискреннего’, ‘таинственного’.

Подобного рода значения репрезентированы словосочетаниями, соответствующими русскому *двойная жизнь*:

286) *He had promised Rachel he would do it that weekend, and he knew he had to, before* ***the double life*** *he was leading drove them both crazy* [*D. Steel*. Dating Game 2004: 30].

287) *– T’es sûre qu’il ne mène pas une* ***double vie ?*** *insinue Carole* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 17].

288) *Наступал на горло собственной песне,* ***жил двойной жизнью****, завязывал себя в узел* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 126].

Прилагательные, образованные от числительных, соответствующих русскому *три*, характеризуются достаточно ограниченным использованием. Обычно в сочетании с существительным данные прилагательные указывают на количество у объекта трех элементов, обусловливающих его функциональное назначение. Например:

289) *Kitty stopped admiring herself in her* ***triple mirror*** *and took a long pull on her Dunhill, wanting her beloved nicotine to wipe him out of her mind* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 168].

290) *Je m'approchai du luminaire, m'agenouillai et tirai sur le boîtier de* ***la triple prise*** *qui me resta dans les mains* [*G. Musso*. La Fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

291) *... Камнеломов, шагнул ко мне, снял с плеч рюкзак и вытащил из карманчика рюкзака* ***тройное зеркало****-складень и бритвенный помазок* [*С. Самаров*. Отчуждение (Электронный ресурс)].

В примере (289) наличие трех составных частей у зеркала обеспечивает его повышенную функциональность за счет большего обзора и возможности просмотра с различных ракурсов. В примере (290) наличие трех элементов повышает функциональность источника элемента питания. В примере (291) наличие трех элементов связано с представлениями о компактности, и, следовательно, об удобстве перемещения.

Подобным образом в терминах прилагательных, соответствующих русскому *тройной*, оцениваются характеристики приборов и устройств:

292) *But Henry likes the wooden bowl, the badger brush, the extravagantly disposable* ***triple-bladed razor****, with cleverly arched and ridged jungle-green handle – drawing this industrial gem over familiar flesh sharpens his thoughts* [*I. McEwan*. Saturday 2006: 57].

293) *Le Rasoir* ***triple lames*** *écologique est fabriqué à partir de pots de yaourt recyclés* [https://www.naturellement-bio.com].

294) *Ножницы* ***с тройным лезвием*** *для нарезки зелени* [https://www.pandao.ru].

В приведенных примерах реконструкция функциональных характеристик устройства для бритья и инструмента для нарезки осуществляется на базе представлений о норме (соотносимой с наличием у данных объектов одного лезвия) и дальнейшего вывода в отношении повышенного уровня функциональности и качества процесса, например, скорости.

Отметим, что наряду с рассмотренными выше прилагательными-дериватами числительных в исследуемых языках, в зависимости от языкового типа, имеются сложные прилагательные и словосочетания, функциони-

рующие в роли прилагательных, передающие точные количественные смыслы. На базе данных единиц также формируются различного рода инферентные выводы в отношении качества. Например:

295) *I was only dropping in for coffee on my way home from work. Just* ***a five-minute thing*** [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 268].

296) *– J'ai un passeport valide, même si je ne m'en sers pas. Quant au visa, de nos jours, ce n'est qu'une formalité.* ***L'affaire de dix minutes*** [*E. Richards*. L'héritage des Robeson (Электронный ресурс)].

297) «*Заказать билеты через компьютер для меня* ***пятиминутное дело****, а для мамы* ***пятидесяти пятиминутное****…*» [*Ю. Святенко*. Разрешаю себе чувствовать (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах в роли средства интерпретации качества выступает шкала времени. За точку отсчета принимается условная единица времени – «час», относительно которой осуществляется шкалирование в направлении «много» или «мало». Временной период, необходимый для совершения действия, равный пяти и десяти минутам, осмысляется как 'мало' ← → 'быстро', тогда как временной отрезок в пятьдесят минут как 'много' ← → 'долго'. Это ведет к формированию смыслов о незапланированности визита и несерьезности дела (295), несложности процесса оформления визы (296) и высокой / недостаточно высокой степени компетентности в области современных компьютерных технологий (297).

Временные показатели также могут стать основанием интерпретации внешних характеристик:

298) *Standing by the concourse book-shop, as arranged, was a tall blondish guy, about my age, but with longer, thicker sideburns and a* ***two-day beard*** [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 90].

299) *Savario sourit.* ***Sa barbe de trois jours*** *et sa tignasse noire hirsute lui donnaient l'air d'être maquillé au charbon de bois* [*J.-Ch.* Grangé. *La Ligne Noire* 2004: 36].

300) *Наконец, из-за двери показалась опухшая, заросшая* ***трёхдневной щетиной*** *физиономия санитара Владимира Кунца* [*А. Троицкий. Шпион особого назначения* (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах языковая репрезентация идеи времени с использованием традиционных темпоральных экспонентов, соответствующих русской лексеме *день*, запускает механизм порождения интерпретирующих смыслов в отношении особенностей внешнего вида человека.

Наряду с единицами измерения времени, количественный признак может быть представлен в терминах денежных единиц. Например:

301) *They're forty-nine-year old tennis players who have the body of* ***a six-million-dollar man*** [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 64].

302) *On a eu un soudain ras-le-bol des* ***sourires à cinquante mille dollars****, du jogging et du bronzage obligatoire tout au long de l'année, alors on s'est retrouvés ici...* [*J.-P. Richard*. La fille tombée d'un rêve 2008: 228].

303) *Зачем нам нужна* ***двадцатирублевая актриса*** [*В.Токарева*. Дерево на крыше 2010: 234].

Подобным образом в качестве индивидуальных эталонов интерпретации количественных характеристик могут выступать и другие единицы измерения:

304) *Ingrid gave him the* ***mega watt smile*** *she saved for television and said: 'Of course, Jack, that's what I'm here to talk about.'* [*C.Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 342].

Таким образом, определенно-количественные прилагательные как конституенты признаково-количественного вектора интерпретации качества реализуют свой интерпретирующий потенциал в отношении разнообразных качеств явлений и феноменов, характеристик человека, функциональной специфики объектов, формирующих пространство человека.

5.2. Неопределенно-количественные прилагательные как средство интерпретации качества

5.2.1. Количественно-оценочные прилагательные как средство интерпретации качества

В отличие от прилагательных-дериватов числительных, указывающих на определенное количество, количественно-оценочные прилагательные являются показателями неопределенного количества, маркерами индивидуальной оценки количественного признака. Подробная представленность данного класса прилагательных в системе языка обусловлена многообразием объектов действительности, в отношении которых реализуется их интерпретирующий потенциал.

Когнитивным основанием оценки степени количественного признака в терминах количественно-оценочных прилагательных является осмысление вариативности признака в пределах «много» / «мало», представляющих крайние точки на шкале оценки и являющихся опорой для дальнейшего формирования инферентных качественных характеристик. Индивидуальная интерпретация количественных свойств действительности в терминах прилагательных со значением количественной оценки осуществляется на основе знаний об усредненной норме, свойственной тем или иным объектам и феноменам действительности в рамках коллективных схем интерпретации.

Анализ фактического материала показал возможность формирования широкого перечня интерпретирующих характеристик на базе прилагательных количественной оценки в исследуемых языках. Идея оценки количества репрезентируется посредством целого класса оценочно-количественных прилагательных, среди которых выделяются прилагательные, уточняющие количественные признаки объектов действительности, прилагательные, способные выступать в качестве средств оценочной метафоризации количественных признаков, а также прилагательные со значением темпоральности признака. Рассмотрим их подробнее.

Количественная оценка в терминах оценочных прилагательных со значением «много» может осуществляться как в отношении отдельных качественных характеристик человека, так и реферировать к природным состояниям:

305) *She saw a photograph of Mattew, young plump, graceful, with* ***copious*** *fair* ***hair****…* [*I. Murdoch*. An Accidental Man 2003: 174].

306) *Après avoir dévoré une bonne partie de son* ***copieux petit déjeuner****, elle déposa le plateau dans l'évier et se rendit dans la salle de bains* [*M. Levy*. Vous revoir 2005: 50].

307) *За ночь выпал* ***обильный снег****, к утру резко похолодало, и теперь во дворе все искрилось и переливалось под солнечными лучами* [*Д. А. Донцова*. Бассейн с крокодилами (Электронный ресурс)].

Если в примерах (305) и (306) мнение о количестве признака, репрезентированное прилагательными *copious* и *copieux*, формирует инферентные характеристики относительно эстетических (красота волос) и физиологических (здоровый аппетит) аспектов оценки человека, то в примере (307) количество снега, описываемое в терминах прилагательного *обильный*, связано в обыденном сознании с представлениями о превышении нормы количества выпавших осадков и, например, плохой проходимостью дорог, а также проблемами в сфере общественного транспорта.

Количественно-оценочные прилагательные могут служить способом репрезентации визуальной оценки внешних свойств объектов, которые являются основой для вывода в отношении их качества:

308) *I don't want to be thinking of getting a* ***meagre*** *Tesco Value* ***chicken*** *rather than a big, fat Kelly Bronze turkey* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 8].

309) *Shirley posa l'appareil sur la table, le menton sur sa main et suivit des yeux* ***les serveuses maigres*** *et revêches qui circulaient en prenant les commandes* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 319].

310) *Но не прошли мы и ста шагов, как из-за молодого аршинного ельника, точно из земли выросши, поднялась высокая,* ***жидкая фигура*** *с овальным лицом…* [*А.П. Чехов*. Пустой случай (Электронный ресурс)].

В примере (308) на базе оценочного прилагательного *meagre* и фоновых культурных знаний о том, что все марки сети Tesco – крупнейшего британского ритейла разделены по трем ценовым категориям (Tesco Value – низкие цены, Tesco – средние цены, стандартное качество и Tesco Finest – дорогие, высококлассные товары) формируется вывод о достаточно низком качестве продукта, чему также способствует сравнение с товаром фермерского производителя Kelly Turkeys. В примерах (309) и (310) оценочные прилагательные являются основанием для интерпретации особенностей телосложения.

Заметим, что французское прилагательное *maigre* является достаточно частотным средством репрезентации как особенностей телосложения человека в целом, так и отдельных частей его тела, осмысляемых в терминах ‘меньше нормы’. Это подтверждается сравнением с такими типичными для франкоязычного сознания объектами-эталонами признака «тонкий», как гвоздь, ребро монеты или растение:

311) *Tu es* ***maigre comme un clou*** [*M. Levy*. Et si c’était vrai 2000: 90].

312) ***Mince comme la tranche d’un centime*** [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 353].

313) *Il baissa les yeux sur ce membre, detaché de lui-même, jaune, bleu, violacé, aussi* ***maigre comme liane*** [*J.-Ch. Grangé*. Miserere 2008: 147].

Оценка оплаты труда в терминах количественно-оценочных прилагательных может содержать имплицитное указание на степень материального благосостояния и уровня жизни:

314) *I was very much surprised at the revelation of the* ***meager salaries*** *that have been paid to some of them* [https://dictionary.cambridge.org]

315) *La pension que lui versait le Bureau des Affaires indiennes et le* ***maigre salaire*** *de Saraha au supermarché suffisaient tout juste à les faire vivre* [*J.-P. Richard*. La fille tombée d’un rêve 2008: 92]

316) ***Скудная зарплата*** *инженеров в конструкторском бюро мешала осуществлению грандиозных планов. Однако молодые не отчаивались* [*О. Баскова*. Ты будешь только моей (Электронный ресурс)].

Количественно-оценочные прилагательные способны реферировать и к качествам, связанным с общим уровнем интеграции человека в социальную среду, со степенью его взаимодействия с другими членами общества. Например:

317) *Crake was among the* ***scant handful of Jimmy's friends*** *that his mother liked* [*M. Atwood*. Oryx and Crake 2004: 79].

318) *Je passai en revue mentalement* ***les personnes que j'aurais pu contacter. La liste était maigre****, voire inexistante* [*G. Musso*. La Fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

319) *Никто из ее сокурсников, знакомых и* ***скудного круга друзей*** *даже не успел удивиться или осудить ее, так быстро она исчезла с горизонта* [*В. Сагаш*. Сны Вероники (сборник) (Электронный ресурс)].

Примеры (317), (318) и (319) иллюстрируют интерпретацию степень вовлеченности человека в общение с другими людьми, его способность дружить и заводить знакомства, как присущее или неприсущее человеку качество. Наличие большого количества друзей дает основание для формирования вывода о достаточной степени открытости человека, о таких присущих ему личностных качествах, как доброта, терпение, готовность в нужное время оказать помощь и т.п. Круг друзей и знакомых, интерпретируемый в терминах прилагательных, соответствующих русскому *скудный*, позволяет говорить о замкнутости человека, низкой степени проявляемого по отношению к окружающим доверия, замкнутости, или же, самодостаточности, эгоизме и т.п.

В терминах количественно-оценочных прилагательных могут также оцениваться чувства, состояния, а также отношение индивида к тому или иному явлению. Приведем примеры:

320) *With Dad gone, Christmas in our home was a very* ***meager affaire*** [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 292].

321) *La porte de la chambre s'ouvre dans un grincement funeste, elle étreint son oreiller avec force.* ***Maigre protection*** [*K.Giebel*. Juste une Ombre 2012: 505].

322) *Широкая густая борода довольно умело скрывала* ***скудные эмоции*** [*К. Нормаев*. *Хранитель историй* (Электронный ресурс)].

В примере (320) описание отношения к празднику в терминах *meager affaire* позволяет реконструировать смыслы относительно малой степени значимости и важности события. Данный смысл интенсифицируется наречием *very* со значением «in a high degree or extremely» [OALD 2000: 1440]. В примере (321) использование прилагательного *maigre* с оценочным значением «мало» в сочетании с существительным *protection* способствует реконструкции ощущаемого человеком чувства незащищенности и страха. В примере (322) оценка низкой степени эмоциональности человека свидетельствует о таких присущих ему качествах, как, сдержанность, спокойствие, равнодушие, скрытность и т.п.

Количественная оценка признака по линии «много – мало» может быть репрезентирована прилагательными, семантика которых формируется на базе рефлексии индивида над различными абстрактными феноменами. Бинарные оппозиции смыслов типа 'щедрый' / 'скупой', 'сильный' / 'слабый' и т.д. становятся основой процесса оценочной метафоризации степени признака и формирования интерпретирующих смыслов в отношении качественных характеристик. Приведем примеры:

323) *And Molly was always* ***generous of heart and thought*** [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 64].

324) *Ils n'ont jamais trop su quoi dire. Lui, le compagnard un peu bourru,* ***avare de paroles*** *et d'éffusions* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 190].

325) *Натали оказалась привлекательной высокой брюнеткой,* ***скупой на эмоции и слова*** [*М. Брикер*. Горькая долче вита (Электронный ресурс)].

В примере (323) на базе прилагательного *generous* формируется мнение о человеке, которому свойственны лучшие человеческие качества – доброта, сердечность, ум и т.п. В примерах (324) и (325) репрезентация признака количественно-оценочными прилагательными *avare* и *скупой* ведет к осмыслению количества признака в направлении уменьшения от усредненной нормы и формированию представлений о замкнутом, закрытом (324) и сдержанном, возможно, слишком скромном человеке (325).

Количественно-оценочные прилагательные как средство оценочной метафоризации также могут быть мотивированы представлениями о силе, которые коррелируют со смыслом ‘много’, а также представлениями о слабости, соотносимыми со смыслом ‘мало’. Например:

326) *As cousin Mary is quick to remind me, statistical studies have also proven beyond the shadow of a doubt that drowning rates in America are highest in geographical areas with* ***strong ice cream sales*** [*E. Gilbert*. *Commited* 2011: 149].

327) *Le risk est très* ***faible*** [*M. Levy*. Et si c’était vrai 2000: 125]

328) *Longho avait raison. Il y avait de* ***fortes chances*** *que les Affaires étrangères soient sur le coup* [*J.-Ch. Grangé*. Miserere 2008: 178].

329) ***Пульс был слабым****, как будто маленькая птичка билась в силках и не могла улететь* [*Е. Щепетнов*. Слава. Звездный волк (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах репрезентация результата оценки количества в терминах прилагательных, соответствующих русским прилагательным *сильный* и *слабый*, позволяет реконструировать инферентные характеристики относительно высокого спроса на продукт и его популярность (326), высокой степени осуществления задуманного (327), степени вероятности предполагаемого (328), а также тяжелого физического состояния человека (329).

Важно подчеркнуть, что формирование количественных смыслов зависит от интерпретируемой ими области. Использование этих же прилагательных в роли средства интерпретации интеллектуальных характеристик человека проиллюстрируем следующими примерами:

330) *At least, along with a group of fellow odd men out at Magdalen, I thought I was* ***strong in the discipline*** [*J. Fowles*. The Magus 1965: 13].

331) *Il est très* ***fort sur les questions économiques*** [LLDLF 2002: 775].

332) *Папа у Васи* ***силен в математике****, учится папа за Васю весь год* [*В. Ю. Драгунский*. Денискины рассказы (сборник) (Электронный ресурс)].

В примерах (330), (331) и (332) на основе используемых во вторичной функции количественно-оценочных прилагательных *strong*, *fort* и *сильный* формируется инферентный вывод о способном и одаренном в той или иной сфере человеке, обладающем специальными расширенными знаниями.

Заметим, что для русской культуры как культуры бытийного типа, представители которой склонны к пассионарности, наблюдению и смирению с силами природы, представления о *силе* оказываются связанными с идеей неподконтрольности человеческих чувств и эмоций. Любовь, ненависть, желание, тоска и другие чувства воспринимаются как действующие извне феномены. Например:

333) *Но, когда он возвращался с кладбища,* ***его взяла сильная тоска*** [*А.П. Чехов*. Скрипка Ротшильда (Электронный ресурс)].

Ценностный статус понятия силы для франкоязычного сознания обнаруживается в динамичном характере концептуализации состояния, степени его интенсивности:

334) *...****mon amour plus fort*** *que les ouragans et les tempêtes, les siroccos et les tramontanes, les vents du nord et tous les vents d'est...* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 186].

В примере (334) представление о силе любви человека представлено сравнением с силой и мощью таких природных явлений, как ураган, буря, ветер.

Данные примеры позволяют говорить о том, что, высказанная И.А. Мельчуком в 70-х годах прошлого столетия идея о существовании различных лексических функций, сохраняет свой экспланаторный потенциал и в рамках когнитивного направления исследований. Эта идея подтверждает тезис о на-

личии дополнительных смыслов, глубинных содержательных элементов, конституирующих те или иные понятия. Одной из таких функций является функция **Magn** (лат. *magnus* «большой») – обозначение высокой степени, интенсивности (≈ очень) самой ситуации [Мельчук 1974: 89]. Следовательно, наличие элемента ‘сила’ в структуре количества обусловливает глубинные смысловые приращениям за счет подключения функции **Magn.** Результатом этого процесса становится синкретичное представление о большом количестве и о максимальной степени проявления интенсивности, указывающим на то, что смысл ‘сила’ представляет собой способ представления параметра **Magn**, т.е. «много», «в большой степени», «крайне».

Оценочная семантика прилагательных формируется и в связи с представлениями о норме как точке на шкале, относительно которой реализуется шкалирование признака. Так, нормативное количество признака соотносимо с представлениями о здравом смысле. Например:

335) *I will offer three men a first-class dinner, a room with clean sheets and fresh eggs and coffee in the morning, all for* ***a reasonable price*** [*S. Faulks*. Birdsong 1994: 315].

336) *Le modèle s’appelait Ignace et affichait* ***un prix raisonnable*** *: cinquante-deux euros* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 278].

337) *– Настя, успокойся, – миролюбиво проговорила Марина. –* ***Цена*** *вполне* ***разумная*** *за те сведения, которые я прошу озвучить* [*И. Хрусталева*. Облом нечаянно нагрянет (Электронный ресурс)].

В приведённых примерах *reasonable price* (335), *un prix raisonnable* (336), *разумная цена* (337) означают оценку нормального, достаточно приемлемого, по мнению субъекта, количества.

Подобным образом в связи с представлениями о разуме может осмысляться и количество пространственного признака, необходимое для формирования инферентных смыслов о расстоянии, достаточном для наличия у индивида чувства безопасности и / или свободы:

338) *When they assumed that they had put* ***a reasonable distance*** *between them and the camp, they stopped stripped off the smelly black-dyed long underwear, then washed each others' face with a handkerchief before dressing in the darkness* [*R. J. Laplander*. The True Story of the Wooden Horse (Электронный ресурс)].

339) *Elle reste* ***à une distance raisonnable*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 280].

340) *Помните, что* ***разумная дистанция*** *необходима даже при самом тесном союзе* [*Д. Крашенинникова*. Самая лучшая жена (Электронный ресурс)].

Заметим, что градация пространственного признака может быть репрезентирована прилагательными, семантика которых мотивирована абстрактными качествами. Сравним:

341) *The only one from whom the Don kept* ***a chilly distance*** *was his seventh guest, the near-dwarf Paco Valdez* [*F. Forsyth*. The Cobra 2011: 83].

342) *I didn't want any of that kind of trouble, and to keep* ***a cordial distance*** *would be best* [*M. Atwood*. Alias Grace 1997: 255].

343) *... Charles s'appuyait sur son coude et s'allongeait près d'elle à une* ***distance respectueuse*** [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 94].

В примере (341) на базе прилагательного *chilly* как средства оценочной метафоризации признака инферируется чувство неприязни одного человека к другому, обусловливающее его пространственную отстраненность. В примере (342) использование прилагательного *cordial* способствует выводу в отношении намерения поддерживать теплые отношения. В примере (343) в качестве «инструмента измерения» расстояния выступает чувство уважения к человеку. Приведенные примеры еще раз свидетельствуют об отсутствии четких границ между категориями, их корреляциях, о гибкости сознания, проявляющейся в вариативности языковой интерпретации.

Если разум, принимаемый в качестве ориентирующей поведенческой нормы, олицетворяет собой нормированное количество, то отклонение от

нормы по шкале в направлении «много – очень много» соотносимы с идеей о безрассудстве, а также глупости, как противоречащих разуму и здравому смыслу. Приведем примеры:

344) *The old woman remembered a swan she had bought many years ago in Shanghai for a* ***foolish*** *sum* [*Amy Tan*. The Joy Luck Club 1998: 17].

345) *Chaque jour qu'il passe dans nos murs nous coûtent* ***une somme folle*** [*Max-Maxence*. Meurtres à Cogne-sur-la-Vieille (Электронный ресурс)].

346) – *Да ведь это* ***сумасшедшие деньги****, – задумчиво произнёс Кузьма. – Я столько и в руках не держал* [*В. Распутин*. Повести 1976: 565].

В примерах (344), (345) и (346) прилагательные *foolish, folle, сумасшедшие,* осуществляя вторичную функцию оценки, становятся основанием для вывода о неразумно большой сумме денег.

Следует отметить, что здравый смысл коррелирует с положительной оценкой, поскольку нормы, фиксированные обществом, вызывают одобрение и положительные смыслы. Кроме того, в системе ценностей, формирующих нормативную картину мира представителя любой культуры, большое количество чаще признается желательным, а малое – чаще нежелательным. Однако необходимо указать на отсутствие универсальной интерпретационной модели «много ←→ хорошо», «мало ←→ плохо», поскольку *много* не всегда соотносимо с 'хорошо', сравним: *много проблем, много ошибок* ≠ 'хорошо', так же, как и *мало*, не всегда соотносимо с 'плохо': *мало проблем, мало ошибок* = 'хорошо'. Следовательно, область определения и качество интерпретируемого объекта или феномена (положительного или отрицательного с точки зрения человека) регулируют процесс оценки в терминах «много / хорошо», «мало/плохо». Приведем примеры:

347) *We charged two-thirds shop retail price and split it down the middle. It was very* ***good money*** [*S. Faulks*. Engleby 2008: 75].

348) *Jouer bon jeu,* ***bon argent****, sérieusement!* [*Dictionnaire portatif de la langue française* (Электронный ресурс)].

349) *Часы эти Бруно очень нравились, и он предлагал за них* ***хорошие деньги****, но Ларри отвечал: их снимут только с моего трупа* [*А. Орлов*. Западня (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах на основе оценки количества денежных средств в терминах прилагательных *good*, *bon*, *хороший* формируется мнение о выгодной сделке (347), удачной игре (348) и значимости предмета желания (349).

Смысловые корреляции ‘хорошо ←→ количество ←→ качество’ имплицированы в словосочетаниях типа *хорошая книга* (*good book*, *bon livre)*, *хороший ученик (good student, un bon élève*), отражающих универсальную модель соотношений, поскольку *хорошая книга*, т.е. книга высокого, хорошего качества – это всегда результат большого интеллектуального труда, а *хороший ученик* может быть не столько одаренным, сколько много работающим.

Э. Фромм считает, что «понятия «хорошего» и «плохого» относятся к пользе предмета для меня. Вещь называют хорошей, если она хороша для человека, который ею пользуется. И в отношении человека может быть применен тот же критерий ценности» [Фромм 2012: 25]. Из этого следует, что объект, оцениваемый индивидом как «хороший», обладает, например, необходимым функциональным потенциалом, удовлетворяющим всем требованиям индивида. Соответственно, оценочный термин «хороший человек» подразумевает определенный набор качественных характеристик, необходимых для нормального взаимодействия с другими членами общества:

350) *– Есть другой вариант, – спокойно продолжал он. – Ты не едешь отдыхать, но на эти деньги мы покупаем тебе компьютер.* ***Хороший мощный компьютер с большой периферией и пакетом программ*** [*А. Маринина.* Смерть ради смерти (Электронный ресурс)].

351) *Жил себе* ***хороший человек: заботливый муж и идеальный начальник****, и вдруг решил свести счеты с жизнью таким образом?* [*В. Константинова*. Плохой хороший человек (Электронный ресурс)].

Отдельно отметим довольно частотное для современного английского языка выражение *in good supply*, реализующее значение «в значительном количестве», «много». Лексема *supply* в данном сочетании может рассматриваться в качестве одной из «условных единиц» сегодняшнего общества потребления, в котором «… позиции и поведение нас, «людей Запада», … так глубоко отмечены эрой супермаркета, торгового комплекса и рекламного образа…» [Бодрийар (Электронный ресурс). Приведем пример:

352) ***Bears were in good supply****, and the road became a nightmare. He became a primitive killer lusting for the blood of enemy, and up to this moment he had no enemies* [*J. Steinbeck.* Travels with Charley in Search of America 1961: 147].

В примере (352) количество диких животных, оценивающееся с позиций человека как превышающее норму количество, ведет к осмыслению небезопасности дороги для человека или о превышающей разумную степень вторжения человека в природу.

Прилагательные *good / bon* могут также репрезентировать представления о довольно значительном временном промежутке:

353) *Brian and I had gotten back into the office about nine thirty and had spent* ***a good part of the day*** *trying to set up a task force* [*J. R. Brice*. The Rosebud Report (Электронный ресурс)].

354) *Lauren avait dormi* ***une bonne partie de l'après-midi*** [*M. Levy*. Et si c'était vrai ... 2000: 29].

Отметим и обусловленность количественной оценки в терминах прилагательных этнокультурными доминантами, сформировавшимися в рамках различных культур. Проиллюстрируем в этой связи оценку количества в терминах английского прилагательного *handsome*, соответствующего русскому *красивый*:

355) *He felt relaxed and fit after two months enjoying the undeniable pleasures of the Lebanon and the, for him, even greater pleasure of supervising the*

transfer of ***a handsome sum of money*** *from a bank in Beirut to another in Switzerland* [*F. Forsyth*. The Day of the Jackal 2011: 36].

356) *Pourtant la paie était* ***joviale*** *et les conditions de travail confortables* [*K. Pancol*. Les ecureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 116].

357) *Оказалось, времена тоже могут меняться, а техника стареет, даже если находится на длительном хранении. Одно перечисление различных неполадок займет* ***добрую часть*** *дня* [*А. Волков*. Время отмщения (Электронный ресурс)].

Анализ сочетаемости лексемы *handsome* на основе базы данных Британского Национального корпуса (BNC) позволяет выделить *HANDSOME* в качестве одного из концептуальных признаков концепта GENTLEMAN, представляющего значимое для английской культуры понятие. Отличающийся воспитанностью, вежливостью, сдержанностью, истинный джентльмен обязан соблюдать правила, приписываемые культурной доминантой UNDERSTATEMENT, как своего рода «кодексом чести джентльмена». Это обусловливает наличие концептуальных связей *GENTLEMEN* ←→ *HANDSOME* ←→ *UNDERSTATEMENT*, а присущие джентльмену благородное происхождение и финансовая обеспеченность, щедрость и великодушие, объясняет наличие концептуальных связей *GENTLEMEN* ←→ *HANDSOME* ←→ *PLENTIFUL* ←→ *GENEROUS*. Таким образом, количественная оценка в терминах *handsome* соотносима с идеей ‘много’ и являет собой образец рациональной оценки, свободной от эмоций и согласующейся с коммуникативным регулятивом *UNDERSTATEMENT*.

Доминанта французской культуры JOIE DE VIVRE, раскрывающая мажорное отношение французов к жизни и умение наслаждаться ею абсолютно во всех проявлениях, обусловливает возможность осмысления количества в связи с ощущениями веселья и радости. Количественная оценка оплаты труда репрезентирована в примере (356) прилагательным *jovial*, которое относится к т.н. «сенсорным словам», имеющим визуальные (перцептивные) прототипы, т.е. их референты доступны чувственному восприятию [Кошелев 2015:

138]. Образ весёлого человека, ощущающего радость жизни, способствует осмыслению количества по линии «много», поскольку радость от жизни (JOIE DE VIVRE) в полной мере можно вкусить, в том числе, и при достаточном количестве денежных средств. В примере (357) представление о количестве «оформляется сознанием» в связи с представлениями о таком отвлеченном понятии, как добро, в свою очередь соотносимым со смыслом ‘много’. Использование прилагательного *добрый* обусловлено склонностью русского человека «… смотреть на мир и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия» [Лихачев (Электронный ресурс)], поскольку ДОБРО представляет собой одну из ценностных доминант русской культуры.

Оценочная метафоризация в терминах прилагательных может быть также мотивирована представлениями об окружающей человека природе, знанием ее характерных свойств и особенностей, наблюдениями за природными процессами. Например:

358) *The linguistics side of it hasn’t been* ***fruitful*** *yet because the people writing about the basis of language don’t seem to be able to write* [*S. Faulks*. Engleby 2008: 24].

359) *La matinée de jeudi fut* ***fructueuse*** [*M. Levy*. Et si c’était vrai ... 2000: 207].

360) *... еще нет даже половины девятого и московские дороги более или менее движутся, - предвкушая длинный и* ***плодотворный день*** [*Е. Чалова*. Охота на купидона (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры (358), (359), (360), демонстрирующие оценку качества деятельности человека, указывают на универсальность способов осмысления количества представителями различных лингвокультур в связи с вторичной интерпретацией знаний о земном плодородии.

Сквозь призму временного периода, необходимого для вызревания съедобной части растения, т.е. его плода, метафорически оценивается возраст человека:

361) *When he came back to the bedroom there was* ***a man*** *standing there:* ***mature****, with grey hair, medium height, wiry build. He smiled a friendly grin, very American* [*F. Forsyth*. The Cobra 2011: 176].

362) *Lorsqu'elle entra dans la pièce, l'un des docteur,* ***une femme d'âge mur****, se dirigea vers elle, demandant à lui parler en particulier* [*M. Levy*. Et si c'était vrai ... 2000: 100].

363) *Вспомнила, что, разрешив Ивану Ивановичу Бецкому представить его ей сегодня, во время праздника, она и не думала увидеть* ***человека зрелого возраста*** [*В. Соловьев*. Волхвы. (Электронный ресурс)].

Источником оценочного мнения в отношении степени признака могут стать и знания в области истории:

364) *Then he went back to his* ***spartan lodgings*** *to pray and pray and pray for forgiveness* [*F. Forsyth*. The Cobra 2011: 171].

365) *Ma* ***chambre*** *était effectivement «modeste», voire* ***spartiate*** [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 265]

366) *Когда стала тяжеловато переносить* ***спартанские условия*** *в экспедициях, перешла сначала на научную, а потом на административную работу…* [*Ф. Незнанский*. Объявляется посадка на рейс… (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах актуализация смыслов 'недостаточность', 'меньше нормы', 'ограниченность' обусловлена знаниями о том, что в Древней Спарте детей осознанно воспитывали в условиях, достаточных исключительно для выживания. Считалось, что только таким образом можно сформировать в человеке силу духа, терпение, выдержку и волю. Подобного рода оценка позволяет провести инферентный вывод в отношении качеств человека: 'непритязательный', 'терпеливый', 'скромный' и 'сдержанный в своих запросах человек' и т.д.

Подключение концепта ВРЕМЯ дает основание для интерпретации количества признака с точки зрения его частотности. Оценочные прилагательные, значение которых отражает синтез концептов КОЛИЧЕСТВО и ВРЕМЯ,

другими словами, кванторные прилагательные, образуют сочетания с существительными, являющимися периферийными членами категории предметность, формирующими свое значение в зонах пересечении категорий предметности и процессуальности. Приведем примеры:

367) *Rodin permitted himself one of his* ***rare smiles*** *at the thought of what would ensure if Victor became nervous with the heavy Colt under his left armpit* [*F. Forsyth*. The Day of the Jackal 2011: 39].

368) *Il avait de belles dents; mais, contre l'habitude de ceux qui possèdent cet avantage,* ***le sourire rare*** [*A. Dumas*. *Mes mémoires* (Электронный ресурс)].

369) *Создавалась особая манера говорить – жалостная, тихая, причем,* ***редкая улыбка*** *показывалась, как луч солнца среди туч, после которого, как известно, становится еще грустнее* [*Л. Андреев*. *О российском интеллигенте* (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры иллюстрируют б*о*льшую семантическую близость данных прилагательных к наречиям меры и степени, поскольку доминантным признаком оцениваемых ими существительных, является признак «процессуальность», а не «предметность». Градация признака осуществляется в рамках оценочной шкалы времени, образная схема которой представлена противоположными точками-смыслами «часто» / «редко». Не присущая человеку тенденция часто улыбаться ведет к реконструкции инферентных качеств, связанных с низкой степенью проявления эмоциональности человека, сосредоточенностью и серьезностью, а также состоянием грусти, тоски и т.п.

Оценка признака в терминах, соответствующих русскому прилагательному *постоянный*, может служить основанием для вывода в отношении уточнения характерных особенностей и склонностей человека. Например:

370) *Babs, who is* ***an episodic rather than a perpetual shopper****, looks forward, perhaps a little apprehensively, to taking her borrowed daughter on a shopping spree* [*M. Drabble*. The Red Queen 2005: 344].

371) *Chez une certaine Mme Keitel, une Autrichienne jovial qui n'avait ni cou ni menton, mais* ***un sourire perpétuel*** *gravé dans trois collier de graisse* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 385].

372) *Мужа ее* ***постоянная улыбка*** *раздражала, он хмурился, глядя на ее сияние, спрашивал, чему это она так радуется…* [*Л. Улицкая*. Певчая Маша (Электронный ресурс)].

В примере (370) прилагательные *episodic* и *perpetual*, уточняющие количественный признак агентивного существительное *shopper*, позволяют охарактеризовать человека в терминах «несклонный к частому посещению магазинов». В примерах (371) и (372) темпорально-оценочная характеристика улыбки человека при помощи прилагательных *perpétuel и постоянная*, указывающих на значительное превышение нормы, дает основание для формирования таких интерпретирующих характеристик, как 'добродушный', 'открытый' и т.п., или же, 'глупый', 'недалекий' и т.п.

Подводя итог, отметим, что, функционирование в языке количественно-оценочных прилагательных обусловлено индивидуальной интерпретацией количества признака в отсутствии возможности или необходимости точной квантификации. Оценочные дескрипции в терминах количественно-оценочных прилагательных формируются на основе чувственных ощущений в рамках индивидуальных интерпретационных шкал.

Представляя собой разряд оценочных слов, в семантике которых присутствует компонент степени признака, количественно-оценочные прилагательные способны реализовывать свою вторичную функцию в отношении количественной интерпретации качества. Метафорическая модель переноса одной области на другую или оценочная метафоризация дает основание для интерпретации качества на базе количественных показателей, связанных с представлениями о щедрости, скупости, слабости, силе и т.п. Рассмотренные выше количественно-оценочные прилагательные отражают тесную связь концептов ОЦЕНКИ, КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА. Основными когнитив-

ными механизмами формирования мнения о качестве являются когнитивные механизмы сравнения, шкалирования и концептуальной метафоры.

5.2.2. Параметрические прилагательные как средство интерпретации качества

Отдельный класс оценочно-количественных прилагательных составляют параметрические прилагательные, характеризующие размеры объектов.

Объекты окружающего мира человек воспринимает одновременно с их ингерентными свойствами, в том числе, и с количественными признаками как характеристиками базового уровня, связанными с такими параметрами, как величина, размер, длина, высота, ширина, глубина и т.д. Тесная связь концептов КОЛИЧЕСТВА и ПРОСТРАНСТВА обнаруживает себя в наличии в языке параметрических прилагательных, мотивирующей основой семантики которых являются сформированные в процессе познания представления о размерных свойствах объектов: «большой» / «маленький», «высокий» / «низкий», «длинный» / «короткий» и т.д. Различие между данными парами размерных прилагательных маркировано противопоставлением «больше / меньше нормы», при этом за норму принимается «средняя степень проявления названного признака у представителей данного класса объектов» [Теория функциональной грамматики… 1996: 138]. Представления о норме проявления размерного признака формируются на основе принятых коллективных схем знаний и собственного опыта индивида, которые являются когнитивной опорой для оценки параметров в перечисленных выше терминах. Подобного рода параметрические оценки являются ключевым элементом категоризации действительности, важным звеном процесса формирования концептуальной системы человека и картины мира в целом. Кроме того, в процессе параметризации происходит одновременное осмысление качественных свойств измеряемых феноменов, что позволяет считать параметрические прилагательные значимым конституентом признак-количественного вектора интерпретации качества.

Общей концептуальной основой семантики параметрических прилагательных является базовая оппозиция смыслов ‘много’ / ‘мало’ как точек, в пределах которых формируются оценочные значения. Категория размера относится к градуированным категориям. Градация и дальнейшая интерпретация базируются на стереотипных представлениях о норме, присущей той или иной области интерпретации, а когнитивные механизмы шкалирования и воображаемого движения обеспечивают оценку в рамках различных условно выстраиваемых шкал. В зависимости от интенций субъекта интерпретации и / или доступности объекта зрительному восприятию шкалы могут быть условно ориентированными относительно любого из измерений, составляющего объективную геометрическую модель устройства мира.

Анализ фактического материала показал значимую роль параметрических прилагательных в оценке размерных характеристик, как самого человека, так и предметов, формирующих пространство человека. Так, в терминах параметрических прилагательных подробно репрезентируются в языке совокупность анатомических свойств, определяющих пропорции тела человека и отдельных его частей, а также присущие человеку характерные особенности внешности, которые являются основой для инферирования разнообразных качественных признаков. Выбранный критерий количества, репрезентированный параметрическими прилагательными, отражает операцию сравнения с нормой, формируемой представлениями об антропометрических показателях среднестатистического человека.

Прежде всего, отметим, что в ходе зрительного восприятия параметрическая оценка человека может осуществляться комплексно. В этом случае формируется мнение о занимаемой человеком части пространственного континуума, оцениваемой в связи со смыслами ‘мало’ / ‘много’. Например:

373) *Megan was* ***small*** *and blond like her mother* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 13].

374) *En se réveillant à moitié dans la nuit elle se rappela juste que cet homme était* ***grand****...* [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 20-21].

375) Быстро сыграв бравурное вступление, ***маленький человек*** *неожиданно сильным голосом запел фривольные куплеты* [*В. Веденеев*. Человек с чужим прошлым (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах репрезентация параметрических характеристик при помощи прилагательных *small, grand, маленький* отражает результат общей трехмерной оценки, совмещающей представления о длине, высоте и ширине объекта.

Отметим наличие связи между большим / маленьким размером и формируемой эстетической оценкой: «маленький размер» в отношении женского пола чаще оценивается положительно, что обусловлено стереотипными ассоциациями относительно женской слабости, тогда как соотносимые с мужским полом представления о физической силе, коррелируют с представлениями о большом размере. Этот же принцип определяет формирование положительной оценки при движении по шкале в направлении «маленький» → «меньше»:

376) *When Felipe met Noi's mother – a* ***minuscule*** *yet somehow queenly* ***lady*** *in a worn blue sarong, introduced only as "Grandmother" – my husband to-be followed some deep personal instinct and bowed from the waist to this diminutive woman* [*E. Gilbert*. Committed 2011: 184].

377) *Un Japonais à cheveux blancs lui tendit un appareil photo, puis alla se placer auprès de sa* ***minuscule*** *épouse…* [*J.-P.Richard*. La Fille tombée d'un rêve 2008: 60].

378) *В центре, окруженная зверями, какие не могут соседствовать друг с другом не только в природе, но даже в зоологическом саду, стояла* ***крошечная смуглая женщина*** *с птичьей клеткой в руке* [*Л. Юзефович*. Поздний звонок (Электронный ресурс)].

Общая параметрическая оценка как результат зрительного восприятия может быть представлена прилагательными, соответствующими русским прилагательным *стройный, худой*:

379) *But before I even have time to fully consider my options, the door bursts open and a beautiful and impossibly* ***slender*** *woman crashes into the room…* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 102].

380) *Et ils restèrent une longue minute appuyés, chagrin contre chagrin, les bras de Shirley autour du* ***torse mince*** *du garcon obligé de jouer l'homme…* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 327].

381) *У меня есть подруга, врач, которая сама* ***худая*** *и очень критично относится к лишнему весу* [*Е. Вайз*. Худая и счастливая. Моя диета – есть досыта (Электронный ресурс)].

Если в примере (379) особенности телосложения, репрезентированные прилагательным *slender*, могут, например, свидетельствовать о «модельной» внешности женщины, то в примере (380) движение в направлении «меньше нормы» указывает на недостаточную массу тела молодого человека, его излишнюю худобу, способствуя инферентному выводу в отношении состояния его здоровья. В примере (381) прилагательное *худой* является не только основанием для интерпретации особенностей телосложения человека, но и образа жизни в целом.

Заметим, что когнитивной опорой для оценочной метафоризации в отношении стройного телосложения человека могут служить объекты-эталоны признака. Например:

382) "*I can't picture it. I was* ***thin as a rail*** *growing up, but I like to eat"* [*G. Hill*. Moonlight Avenue (Электронный ресурс)].

383) *Elle jeta un regard exaspéré à l'homme assis en face d'elle*. ***Mince comme la tranche d'un centime*** [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 353].

При этом границы положительно и отрицательно оцениваемых признаков *стройный, тонкий* → 'красивый' и *худой, тощий* → 'некрасивый' оказываются довольно размытыми. Сравним:

384) *Русская, русоволосая, голубоглазая,* ***тонкая, как молодая березка***. *Сама Россия* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 6].

385) *Красота ее не спасет, да и никто Зинку у нас принцессой не считает, лоб ведром, глаза вразлет, губошлепка,* ***тощая как грабли****…* [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 186]

Наряду с адъективной параметризацией общего характера, возможна и более детализированная адъективная параметризация, отражающая количественные характеристики, присущие отдельным частям тела. Например:

386) *He's* ***narrow-shouldered****,* ***long torso****,* ***short legs****…* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 73].

387) *Râblé,* ***le torse large****,* ***jambes arquées*** *: tout en l'homme respirait la puissance, la solidité, la violence* [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 87].

388) ***Широкие бедра*** *на* ***коротких ногах, круглое лицо,*** *второй подбородок похожий на коровье вымя* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 83].

Примеры (386), (387) и (388) иллюстрируют формирование вывода о внешнем облике человека на основе общего представления о пропорциональном / непропорциональном соотношении количественных показателей отдельных частей тела человека.

Поскольку представления о желательных параметрических данных и пропорциональных соотношениях тела мужчин и женщин разнятся, то инферентные интерпретирующие характеристики относительно качественных признаков, формирующиеся на базе количественных показателей, имплицированных в параметрических прилагательных, обнаруживают свою зависимость от стереотипных норм как коллективных схем знаний. Так, широкие плечи традиционно соотносимы с мужскими параметрическими стандартами и нормами: Например:

389) *He was a tall, handsome boy who had slipped unnoticed into manhood, with* ***broad shoulders****, a deep voice, her green eyes, and his father's dark hair* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 38].

390) *Mathilde Wilcrau était une grande femme* ***aux épaules larges****, au sourire rayonnant* [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 116].

391) *Я казался себе сильным,* ***широкоплечим****, молодцеватым парнем* [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 31].

В примерах (389) и (391) оценка ширины плеч мужчины, репрезентированная сочетанием *broad shoulders* и прилагательным *широкоплечий*, позволяет соотнести данные показатели с мужскими эталонными нормами. В примере (390) количественная оценка верхнего отдела тела женщины (ширины плеч) в терминах, соответствующих русскому прилагательному *широкий*, способствует выводу в отношении в целом крупного телосложения, а также дает основание для формирования таких инферентных качеств, ‘атлетичная’, ‘спортивная’, ‘сильная’.

В отношении женского телосложения также существуют фиксированные сознанием стереотипные представления, являющиеся коллективными схемами, обусловливающими интерпретацию количественных показателей:

392) *Her* ***legs*** *were* ***long*** *and slim* [*C. D. Smith*. The House of the Faun. (Электронный ресурс)].

393) *... il aimait deja à la folie ... la longue ligne de sa torse et puis cette taille si fine et puis ces hanches étroites et* ***ses longues jambes*** *et ce long cou* [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 87].

394) *Молчанова подошла ближе к высокой открытой конторке, за которой работала девушка* ***с длинными ногами*** *...* [*М. Нестеров*. Агент силовой разведки (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах параметрическая оценка отдельных частей тела дает основание для вывода в отношении стройности и красоты женщины, что обусловлено наличием в коллективном сознании определенных эстетических взглядов и ценностей.

В целом, визуально воспринимаемые размерные характеристики отдельных частей тела, вносят свой вклад в формирование общего мнения о телосложении:

395) *He wrapped his* ***long arms*** *around her and held tight* **[***J. Young*. The Long Gravel Road (Электронный ресурс)].

396) *Et comme il ne répondait pas, qu'il fixait au contraire le drap du lit, il vit une* ***longue main*** *aux* ***longs doigts*** *et aux ongles ovales entrer dans son champ de vision* ... [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 41].

397) *У Борьки были* ***короткие толстые пальцы*** *и короткие, но ухоженные ногти… А пальцы, в идеале, должны быть тонкими и* ***длинными****. Если пальцы короткие – это минус человеку* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 39].

В примерах (395), (396), (397) оценка параметров отдельных частей тела человека в терминах прилагательных *long, longue, longs, длинный, короткий* одновременно указывает на общую специфику телосложения человека, что обусловлено корреляциями «длинный ←→ худой», «короткий←→ толстый».

Кроме того, такие количественные характеристики, как длина пальцев, а также ширина ладони обычно связаны со стереотипными представлениями об уровне профессиональной пригодности в определенной сфере деятельности. Наличие тонких и длинных пальцев, а также широкой ладони, считается, например, не обязательным, но желательными для такой, профессии, как пианист, поскольку оно влияет на его функциональный потенциал:

398) *The sea of neural misery is wide and deep. These hands are steady enough, but they are* ***large****. Had he been* ***a proper pianist*** *– he's dabbled inexpertly –* ***his ten-note span*** *might be of use* [*I. McEwan*. Saturday 2006: 19].

Стереотипные нормы действуют и в отношении оценки отдельных частей лица человека. Например:

399) *Charmaine had a fresh look: the clients liked sweet,* ***big-eyed,*** *kiddie-faced blondes like her* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 40].

400) *Elle avait deux* ***grands yeux*** *bleus. Deux grands lacs de glacier comme sur les photos dans son livre de géographie* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 90].

401) *Джон Леннон поет, и Лена вдруг видит, какое красивое лицо у Александра:* ***большие*** *синие* ***глаза****, впалые виски, как у породистого коня* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 64].

В представленных примерах оценка размера глаз в терминах прилагательных, соответствующих русскому *большой*, обусловливает вывод в отношении их красоты.

Высокая степень раскрытия глаз, может реферировать и к определенным состояниям. Например:

402) *'You are?' he looks a bit* ***wide-eyed*** *at that* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 32]

403) *Il me* ***faisait les gros yeux*** [*A. Gavalda*. Je l'aimais 2002: 65].

404) *Зачем мелочь тыришь? – Напалкова сделала* ***большие глаза*** [*Д.А. Донцова*. Зимнее лето весны (Электронный ресурс)].

В примерах (402), (403) и (404) *wide-eyed, gros yeux* и *большие глаза* указывают на реакцию удивления и обусловленный этой реакцией мимический ответ.

Эстетическая оценка работает и в отношении размеров носа. Так, с точки зрения представителей англо-, франко- и русскоязычного лингвокультурных сообществ маленький размер носа сопряжен с оценкой 'красивый', 'аккуратный', а большой и крупный оценивается соответственно, как 'некрасивый':

405) *Perowne thinks he sees in her face a reminder of his daughter's delicate oval, the* ***little nose*** *and elfin chin* [*I. McEwan*. Saturday 2006: 60].

406) *Vingt-huit ans,* ***un petit nez*** *rose, des mèches blond-châtain voletant devant les yeux* [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 35].

407) *... и около двух часов увидели мы, что за столом в одном деревянном открытом бараке сидит* ***большеносый*** *человек в папахе и синем костюме…* [*А.С. Грин*. Избранное1987: 92].

Параметрические прилагательные как средство репрезентации длины волос также являются источником инферентных качественных смыслов. Например:

408) *I wasn't a good ole boy. I drove a Triumph Spitfire and had* ***long hair*** [*J. Grisham*. The Last Juror 2004: 12].

409) *Ce cou droit et bruni sous* ***des cheveux*** *noirs* ***trop longs****, des cheveux d'homme abandonné, songea-t-elle tout à coup* [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 16].

410) *Представили: «Борис Мещерский. Художник».* ***Длинными волосами****, тонким неулыбчивым лицом он походил на Иисуса Христа…* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 215].

В приведенных примерах длина волос мужчины, представленная прилагательными, соответствующими русскому *длинный*, осмысляется как отклонение от нормы, поскольку социально обусловленный стереотип предписывает в качестве «мужской нормы» скорее коротко постриженные волосы. Этим обусловлено формирование интерпретирующих смыслов в отношении присущих человеку бунтарского духа и неприятия общественных формальностей (408), социально неблагополучного, «запущенного» человека (409), а также человека творческой профессии (410).

Формирование интерпретирующих смыслов возможно и относительно волосяного покрова лица или отдельных частей лица (ресниц, усов, бороды) человека. Например:

411) *She gave me what was meant to be a coolly audacious look between her* ***long*** *black* ***eyelashes****, then turned to deal with two women* [*J. Fowles*. The Magus 1965: 232].

412) ***De grosse moustaches de Gaulois*** *laissait filtrer une voix traînante de film d'avant-guerre* [*J.-Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 96]

413) *У нее была короткая челка и прямые черные волосы, достигавшие плеч, карие глаза с отчетливой подводкой, изогнутые брови,* ***длинные ресницы*** *и бледные губы* [*А. Макеев*. Товарищ майор (Электронный ресурс)].

В примерах (411) и (413) интерпретация качества в терминах «красивый» базируется на стереотипных представлениях о длине ресниц, указывая на корреляцию смыслов, обусловливающую модель интерпретации *длинные* → 'красивые', *короткие* → 'некрасивые'. Пример (412) реферирует к культурным традициям галлов, длинные волосы и усы (в отличие от бороды) у

которых всегда считались нормой, присущей только истинным их представителям.

В целом, количественные характеристики, репрезентируемые параметрическими прилагательными, способны реферировать к разнообразным характеристикам. Так, концептуализация состояния отклонения от нормального функционирования органа зрения может быть представлена в языке параметрическими прилагательными, репрезентирующими размер оптического прибора. Например:

414) *She would then pause, and take off the* ***huge*** *horn-rimmed* ***spectacles*** *that she had worn a version of since she was a teenager* [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 44].

415) *Il avait des traits simiesques, un nez épaté, une bouche épaisse et de* ***grosse lunettes*** *qui accentuaient encore l'effet de difformité* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 259].

416) *Он стоял спиной к вошедшим посетителям, сверкая голубоватой белизной халата, неуместной, но успокаивающей, кусал концы светлых усов и протирал замшевой тряпочкой стекла своих* ***крупных очков*** [*Л. Улицкая.* Сонечка 2007: 45].

Подобным образом, на основе визуальной оценки размера корригирующей линзы формируются интерпретационные характеристики относительно степени состояния отклонения от нормы органа зрения, поскольку толщина линзы определяет ее оптическую силу: чем слабее зрение, тем толще линза:

417) *Henry and his cousin ignored each other during the day – Mona was plump, with* ***thick lenses in her specs*** *and a missing finger, and above all she was a girl…* [*I. Mc Ewan*. Saturday 2006: 267-268].

418) ***Ses lunettes aux verres épais*** *agrandissent démesurément ses yeux et lui donnent un étrange air de chouette* [*S. de Mullenheim*. Une fée en mission secrète! (Электронный ресурс)].

419) ***Толстые стекла*** не вернули вошедшему стопроцентного зрения [*Д.А. Донцова*. *Живая вода мертвой царевны* 2012: 117].

Параметрическая оценка и других артефактов, репрезентированная в языке параметрическими прилагательными, является источником для инферентного вывода в отношении разнообразных качеств. Приведем примеры:

420) *Both were expensively dressed, and wore* ***large diamonds*** *on their hands and ears* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 100].

421) *Un trait de femme: ... un chignon banane en aile de corbeau, un rouge à lèvres hurlant et* ***de grosses boucles d'oreilles*** *dorées qui lui mangeaient les joues* [*K. Pancol*. Les écureuils de Centra Park sont tristres le lundi 2010: 195].

В примерах (420), (421) крупный размер драгоценных камней и изделий из драгоценного металла формирует вывод в отношении материального благосостояния их обладателей.

Размерные характеристики объектов содержат также имплицитную оценку их функциональных характеристик.

422) *James produced* ***a small notebook*** *and pen while Agatha talked and talked* [*M.C. Beaton*. As the Pig Turns: An Agatha Raisin Mystery (Электронный ресурс)].

423) *Il lista ce dont il avait besoin et se dit, par exemple, qu'****un petit appareil photographique numérique*** *serait le bienvenue* [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 209].

424) *... вытащил из кармана* ***маленькие****, размером с пачку сигарет, деревянные* ***счеты****, нежно погладил их и начал лихо гонять костяшки, сопровождая свои действия комментарием: – Берем килограмм картофеля…* [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 65].

В примерах (42) и (423) маленького размера записная книжка и малогабаритный фотоаппарат оцениваются как функционально пригодные для повседневного использования, ввиду удобства их переноски. В примере (424) помещающиеся в карман счеты, выступают в качестве неотъемлемого атрибута скрупулезного, бережливого, хозяйственного человека.

Параметрические прилагательные являются также значимым механизмом процесса метафорической оценочности. Осуществление данными прила-

гательными вторичной оценочной функции, указывает на их широкие возможности в отношении интерпретации разнообразных качественных характеристик. Например:

425) *He had* ***a huge heart****, and it showed* [*D. Steel*. Buglalow 2 2008: 143].

426) *Cela m'étonne de la part* ***d'un grand coeur*** *et d'un grand esprit comme vous* [*G. Sand*. Les Oeuvres choisies de George Sand (Электронный ресурс)]

427) *– С огромным удовольствием проведу с вами время, счастлив встретиться с умной и красивой дамой, обладающей* ***большим сердцем****…* [*Д.А. Донцова*. Живая вода мертвой царевны 2012: 55].

В представленных примерах оценка внутренних качеств человека, репрезентированная параметрическими прилагательными, с семантикой большого размера, обусловливает инферентный вывод в отношении человека, которому присущи лучшие качества – доброта, отзывчивость и т.п.

На основе представлений о большом размере формируются смыслы относительно важности, значимости, а также известности человека:

428) *He was one of the* ***biggest producers in Hollywood****, and the woman who had written the book was a world-class writer* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 26].

429) *De colonnes en pierre ornent la façade de la maison construite par Robert Adam,* ***le grand architecte*** *anglais du dix-huitième siècle* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 452].

430) *А* ***большой игрок*** *не станет вести переговоров со всякой мелюзгой вроде меня. Прихлопнут сразу.* [*А. Орлов*. Западня (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры иллюстрируют формирование вывода в отношении высокого профессионального уровня (428) и (429), а также значимости и влияния в определенной сфере (430).

Параметрические прилагательные являются также источником для формирования интерпретирующих характеристик, связанных с интеллектуальными уровнем, компетенциями, пристрастиями и увлечениями индивида. Например:

431) ‘*Have you read any Balzac?’ he found he had said, without thinking. Jenni shook her head in silence. Gabriel cursed himself. ‘I… I just saw you looking. Are you…* ***Are you a big reader****? ‘Nah, Not really’* [*S. Faulks*. A Week in December 2010: 84].

432) ***Grand amateur d’art*** *mais petit, mais petit budget? Ne désespérez pas. Alors que débute la saison des foires, Beaux Arts vous donne le mode d’emploi pour acheter aisement et sans complexe* [https://www.beauxarts.com/lifestyle/7-bons-conseils-pour-acheter-de-lart-sans-etre-millionnaire/].

433) Сказать, что я ***большой любитель классической музыки****, было бы преувеличением* [*Н. Александрова*. Порванная струна (Электронный ресурс)].

В примере (431) у агентивного существительного *reader* значение предметности дефокусируется, поскольку в фокусе остается значение действия. Прилагательное *big* в семантическом плане оказывается ближе к наречию, указывающему на количественную характеристику дискретного действия с точки зрения его повторяемости (много читать). Этим обусловлен вывод в отношении высокого интеллектуального уровня, широкого кругозора человека. Подобным образом, в примерах (432) и (433) сочетание существительных *amateur* и *любитель*, семантика которых мотивирована глаголом состояния *любить*, с прилагательными *grand* и *большой* указывает на интенсивность. Это ведет к формированию смыслов об уровне компетентности в области искусства (432) и музыки (433). Подчеркнем зависимость возникающих смыслов от области определения и ограничение сочетаемости данного прилагательного, обусловленное качеством объекта (сравним: *большой почитатель* таланта, но *большой редактор**).

Подобным образом оцениваются и другие феномены:

434) *The* ***big question*** *was going to be if she was willing to go to L.A. for nine months* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 30].

435) *Que ces imbécillités soient dites par ignorance ou par hypocrisie, elles étaient dites avant tout dans un* ***grand souci*** *de confort et de paix intérieure …* [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 27].

436) *Будет ли от этого кота доход –* ***большой вопрос****, а то, что будет большой расход – даже не вопрос – скаламбурил Денис* [*Д. Григорьев*. Кровь, или 72 часа (Электронный ресурс)].

В примерах (434) и (436) на основе сочетания с параметрическим прилагательным формируются смыслы, связанные одновременно со значимостью вопроса, а также с чувством сомнения и неопределенности. В примере (435) при помощи прилагательного *grand* реконструируется состояние озабоченности, связанное с поиском внутренней гармонии.

В англо- и франкоязычном сознании представления о большом размере дают развитие интерпретирующей характеристике, связанной с интенсивностью явлений, тогда как в русскоязычном сознании интенсивность связана с представлениями о силе. Например:

437) *He hurt his neck and he has a brace on it, and* ***a big****,* ***big headache*** [D. Steel Dating Games 2004: 78].

438) *L'écureuil est seul pendant* ***les grands froids*** *… dans le grand parc...* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 247].

В примере (437) прилагательное *big* обусловливает вывод относительно высокой степени болевого ощущения и общей степени тяжести состояния. Смысл 'сильная боль' формируется также за счет количественной иконичности (редупликации данного прилагательного), комплементирующей значение интенсивности проявления признака. Пример (438) иллюстрирует осмысление состояния природы, связанного с ощущением атмосферной температуры в терминах 'очень холодно'. Отметим, что в русском языке данным сочетаниям будут соответствовать *сильная головная боль*, *сильный мороз*.

На базе оппозиции «большой / маленький» выстраивается сравнение уровня интеллектуальных возможностей. Например:

439) *He had very* ***little mind****, but what he had was suffering* [*P.G. Wodehouse*. The World of Blandings 2008: 29].

440) *Une* ***grosse tête****, mais pas seulement. Premier au tir* [*J.-Ch. Grangé*. Miserere 2008: 232].

441) *Как только в твоей* ***некрупной голове*** *столько ума помещается? – восхитилась Конкина* [*Д. А. Донцова*. Аполлон на миллион 2015: 58].

Приведенные примеры иллюстрируют корреляцию смыслов и модель интерпретации «большой» / «много» → «умный», «маленький» / «мало» → «глупый».

Подобным образом формируется интерпретационная модель *большой* → ‘главный’, ‘значимый’, *маленький* → ‘второстепенный’, ‘незначимый’. Например:

442) *By the end he had named every one of the participants of Petit-Clamart, and nine others who had played* ***smaller roles*** *in the plotting stages or in procuring the equipment* [*F. Forsyth*. The Day of the Jackal 2011:20].

443) *Bien qu'elle ait commencé sa carrière au cinéma avec Christine la même année, ce n'est qu'en 1962 que Claudine Auger obtient son premier* ***grand rôle*** *: elle joue aux côtés de Jean Marais dans Le Masque de fer* [https://www.linternaute.com].

444) *И, как поется в песне Дунаевского: «Кто хочет, тот добьется»… Марусе поручили довольно* ***большую роль*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 195].

На основе параметрического прилагательного, соответствующего русскому *маленький,* инферируется смысл ‘слабый’, обусловливая наличие модели интерпретации *маленький* → ‘слабый’, ‘незначительный’. Например:

445) ***The chances*** *of remaining not only uncaught but undiscovered* ***are very small*** [*F. Forsyth*. The Day of the Jackal 2011: 57].

446) *Venir de vous, et du grand Napoléon aussi, par conséquent, de l'héroïque Victor-Emmanuel et de sa fille, qu'on dit adorable, ce n'est pas* ***une petite chance*** ...[*G. Sand*. Les oeuvres choisis de George Sand (Электронный ресурс)].

447) *Ты же под угрозой, дорогуша, и мое присутствие рядом –* ***маленький шанс,*** *что тебе все же удастся выжить* [*М. Серова*. Смерть наяву].

В приведенных примерах на основе словосочетаний, соответствующих русскому *маленький шанс* реконструируются смыслы, связанные с градацией степени проявления таких абстрактных качественных феноменов, как надежда и вера.

Отметим, что для англо- и франкоязычного сознания характерно использование параметрических прилагательных *small* и *petit* для репрезентации темпоральной характеристики, соотносимой со значением «ранний час», «раннее утро» в русском языке:

448) *For my part, I stayed awake into the* ***small hours****, my mind whirring* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 246].

449) *La pluie cessa au* ***petit matin*** [*M. Levy*. Vous revoir 2005: 299].

Средством оценочной метафоризации являются и другие параметрические прилагательные. Например:

450) *His concentration span, like hid weekly column, was* ***short*** [*M. Drabble*. The Sea Lady 2008: 16].

451) *– Les gens ont* ***la mémoire courte*** *lorsque ça les arrange* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 463]

452) ***Короткая память*** *оказалась у него* [*В. Жуков*. Маэстро, Ваш выход!].

В примерах (450), (451) и (452) на основе интерпретационной модели «короткий» →«мало»→ «плохо» происходит формирование инферентных характеристик типа ‘рассеянный’, ‘безразличный’, ‘безнравственный’ и т.д. Прилагательные *short, courte* и *короткий* как средство измерения человеческой памяти и способности концентрироваться указывают на короткий временной промежуток, в пределах которого человек в силу свой специфики может (или хочет) сосредоточиться на каком-либо аспекте (450) и хранить память о чем-либо (451) и (452).

На базе пространственной ориентационной метафоры «more is up; less is down» [Лакофф 2008: 38] формируется интерпретационная модель «выше ←→ много», «ниже←→мало». Прилагательные, соответствующие русским

«высокий» и «низкий», репрезентирующие результат движения по шкале вверх и вниз относительно положения человека в пространстве, также являются источником для инферирования качественных смыслов. Например:

453) *Argoud was now putting to use* ***high intelligence*** *that had once made him the youngest colonel in the French army and now made him the most dangerous man in the OAS* [*F. Forsyth*. The Day of The Jackal 2011: 24].

454) *Je suis persuadé de la* ***haute valeur*** *de ses traveaux* [LLDLF 2002: 888].

455) ***Высокий интеллект*** *менеджера не всегда является его конкурентным преимуществом перед менеджером, чей уровень интеллекта лишь выше среднего, к такому выводу пришли исследователи консалтинговой компании Detech* [https://www.vedomosti.ru].

В примерах (453) и (455) оценка интеллекта человека в терминах прилагательного *high* и *высокий* является результатом шкалирования в направлении «выше среднего» и дает основание для вывода целого ряда характеристик, связанных с высоким уровнем образования, незаурядных умственных способностей и т.п. В примере (454) ценность результатов работы, репрезентированная прилагательным *haute*, свидетельствует в пользу хорошего качества, значимости и важности.

В целом, образная схема «верх / низ» является источником для развития многообразных интерпретирующих характеристик. Например:

456) *... I went along to Davies Street and was interviewed by eager lady with a cultural-ridden mind and a very* ***upperclass voice*** *and vocabulary* [*J. Fowles*. The Magus 1965: 15].

457) *Il ouvrit le roman à une page cornée et lut* ***à voix haute*** [J.-*Ch. Grangé*. La ligne noire 2004: 541].

458) *Завязалась потасовка. Мальвина верещала* ***высоким голосом****, извивалась, кусалась и царапалась* [*Д. Калинина*. Призрак в кожаных ботинках (Электронный ресурс)].

В примерах (457) и (458) степень интенсивности звука связана с интерпретационной моделью «высоко →много», указывая на громкость голоса

(457), а также на степень интенсивности, осмысляемую, как ‘пронзительный’, ‘неприятный’ и т.п. (458). В примере (456) прилагательное *upperclass*, семантика которого мотивирована представлениями о социальной иерархии, становится результатом индивидуальной интерпретации ощущений, полученных от собеседника в ходе общения с ним, предоставляя основание для вывода о его чрезмерном высокомерии, сухости и правильности.

«Низ», осмысляемый обыденным сознанием в связи с представлениями о поверхности земли, также становится основанием для формирования интерпретирующих характеристик. Сравним:

459) *Everybody called me Willie and seemed to feel more comfortable because I* ***had such a down-to-earth name*** [*J. Grisham*. The Last Juror 2004: 13].

460) *C’est un* ***esprit très terre à terre****, qui ne s’intéresse à aucun art* [LLDLF 2002: 1867].

461) *Он-то был* ***приземленный человек****, и если витал в облаках, то только во сне…* [*А. Постолов*. Речитатив (Электронный ресурс)].

Приведенные примеры иллюстрируют формирование интерпретирующих характеристик, связанных с оценкой качества: ‘тривиальный’, ‘заурядный’, ‘примитивный’ и т.п.

Механизм воображаемого движения вниз по шкале является основой интерпретационной модели «глубоко» → «много», поскольку глубокий мыслится как находящийся далеко внизу. Например:

462) *In spite of the exterior appearances that most of the times lie on the account of any individual, she is a very* ***profound person****…* [*E. Delma*. The Sublime Heights of Generous Passions (Электронный ресурс)].

463) *Il y avait quelque chose en eux en tout cas, que ce soit leur* ***nature profonde*** *ou tout bêtement leur uniforme...* [*F. Sagan*. De guerre lasse 1985: 131].

464) *Конечно, можно обвинять Павлыша в легкомыслии, в том, что он недостаточно* ***глубокая натура*** *и судьба великого дела не волновала его должным образом…* [*К. Булычев*. Тринадцать лет пути (Электронный ресурс)].

Представленная посредством прилагательных *profound, profonde* и *глубокий,* оценочная характеристика человеческой природы позволяет сделать вывод в отношении таких присущих ему качеств, как цельность, основательность и т.п.

Заметим, что в русскоязычном сознании подобная оценочная характеристика также может быть мотивирована представлениями о ширине:

465) *Вера –* ***натура широкая****, но не святая* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 101].

В примере (465) оценка выстраивается на базе представлений о широких русских просторах. А.Д. Шмелев отмечает, что простор – это всегда воспринимаемое наблюдателем открытое пространство, в котором ширина присутствует в большей степени, чем высота или глубина [Шмелев 2002: 224]. Присутствующие в семантике данного прилагательного количественные характеристики, связанные с пространственными образами, позволяют ему выступать в качестве средства вторичной интерпретации качества.

Измерительная оценка посредством параметрических прилагательных, семантика которых маркирована представлениями о глубине, осуществляется и в отношении других, плохо поддающихся точной квантификации, феноменов. Реализация образной схемы «глубоко → много» позволяет интерпретировать интенсивность чувств, эмоций и других феноменов, наполняющих человека. Человек в данном случае представлен метафорической образной схемой вместилища (контейнера). Сравним: *deep love, une profonde tristesse, глубокое чувство вины* и т.д.

466) *We are naturally aware that you are filled with* ***deep fillings of anger*** *and hatred towards at least some of us* [*J. Fowles*. The Magus 1965: 456].

467) *For a moment, as she wakes, this* ***deep knowledge*** *will be with her* [M. *Drabble*. The Sea Lady 2008: 21].

468) *... il était soudain saisi* ***d'une profonde tristesse*** [*R. Gary*. Une page d'histoire 1962: 21].

469) *Par sa seule voix, il parvenait à exhumer* ***la mélancolie*** *la plus* ***profonde*** [*J.-Ch. Grangé*. Miserere 2008: 135].

470) *В этих летних слезах – стыд,* ***глубокое чувство вины*** *за невозможность исправить произошедшее…* [*Ю. Иванов*. Тот, кто придет за тобой (Электронный ресурс)].

К параметрическим могут также быть отнесены и другие прилагательные, семантика которых мотивирована знаниями о количестве как о размерном свойстве. Представляя собой средство оценочной метафоризации степени признака, данные прилагательные также являются основанием для формирования вывода о качественных свойствах объектов и феноменов. Приведем пример:

471) *… Marcella stormed up the stairs of SD International, coat flying, thinking about the cost of fixing the office plumbing. The expense would be* ***stratospheric*** [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 383].

472) *My grandmother's mother was rendered speechless by the notion of squandering* ***such an astronomical amount of money*** *on … a coat* [*E. Gilbert*. Committed 2010: 193].

473) *Sur les menus – dont les prix étaient* ***stratosphériques*** *– , elle reconnut certaines des recettes qui avaient contribué à la notoriété de Jonathan* [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 237].

474) *Квартира тоже оказалась куплена с помощью Александра. Если бы не его половина, Вера не смогла бы одолжить такую* ***астрономическую сумму*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 38].

В приведенных примерах мотивирующей основой прилагательных становятся знания в области астрономии и наук о Земле в целом, которые изучают небесные тела, системы и космическое пространство вокруг Земли и оперируют, как известно, большими величинами. Оценочная метафоризация при помощи данных прилагательных позволяет осмыслить степень ущерба, вызванного выходом из строя сантехнического оборудования в офисе, высокую степень его повреждения и несоответствие качества норме (471), соот-

ношение цены и качества предмета одежды (472) и еды (473), а также достаточно скромного материального благосостояния (474).

Оценочная метафоризация количества признака может быть связана и со знаниями, полученными индивидом в области литературы. В подобных случаях концептуализация качества осуществляется на основе прилагательных-дериватов имен литературных героев, отличающихся своими размерными характеристиками:

475) *He waded in on his* ***gargantuan breakfast*** [*S. Fry*. The Hippopotamus (Электронный ресурс)].

476) *They were able to account a notional profit on the balance sheet on all this Alice-in-Wonderland crap and so pay themselves* ***gargantuan bonuses*** [*S. Faulks*. A Week in December 2010: 376].

477) *Elle s'étira à nouveau et s'attaqua d'un vif appétit à ce petit* ***déjeuner gargantuesque*** [*M. Levy*. Et si c'était vrai... 2000: 11].

478) *Я не вправе занимать читателя* ***лилипутскими пустяками*** *в этом ответственном месте повествования* [*В. Токарев*. Вечный посох (Электронный ресурс)].

Знание параметрических характеристик героя сатирического романа Ф. Рабле великана Гаргантюа становится основанием для оценочной концептуализации качественных характеристик относительно здорового аппетита (475) и (477), а также уровня благосостояния, определяемого, как «значительно выше среднего» (476). В примере (478) смысл 'неважный', 'незначимый' реконструируется на основе знаний о параметрических характеристиках представителей народа, населяющего одноименный остров в произведении Дж. Свифта «Приключения Гулливера».

Знания в области мифологии также становятся средством оценочной метафоризации:

479) *With* ***a Herculean effort****, Arabella let go of the bedpost and staggered towards the phone on the bedside table* [*J. Archer*. False Impression 2005: 15].

480) *Quentin le saisit sous les aisselles et, dans* ***un effort titanèsque****, le traîne jusque sur le tapis pour l'adosser au canapé* [*K.Giebel*. Juste une Ombre 2012: 537].

481) *Вожатым, особенно младших и средних отрядов, иногда приходится затрачивать* ***титанические усилия****, чтобы загнать свой отряд под душ или убедить своих подопечных почистить зубы* [*Т. Титкова*. Курс выживания для вожатого (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах знание о необыкновенной физической силе героев древнегреческой мифологии является когнитивным основанием для оценки прилагаемых усилий при помощи словосочетаний существительных с прилагательными *Herculean, titanèsque* и *титанические*. Формирующиеся на базе данных прилагательных представления связаны с воображаемым движением по шкале в направлении «больше нормы», позволяя сделать вывод о тяжелом физическом состоянии человека (479), физических кондициях (480) и градации степени приложенных для реализации своей цели усилий (481).

Оценочная метафоризация признака при помощи приведенных выше прилагательных связана с лингвокреативностью индивида, основанием которой становятся те или иные доминантные зоны языкового сознания как зоны высокой личной осведомленности в той или иной сфере знания.

Подводя итог, отметим, что семантика параметрических прилагательных формируется на основе ментальной операции вычленения у различных объектов живой и неживой природы количественно измеримых «размерных» свойств. Специфика адъективной параметрической интерпретации заключается в количественно-качественном синкретизме, позволяющим считать данный класс слов одним их значимых конституентов признаково-количественного вектора интерпретации качества.

Когнитивные механизмы абстрагирования, шкалирования, концептуального сравнения и метафоры обеспечивают процесс концептуализации количественных свойств и дальнейший инферентный вывод в отношении качественных характеристик. Параметрические прилагательные реферируют к

внешним качествам человека, характеризуя его телосложение, индивидуальные параметрические особенности, указывают на функциональный потенциал объектов-артефактов, а также являются значимым средством оценочной метафоризации, отличающимся своим широким интерпретирующим потенциалом.

5.3. Имя существительное как средство интерпретации качества

Вариативность концептуализации свойств и характеристик объектов действительности, обусловленная гибкостью сознания, объясняет тот факт, что индивидуальная интерпретация количества признака может быть представлена в языке не только прилагательными, но и именами существительными, реферирующими к свойствам, характеристикам, состояниям как объектов действительности, так и человека.

Если прилагательные реферируют к одному качеству или свойству объекта, что свидетельствует в пользу того, что они скорее унимодальны [см., например: Lynott, Connell 2013], то существительные полимодальны по своей природе, ввиду того, что познание человеком объектов мира происходит посредством различных сенсорных каналов. По словам О. Есперсена, «существительные можно уподобить кристаллизации качеств, которые в прилагательных представлены в жидком состоянии» [Есперсен 2002: 87]. Это позволяет именам существительным, именующим объекты действительности, в сжатом виде «хранить» весь набор ингерентных признаков, составляющих их сущность и, наряду с прилагательными как конвенциональным средством репрезентации в языке непроцессуальных количественно-качественных признаков, выступать в роли конституентов признак-количественного вектора интерпретации качества. В этой связи научно обоснованным в рамках исследования процесса количественной интерпретации качества представляется дальнейший анализ существительных как источников инферирования качественных характеристик.

Прежде всего, отметим способность некоторых существительных достаточно эксплицитно транслировать идею тесной связи количества и качества:

482) *For a few seconds he stared at the man from London. What he saw did not displease him, and* ***he was an expert in men*** [*F. Forsyth*. The Day of the Jackal 2011: 53].

483) *Un simple contrôle d'alcoolémie venait de permettre l'arrestation d'un des plus terrible* ***stakhanovistes du crime*** *que l'Angleterre ait connus* [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 230].

484) *А с другой стороны, почему он,* ***ударник и передовик теневого бизнеса и преступного мира*** *должен заниматься какими-то глупостями?* [*Н. Горская*. Дендрофобия (Электронный ресурс)].

В примере (482) существительное *expert* (от лат. *expertus* «опытный») подразумевает высокую степень компетентности человека в той или иной области знаний, соотносимую со смыслом *много*. Существительные *stakhanoviste* в примере (483), а также существительные *ударник* и *передовик* в примере (484), именуя последователей А.Г. Стаханова и в целом всех работников в СССР, многократно превышающих установленные нормы производительности труда, указывают на корреляцию смыслов 'много' и 'хорошо', высвечивая инферентные качества, связанные с представлениями о работоспособном человеке, труженике и профессионале своего дела. Отметим, что в примерах (483) и (484) при помощи сравнения со стахановцем и ударником, отражающими фоновое культурноспецифическое знание, осуществляется интерпретация «лучших» представителей преступного мира, на счету которых имеется большое количество преступлений.

В целом, идея предметности, как отмечалось выше, непосредственно соотносима с определенным набором ингерентных свойств различных объектов реального мира, составляющих их природу и обусловливающих их идентификацию в процессе восприятия. Очевидно, что заложенный в предметном имени значительный интерпретирующий потенциал в отношении осмысления различного рода признаков может считаться равным по своему объему

количеству всех признаков предмета, каждый из которых может стать основанием интерпретации. Следовательно, когнитивным основанием процесса количественной концептуализации качества могут стать знания индивида о любых свойствах объектов действительности, в том числе и связанные с количественными характеристиками. Рассмотрим примеры:

485) “*But she’s so young!*”

“*As you were once, Agatha, and I bet* ***you were a bulldozer*** *compared to Toni.*” [*M.C. Beaton*. As the Pig Turns: An Agatha Raisin Mystery (Электронный ресурс)].

486) *Parce que vous êtes* ***un bulldozer****, vous détruisez tout sur votre passage* [*A. Gavalda*. Je l’aimais… 2004: 69].

487) *– Эх ты, книжная твоя душа! Не видишь самого дорогого. Самое прекрасное, что может подарить женщина, - возможность восхищаться ею и любить ее. А ты бульдозер.* ***Сам ты бульдозер*** [*К. Стэнк*. Возродившие будущее (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах отнесение «бульдозера» к категории «строительная спецтехника» указывает на его сущностные признаки, т.е. определенные технические характеристики, обусловленные предъявляемыми к строительной технике функциональными требованиями: мощная ходовая часть, обеспечивающая высокую проходимость и эффективность разработки грунта или других пород. Присущие данному виду техники признаки становятся базой для метафорического сравнения и осмысления таких отличительных черт характера человека, как решительность, уверенность, напористость, наглость и т.д. Комбинация когнитивного механизма дефокусирования (в фокусе внимания остается «признаковость» и дефокусируется «предметность») и когнитивного механизма сравнения обеспечивает процесс инферирования указанных выше качественных смыслов.

Важной для понимания реализации интерпретирующего потенциала существительного в отношении качества является мысль Н. Д. Арутюновой о наличии в языке монофункциональных знаков, осуществляющих только

идентифицирующую либо только предикативную функцию, и бифункциональных знаков, способных осуществлять любую из этих функций, поскольку их семантика приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать [Арутюнова 1998: 1–4]. Идентифицирующую функцию осуществляют имена собственные, местоимения, а также дейктические слова. Предикатными словами являются глаголы, прилагательные, а также нереферентные слова, например, квантификаторы *много / мало*, указывающие на интерпретацию мира субъектом познания. Бифункциональными являются нарицательные существительные, которые, выполняя идентифицирующую функцию, описывают свойства предметов и потому способны выступать в роли предикатов классифицирующего типа при отнесении имени к классу денотатов, любому члену класса, каждому члену класса и т.д. Осуществляя предикативную функцию, нарицательные существительные не получают денотативного наполнения и не служат знаковым заместителем предмета, а приписывают интерпретируемому феномену определенные признаки. Поскольку признак может градуироваться, степень проявления признака фиксируется количественными показателями, отражая общую тенденцию количества выступать в роли оценочной рамки для качества. Проиллюстрируем сказанное примерами:

488) *… she must be a summer volunteer, working for the love of the group, or* ***an actress*** *filling in for part of the season* [*M. Drabble*. The Sea Lady 2008: 153].

489) *‘Marcel, I know I’m an old* ***woman*** *and as you say* ***a bit of an actress*** [*G. Greene*. The Comedians 1967: 140].

490) *Depuis quelques années, le métier de* ***clown*** *n’est plus uniquemqnt lié à la famille du cirque* [http://metiers.siep.be/metier/clown].

491) *Je crois que tout être bon a* ***un peu de clown en lui*** [*H. Gschwend*. Le clown en moi : autobiographie avec porte-plume (Электронный ресурс)].

492) ***Ребенок*** *затерялся, буквально утонул в толстых складках одеяла* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 37].

493) *Она такая, как есть, и дети должны ее полюбить, понимаешь?* ***Она немного*** *и сама* ***ребенок*** [*Н. Затонская*. Постановочный вариант (Электронный ресурс)].

В примерах (488), (490) и (492) нарицательные существительные *an actress, un clown, ребенок*, выполняя функцию идентификации, соотносят имя с определенным классом предметов. В примерах (489), (491) и (493) эти же существительные функционируют как предикаты, оправдывая свой статус бифункциональных знаков. В случае реализации данными существительными идентифицирующей функции задействуются когнитивные механизмы фокусирования (признак «предметности») и номинирования, тогда как в случае реализации ими предикативной функции – фокусирования (признак «признаковости») и концептуального сравнения, базирующегося на потенциально выстраиваемой мыслимой схеме знания «вести себя, как актриса, клоун, ребенок и т.д.». Интерпретирующие характеристики формируются, таким образом, на основе стереотипных представлений о типичных поведенческих признаках и внутренних качествах, присущих актрисе, например, ‘гибкость’, ‘талант перевоплощения’ и т.п. (489), клоуну – ‘смешной’, ‘веселый’ и т.д. (491) и ребенку – ‘непосредственный’, ‘живой’, ‘милый’, ‘наивный’ и т.п. (492).

Отметим, что трансляция идеи градации качества при помощи сочетаний существительных с наречиями-градуаторами является особенно характерной для английского языка по сравнению с другими исследуемыми языками, что обусловлено указанными выше типологическими различиями языков. Однако и в английском языке сочетание имен существительных с наречиями-градуаторами является довольно немногочисленным, что свидетельствует о том, что данные сочетания являются продуктом индивидуальной интерпретации степени проявленности признака:

494) “*Well to be frank,* ***I’m not much of a soldier****, so I can’t really speak as an authority on other soldiers. In fact, I’m here because I couldn’t stand working*

in my father's sheep business, and he wouldn't set me up in another…" [*R. L. Bruska*. The Bridge that Arched the Flood. A novel of the Revolution 2007: 18].

495) *An old saying of her mother's came to mind: 'What's meant for you will find you.' Many people took that to mean good things, but* ***Star was enough of a student of the universe*** *to know that it could mean bad things too* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 17].

496) *London, on the other hand, reminded her of being young again, when she had lived in a flat with two girlfriends near the Fulham Road and had been, in the phrase of the time,* ***a bit of a goer*** [*S. Faulks*. A Week in December 2010: 99].

В примере (494) в фокусе внимания оказываются признаки, связанные со стереотипными нормированными коллективными представлениями о таких качествах военных, как умение командовать, храбрость, мужество, смелость и т.п. В примере (495) существительное *student* ассоциируется с вовлеченностью в процесс обучения, со стремлением к новым знаниям, с различными компетенциями и т.п., тогда как *enough* указывает на степень проявления этих качеств. В примере (496) в фокусе внимания оказывается не столько значение акциональности агентивного существительного *goer*, сколько значение признаковости, степень проявления которой фиксируется градуатором *a bit*. Интерпретация качества осуществляется в направлении осмысления присущего человеку достаточно свободного и разгульного образа жизни. При этом происходит одновременное смягчение степени категоричности высказывания в соответствии с коммуникативной культурной доминантой Understatement.

Заметим, что для русского языка как для языка импрессионистической направленности в качестве средства градации признака больше характерно использование числительных, репрезентирующих в языке т.н. «большие числа» и придающих высказыванию дополнительную эмоциональную выразительность. Например:

497) *Будь вы* ***сто раз джентльменом*** *и тайным советником, но если у вас есть дочь, то вы ничем не гарантированы от того мещанства, которое*

часто вносят в ваш дом и в ваше настроение ухаживания, сватовство и свадьба [*А. П. Чехов*. Скучная история (Электронный ресурс)].

498) *Так не бывает, чтобы все сразу, будь ты хоть* ***сто раз леди*** [*Д. Арнаутова, Е. Соловьева*. Королева теней (Электронный ресурс)].

499) *Но настоящим лектором он быть не может, по определению, будь ты* ***сто раз член партии*** *или там большой общественник, или лапа у тебя волосатая в обкоме* [Рождение современных демократий (Электронный ресурс)].

Интерпретирующий потенциал существительного реализуется и в отношении параметрических признаков объектов, поскольку восприятие их пространственных характеристик является одной из базовых способностей человека. Наличие в языке развитой системы параметрических прилагательных как конвенционального средства репрезентации признаков, связанных с осмыслением границ объектов в пространственном континууме, не мешает существительным выступать в качестве средства измерения количественных характеристик предметов, понимаемых как их пространственное свойство.

Способность существительных выступать в качестве средства интерпретации параметрических характеристик связана с когнитивным механизмом шкалирования. Деления на условно выстраиваемой шкале оценки часто представлены не столько числовыми показателями, сколько различными объектами действительности, выступающими в роли объектов-эталонов размеров, относительно которых осуществляется оценка и градация признака.

В качестве условной нормы на шкале выступают объекты, размеры которых соотносимы с размером человека, тогда как в качестве эталонов большого размера со значением «больше нормы» и эталонов маленького размера со значением «меньше нормы» выступают объекты, размеры которых существенно превышают или уступают размерам человека. С учетом доминантного принципа организации сознания [Болдырев 2019], размеры различного рода объектов, принимаемые за эталонные, являются доминантами, относительно которых осмысляется отклонение от нормы в большую или меньшую

сторону. Количественные доминанты размера направляют и ориентируют говорящего в рамках оценочных схем коллективного знания, указывая на корректные с точки зрения конвенционального знания показатели (размер, длину, высоту и т.д.) и являясь основанием для формирования различных инферируемых качественных характеристик.

Традиционно в роли эталонов-доминант большого размера в языке выступают существительные, номинирующие объекты и феномены, количественные показатели которых с точки зрения стереотипного знания соотносимы с идеей ‘большой / очень большой’, ‘высокий /очень высокий’, ‘широкий / очень широкий’ и т.д. Эталонами-доминантами малого размера являются объекты живой и неживой природы, соотносимые с идеей ‘маленький / очень маленький’. Данные единицы оценки большого и малого размера отражают ненаучный способ его понимания обыденным сознанием и индивидуальное осмысление параметрических характеристик объектов и феноменов действительности.

Универсальными эталонами большого размера традиционно считаются такие феномены, как вселенная, планета, мир, поскольку в концептуальной системе любого человека независимо от его принадлежности к культуре они являются естественными аналогами представлений о большом размере, что обусловлено, прежде всего, сравнением с размерами собственными. Рефлексия человека над самим собой, осмысление течения жизни естественным образом реализуется на фоне сравнения с вселенной и миром, в котором он существует:

500) *But is there a lifetime’s satisfaction in twelve bars of three obvious cords? Perhaps it’s one of those* ***cases of a microcosm giving you the whole world. … To see a world in a grain of sand*** [*I. McEwan*. Saturday 2006: 27].

501) *Cloé, Cloé, Cloé…* ***Centre de l’univers, soleil flamboyant autour duquel tournent de pathétiques satellites****. Elle observe le monde depuis les cieux...* ***Les autres****, ceux qui grouillent à ses pieds,* ***ne sont que de minuscules insectes*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 45].

502) *О вас заговорит* ***вся Земля! Солнечная система! Вселенная!*** [*Д.А. Донцова*. Развесистая клюква Голливуда 2012: 36].

Пример (500) иллюстрирует осмысление значимости и важности для человека мелочей, из которых складывается его жизнь. Противопоставление признаков «большой» и «маленький» подчеркивается противопоставлением лексем *world* и *grain of sand*, взятых из стихотворения У. Блэйка «Auguries of Innocence». В примере (501) ощущение своей собственной значимости и превосходства над другими людьми, как качеств, присущих человеку, репрезентировано сравнением его эго с размерами солнца и вселенной. В примере (502) результаты и достижения человека, степень его популярности также осмысляются в масштабах планеты и вселенной.

Заметим, что наряду с представлениями о большой размерности существительные *world*, *monde* и *мир* одновременно репрезентируют идею о конечном наборе признаков, максимальной их концентрации, что позволяет им выступать в роли универсального средства метафорического осмысления уникальности и неповторимости каждого отдельного объекта природы, феномена действительности:

503) ***It's two different worlds****, and Max and Jasmine are in one of them, and the wife is in another* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015 : 115].

504) *Ce moment si particulier entre la nuit et le jour. Entre* ***deux mondes*** *si différents* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 58].

505) *... они сразу стали закадычными друзьями. ... Редко бывает, чтобы в таком именно возрасте разница в несколько лет не препятствовала дружбе – ведь в детстве это* ***два*** *совсем* ***разных мира*** [*М. Чудакова*. Дела и ужасы Жени Осинкиной (Электронный ресурс)].

Кроме того, посредством существительного *world* в английском языке может транслироваться идея высокой степени различия признаков. Например:

506) *There was unusual china, … Tiffany lamps held by brass fairies, and the Bluestone Tapestries that Ingrid adored, even though they were* ***worlds away*** *from the sort of décor she normally liked* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 111].

В примере (506) лексема *world* функционирует в качестве интенсификатора степени отличия, «мерила» качественных различий сравниваемых феноменов, на базе которого формируются смыслы ‘совершенно непохожий’, ‘абсолютно другой’ и т.п. Использование множественного числа акцентирует идею высокой степени за счет принципа количественной иконичности «больше формы – больше смысла».

Представления, связанные с размерами мира, в котором существует человек, становятся также основанием для вторичной интерпретации различных характерных черт человека. Например:

507) *He's a terrific kid, he has* ***a heart bigger than the world****, and everybody loves him* [*D. Steel*. The House on Hope Street 2001: 29].

508) *Je connais des gens peu scolarisés qui ont* ***le coeur grand comme le monde*** [http://www2.bmo.com].

509) *Где-то за ними скрывалось сложное и огромное – человеческая* ***душа больше, чем мир,*** *потому что в ней он обрызган еще живыми слезами и согрет радостью* [НКРЯ].

В примерах (507), (508) и (509) существительные, соответствующие русскому *мир*, выступают в качестве когнитивных доминант большого размера, относительно которых происходит осмысление признака «большой». Действие когнитивных механизмов фокусирования и сравнения обусловливает способность данных существительных выступать в качестве средства вторичной интерпретации при осмыслении внутренних морально-нравственных качеств индивида – ‘добрый’, ‘внимательный’, ‘отзывчивый’ и т.д.

В качестве доминант большого размера, относительно которых измеряется степень проявления качества в рамках индивидуальных интерпретационных шкал, могут выступать и различные рукотворные объекты. Так, ос-

мышление размеров человеческого эго может базироваться на представлениях о размерах следующих артефактов:

510) *“When we get back home,” she said, “I’ll have to write to all encyclopedias, because* ***the Great Wall of China*** *will not no longer be the* ***largest man-made structure on the planet. Your ego*** *–”* [*T. Holt*. Doughnut (Электронный ресурс)].

511) *Je suis un acteur, ... donc j’ai* ***un ego gros comme Londres*** [www.unesdoc.unesco.org].

512) *В институте имени Олеся Иванко учатся четыре идиота с интеллектом курицы, зато* ***самомнение*** *у них* ***выше Останкинской башни*** [*Д.А. Донцова*. Живая вода мертвой царевны 2012: 23].

Приведенные примеры иллюстрируют вовлеченность в процесс интерпретации данной психологической субстанции, как общих энциклопедических, так и культурно специфических знаний. В роли количественных доминант размера выступают рукотворный объект длиной около 9000 км (510), крупный город (511) и высочайшее сооружение в России и Европе (512). Одновременное действие когнитивных механизмов фокусирования, дефокусирования и сравнения ведет к формированию интерпретирующих характеристик в отношении внутренних качеств человека. За счет перефокусировки признаков в фокус внимания попадает признак «большой размер», приобретающий статус доминантного, тогда как понятийный признак «артефакт» дефокусируется. В результате продуктом вторичной интерпретации знаний о данных объектах становится инферированные качественные смыслы ‘очень самоуверенный’, ‘амбициозный’, ‘тщеславный’ и т.п.

Подобным образом процесс инферирования качественных характеристик осуществляется и в ходе переосмысления объектов маленького размера. Например:

513) *They have the collective* ***IQ of a fruit fly*** [*K. Scott*. I was a Non-Blonde Cheerleader 2007: 14].

514) - *T’as surtout un* ***QI de mouche*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 286].

515) *Поэт провозглашал, что, как правило, женщины к литературе не способны, что женский интеллект равен* ***интеллекту мухи*** *и что женские мозги – это* мушиные мозги [Дон. Вып. 9-12. Изд-во «Молот» (Электронный ресурс)].

В примерах (513), (514) и (515) сравнение интеллектуальных возможностей человека с интеллектом одного из самых маленьких по размеру класса животных – насекомых, размеры которых относительно размеров человека оцениваются в терминах «очень маленький», ведет к формированию интерпретирующих характеристик ‘глупый’, ‘малообразованный’, ‘недалекий’ и т.п.

Поскольку каждый класс объектов характеризуется собственными нормами размерности, то обычный, привычный для субъекта интерпретации размер объектов одного класса как схема коллективного знания может становиться основанием для понимания размерных характеристик объектов другого класса. Существительные, называя и характеризуя предметы и реалии действительности, одновременно соотносят их с представлениями о норморазмерности класса. Общий принцип интерпретации качественных характеристик на основе количественных параметров объектов базируется на когнитивных механизмах сравнения и шкалирования в направлении осмысления соответствия / несоответствия нормальному, типичному размеру объекта и дальнейшему формированию смыслов «нетипично большой / маленький». Например:

516) *Ruth and Dara’s houses on Snowdrop Park looked exactly the same on the outside: small, two-storey redbrick houses with* ***a post-it-sized piece of garden*** *at the front and a yard at the back* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 274].

517) *Les copines se regardaient en ouvrant des* ***yeux comme des soucoupes*** [J.-*Ch.Grangé*. Le passager 2011: 581].

518) *Стартап Onion из Бостона приступает к массовому производству* ***компьютера*** *Omega2 для Linux* ***размером с почтовую марку*** [https://www.cnews.ru].

В примере (516) «свернутое» сравнение *post-it-sized* указывает на сопоставление размеров сада со стикерами – листками для заметок, впервые произведенными торговой маркой канцелярских товаров *Post-it*. Это ведет к осмыслению его размеров как ‘очень маленький’, ‘крошечный’, способствуя дальнейшей интерпретации признака в направлении возможности понимания скромного уровня благосостояния и стесненности в средствах его владельцев. В примере (517) сравнение размера глаз человека с размерами блюдца расценивается как отклонение от нормы в сторону увеличения признака и инферированию смыслов относительно его состояния, например, состояния крайнего изумления или удивления. Указание на нетипичные количественные характеристики компьютера в примере (518) способствуют корреляции смыслов «маленький размер» ←→ «больший функционал, удобство».

Сочетания с существительными, выступающими в качестве доминант размера определенного класса объектов, как «свернутое» сравнение особенно характерно для английского языка, обладающего высоким номинативным потенциалом:

519) *But I suppose that’s what Cordelia and I looked like then, to older people, crossing the street right here with our collars turned up… swaggering in our rubber boots… on our way down to Union station where the trains came in, to put our quarters into the photo machine, four* ***shots*** *in monochrome,* ***wallet-sized*** [*M. Atwood*. Cat’s Eye 2004: 132].

520) *The most accurate, I was surprised to see, was the little* ***pocket-sized Sun*** [*S. Faulks*. Engleby 2008: 89].

521) ***Vincent****, who had a shaved head, a soul patch and a ready smile, … clapped Jim on the back with one of his* ***bear-sized hands*** [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 92].

Типичные размеры предметов, формирующих пространство повседневной жизни человека, представляют собой эталоны-нормы, относительно которых инферируются дополнительные качественные признаки объектов сравнения. Так, размеры фотографии, репрезентированные существительным

wallet в примере (519), позволяют сделать вывод о том, что подобный размер позволяет ее владельцу при желании постоянно носить ее с собой в портмоне. Использование в качестве средства измерения существительного *pocket* для оценки размеров британского таблоида *The Sun* указывают на его вдвое меньший (формат А 3), по сравнению со стандартным, формат, что делает его особенно удобным для чтения, например, в транспорте (520). Когнитивные механизмы трансформации образов, связанных с представлениями о медведе, являющимся одним из самых крупных по размеру животных, лежат в основе формирования нового смысла, относительно особенностей телосложения и физических характеристик человека: ‘крупный’, ‘здоровый’, ‘сильный’ и т.п. (521).

Наряду с указанием на размер объектов, существительные способны выступать и в роли средства языковой репрезентации отдельных параметрических характеристик. Приведем примеры:

522) *I watched as he approached the immigration official, who carefully studied Felipe’s* ***bible-thick Australian****, scrutinizing every page, every mark, every hologram* [*E. Gilbert*. Committed 2011: 10].

523) *Il sentait la présence de l’autre côté. Le mur lui paraissait* ***aussi fin que du papier de riz*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 304].

524) *У меня записные книжки* ***толщиной с пятиэтажный дом****. Почти все телефоны звезд имею* [*Д.А. Донцова*. Камин для Снегурочки (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах существительные являются индикаторами степени проявленности признака, равного толщине Библии (522), тонкости рисовой бумаги (523) и высоте пятиэтажного дома (524). Указанные параметрические характеристики «запускают» процесс формирования выводного знания относительно высокой степени мобильности владельца паспорта (522), низком качестве и плохой шумоизоляции стены (523), высокой степени общительности владельца записных книжек (524). Отметим, что опора на предметный образ оказывается более легкой для осмысления размерных

свойств, нежели указание на точные их характеристики в терминах числа, поскольку реконструкция в сознании познанного объекта осуществляется одновременно с его, в том числе, и количественными признаками, тогда как числовые показатели как абстракция требуют больших усилий для реконструкции. Сравним примеры (500) и (503):

525) *The new* Times *debuted on March 18, 1970, only three weeks after the midget arrived with his papers. It was almost* ***an inch thick*** [*J. Grisham*. The Last Juror 2004: 18].

Существительные способны уточнять и другие количественные характеристики:

526) *Twenty percent? Carl's* ***laser-quick mind*** *did the math* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 43].

527) ***Rapide comme le vent****: la Huaya, la nouvelle supercar imaginée par le designer argentin Horacio Pagani, est la quintessence de la technologie et du chic* [https://evolution.skf.com/fr/rapide-comme-le-vent/].

528) *...обладает* ***быстрым, как молния, умом****, величием природы, сверкающей красотой, ... это – великий полководец, как никто другой преданный богу, а на подданных изливший дождь благодеяний* [*Я.Н. Любарский*. Михаил Пселл: личность и творчество (Электронный ресурс)].

В примерах (526) и (528) основанием для интерпретации интеллектуальных характеристик человека становятся скорость лазерного луча, одним из характерных свойств которого является возможность максимально быстро передавать огромные объемы информации (526) и молния, представляющая собой электрический разряд в атмосфере, визуально воспринимаемый человеком в виде вспышки света, скорость которого, как известно, примерно 300000 км/с (528). В примере (527) скорость суперсовременного спортивного автомобиля, измеряемая сравнением со скоростью ветра, дает возможность осмысления его качественных характеристик, связанных с функциональными возможностями, классом и стоимостью.

Очевидно, что общие энциклопедические знания, знания, полученные в рамках той или иной культуры, и знания, мотивированные личным опытом, составляя общий объем знаний языковой личности, определяют направление процесса количественной интерпретации качества и являются основой для формирования широкого репертуара индивидуальных интерпретирующих характеристик. Высокая степень осведомленности языковой личности в той или иной области знания обусловливает выдвижение на роль эталонов сравнения объекты, представляющие собой конституирующие элементы этой области знания, одновременно указывая на приоритетные с точки зрения индивида зоны-источники интерпретации количественно-качественных характеристик. Рассмотрим следующие примеры:

529) *... but now he was in the bathroom, the tap was running, he'd turned on the mighty shower that flooded down* ***like Yosemite cascade*** [*S. Faulks*. A Week in December 2010: 287].

530) *Идеально ровные, кукурузного цвета волосы (натуральная блондинка!) спадали на плечи,* ***как Ниагарский водопад*** [*А. Дышев*. Однокла$$ник, который знал все (Электронный ресурс)].

В примерах (529) и (530) знания в области географии, связанные с наличием у индивида представлений о присущих Йосемитскому и Ниагарскому водопадам специфических признаках (например, «высота», «мощь»), определяют ход процесса интерпретации в направлении осмысления мощности как функционального параметра сантехнического прибора в примере (529) и визуально воспринимаемого внешнего вида волос человека, их длины, густоты, красоты и т.д. в примере (530).

Подобным образом топонимы способны функционировать в роли показателей индивидуального осмысления степени проявления признака. Например:

531) *She was on the tall side, slim, with darkish hair in waves and* ***eyes about as deep as the Bermuda Triangle*** [*S. Faulks*. Jeeves and the Wedding Bells 2014: 10].

532) *Devant le 3 Belgrave Square, elle avait emboité le pas à deux Anglais qui parlaient cinéma ... Elle les avait suivis, faisant semblant de gober leurs mots, s'était faufilée avec eux dans le vaste appartement* ***au plafond aussi haut que la cathédrale de Canterbury*** ... [*K. Pancol*. *Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi* 2010: 17].

В примере (531) эталоном измерения глубины глаз человека становится Бермудский треугольник – район в Атлантическом океане, известный исчезновением в нем морских и воздушных судов. Это способствует выводу в направлении осмысления красоты и выразительности взгляда. В примере (532) сравнение высоты потолка квартиры с высотой Кентерберийского собора позволяет сформировать представление о просторном, удобном и, вероятно, дорогостоящем жилом помещении.

Анализ фактического материала показал, что топонимы, именующие природные объекты, отмечены широкой вариативностью интерпретирующих характеристик – от внешних параметрических, до внутренних эмоционально-психологических:

533) *At that time,* ***the Grand Canyon was narrower than the gap between them*** [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 270].

534) *Vous avez l'impression de l'avoir réveillé, vous lui exposez froidement la situation et au bout d'un* ***silence long comme... l'océan Atlantique,*** *le voilà aussi désespérant que les petits : "Oh honey... I feel so terribly sorry for you but... when are you coming back?" Vous raccrochez et là, vous vous mettez enfin à pleurer* [*A. Gavalda*. La consolante 2008: 398].

535) *Между нами была* ***пропасть шириной в Атлантический океан*** *и длиной в четверть века* [*Г. Марк*. Двое и одна (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах интерпретация межличностных отношений базируется на пространственных представлениях о ширине Гранд Каньона (533), длине и ширине Атлантического океана (534) и (535). Когнитивный механизм сравнения позволяет метафорически соотнести размерные характе-

ристики данных объектов природы со степенью недопонимания между людьми.

Подчеркнем, что основанием интерпретации признака посредством существительных может стать личный когнитивный опыт, приобретенный практически в любой области знания, поскольку в процессе осмысления количественных характеристик способны активироваться различные структуры знаний как основа для дальнейшего форматирования смысла. Так, источником инферентного вывода могут служить знания в сфере литературы, моды, политики и т.д. Сравним:

536) *She'd always been ferociously shrewd with her investments, so the* ***chances*** *of Janine having gone bust* ***were Paris-Fashion-Week slender*** [*T. Holt*. Doughnut (Электронный ресурс)].

537) *Литагент вытаращил глаза на эту эпопею* ***толщиной с «Войну и мир»*** *и с сомнением сказал: – Я знаю, что русские очень трудолюбивы… что, вы еврей? Ну тем более… поработали, вижу…* [*М. Веллер*. Легенды Невского проспекта (Электронный ресурс)].

В примере (536) современные стандарты красоты и ценности мира моды выступают в качестве основы для «измерения» уровня стабильности инвестиций. Поскольку модели, демонстрирующие произведения современной fashion-индустрии на неделе моды в Париже, известны своей стройностью, то шансы героини потерять свои вложения, репрезентированные в терминах *Paris-Fashion-Week slender*, позволяют сделать вывод о ее достаточной финансовой грамотности и компетентности. Пример (537) иллюстрирует использование в качестве эталона размера, относительно которой оценивается объем рукописи, одно из самых известных произведений мировой литературы. Большое количество страниц как результат интеллектуального труда обусловливает возможность инферирования таких качественных характеристик ее автора, как 'трудолюбивый', 'талантливый', 'работоспособный' и т.п.

В терминах этого же произведения литературы может интерпретироваться состояние человека:

538) *I can't do nothing all day. It's going to drive me crazy. I'll have to go and buy another paper from the village shop. If they've got* ***War and Peace****, I'll buy that too* [*S. Kinsella*. The Undomestic Goddess 2005: 163].

Дефиниция *War and Peace* в Longman Dictionary of Language and Culture включает указание на то, что «War and Peace <…> is sometimes mentioned as being a very typical example of an extremely long book» [LDLC 1998: 1500]. Объем данного произведения становится сферой-источником для «измерения» временных промежутков, охватывающих состояния незанятости, бездействия и скуки героини.

Очевидно, что вариативность концептуализации признака на базе осмысления размерных свойств предметов зависит от объема индивидуальной эрудиции личности, поскольку процессы концептуализации и интерпретации непосредственно связаны с активацией разных зон концептуальной системы человека, отвечающих за хранение того или иного типа знаний. Не последнюю роль в процессе интерпретации степени проявления признака играет и общий уровень лингвокреативности языковой личности, который, помимо опоры на конкретный предметный образ, может быть связан с активацией и более сложных структур знания, что требует дополнительных инференций и постепенного «развертывания» знания. Например:

539) *She gave him* ***a look of sympathy so deep you could've dumped radioactive waste down it*** *and never had to worry about it again* [*T. Holt.* Doughnut (Электронный ресурс]

540) *"I'm his wife," Amanda said, in* ***a voice you could've preserved mammoths in*** [*T. Holt*. Doughnut (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах осмысление состояний человека (сочувствия (539) и недовольства (540) на основе визуального и слухового модусов восприятия связано с оценкой степени проявления признака «глубина взгляда» и «холодность голоса». Реконструкция меры признака осуществляется за счет имеющихся у индивида знаний в области норм безопасности обращения с радиоактивными отходами, подразумевающими их захоронение глубоко под

землей (539) и знаний в области палеонтологии о сверхнизких температурах, способствующих сохранности останков вымершего рода млекопитающих (540). Эти знания становятся источником для оценочной интерпретации степени признака, а средства их языковой репрезентации являются неконвенциональными индивидуально-авторскими способами градации признака и маркерами творческого потенциала сознания. Исследования подобных индивидуально-авторских средств вносят свой вклад в исследование процесса количественной интерпретации качества, ввиду того, что «…индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких «индивидуальных языковых систем» [Щерба 2008: 34].

Склонность сознания к предметному восприятию мира, синкретичное обозначение существительным предмета и признака обусловливает возможность их рассмотрения в качестве одного из значимых конституентов признаково-количественного вектора интерпретации качества. Существительное представляет собой языковой механизм конкретизации количественной оценки, благодаря которому, в языке количественно оцениваются, в том числе, абстрактные феномены, не имеющие конвенциональных единиц измерения. При этом когнитивными механизмами, при помощи которых осуществляется оценка признака являются когнитивные механизмы шкалирования, концептуальной метафоры и сравнения, фокусирования и дефокусирования.

Измерение количественного признака в терминах предметного образа является точным за счет его «наглядности», способствуя точности вывода в отношении качества. Выступая в роли маркеров степени признака (ср. термин «degree words» [Bolinger 1972]), существительные, номинирующие объекты действительности, являются своеобразной призмой, сквозь которую оцениваются и интерпретируются качественные характеристики.

Значительный интерпретирующий потенциал существительного в отношении количественно-качественных характеристик подчеркивает динамиче-

ский характер концептуализации и вариативность языковой интерпретации признака, обусловленные антропоцентрической природой языка. Как средства вторичной интерпретации знаний об объектах действительности они являются показателями общего уровня образованности и компетентности языковой личности в различных областях знания.

Таким образом, концептуально-инференционный анализ репрезентантов признаково-количественного вектора позволил осуществить реконструкцию инферируемых количественно-качественных смыслов. Систематизируем их в виде таблицы (см. Таблица 3).

Таблица 3.

Признаково-количественный вектор. Инферируемые количественно-качественные смыслы.

Количественная интерпретанта		**Концептуально-тематическая область**	**Конкретный участок концептуально-тематической области**	**Инферируемая качественная характеристика**
Интерпретирующий концепт	**Языковая репрезентация**			
МНОГО	*густые волосы; широкоплечий; длинные ноги; трехдневная щетина*	ЧЕЛОВЕК	ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘красивый’, ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘неопрятный’
МАЛО	*слабый пульс*	ЧЕЛОВЕК	ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	‘нездоровый’, ‘больной’
МНОГО	*большое сердце; глубокая натура*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘добрый’, ‘отзывчивый’; ‘основательный’, ‘цельный’, ‘сильный’
МАЛО	*скупой на эмоции, слова*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘сдержанный’, ‘скромный’
МНОГО	*двойная жизнь; двойные стандарты; двойная игра*	ЧЕЛОВЕК	МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	‘нечестный’, ‘скрытный’
МНОГО	*сильный в математике; высокий ин-*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ	‘одаренный’; ‘умный’

	теллект; большой ум			
МАЛО	*интеллект мухи*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ	‘глупый’
МАЛО	*двадцатирублевая актриса; скудная зарплата; скудный круг друзей*	ЧЕЛОВЕК	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	‘бесталанный’; ‘бедный’; ‘необщительный’; ‘замкнутый’
МНОГО	*обильный снег*	ПРИРОДА	СОСТОЯНИЕ ОРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	‘заснеженный’, ‘труднопроходимый’
МНОГО	*сильный мороз*	ПРИРОДА	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ	‘холодно’
МНОГО	*двойной замок; двойная дверь*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘прочный’, ‘безопасный’, ‘звукоизолирующий’
МАЛО	*маленький журнал; размером с почтовую марку компьютер;*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ	‘удобный’
МНОГО	*как Йосемитский водопад*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘мощный’

6. Процессуально-количественный вектор реализации количественной интерпретанты

6.1. Специфика проявления количества в сфере глагола

Наряду с количественными представлениями в сфере имен существительных и прилагательных в языке находят свою репрезентацию и количественные представления в сфере глагола.

Различие имени и глагола отмечено их связью с пространственным и временным континуумами. Так, П. Рикер указывает, что «имя существительное и глагол говорят о работе языка по пониманию реальности в ее пространственно-временном аспекте» [Рикер 2008: 151]. Однако в отличие от имени существительного, имеющего денотативную соотнесенность с предметом, глаголы такой прямой соотнесенностью не обладают. Таким образом, глагол представляет собой наиболее сложный лексико-грамматический класс, значимость которого для процессов категоризации и концептуализации действительности трудно переоценить.

Н.Н. Болдырев подчеркивает, что «глагол в потенции (в свернутом виде) номинирует целое предложение, детерминируя своей валентностью остальных участников. Значение глагола всегда задается относительно тех или иных предметов, явлений, которые выступают в роли агенса действия, субъекта или относительно предметов, испытывающих действие на себе. Таким образом, категориальное значение глагола в предложении-высказывании играет роль объединяющего смыслового элемента, обеспечивая интеграцию всех элементов предложения в единое целое, результатом такой интеграции становится интеграция лексических значений различных элементов предложений» [Болдырев 2000: 21].

Представления о качестве в сфере процесса, репрезентируемого глаголом, связаны, главным образом, со способом протекания действия, его характеристикой. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «глагол, обращенный прежде всего к экзистенциальной материи, к движению во времени и пространстве,

формирует на основе своего главного понятийного признака такие значения, которые отражают характер действия, особенности протекания обозначенного процесса, способ его осуществления и конечный результат» [Кубрякова 2004а: 52]. Традиционно количественная сторона действия – однократность, многократность, многоаспектность и т.д. как частное проявление общей категории количества, подробно изучалась в рамках аспектуальной и видовременной проблематики глагола (см., например: [Храковский 1989]).

В данной работе исследуется процессуально-количественный вектор интерпретации качества, который формируется на базе представлений о частотности, повторяемости (многократности) действия и его интенсивности. В первом случае речь идет о дискретизации действий во временном континууме и ее интерпретирующем потенциале. Во втором – о его интенсивности, т.е. количестве проявления признака действия или процесса (недискретный аспект). Следовательно, обоснованной представляется дальнейшая дифференциация дискретного и недискретного процессуального признака. Рассмотрим их подробнее.

6.2. Репрезентация дискретного процессуального признака как модель интерпретации качества

Интерпретационная модель «частотность / повторяемость → качество» связана с действием когнитивных механизмов абстрагирования, ограничения и шкалирования.

Прежде всего, отметим, что значение «количество действия» может быть внутренне присуща семантике глагола. Приведем примеры:

541) *We met in a local bar much* ***frequented*** *by students* [OALD 2002: 514].

542) *Désoeuvré et désemparé, il avait sombré dans son chagrin,* ***fréquentant*** *d'un peu trop près messieurs Jack Daniel et Johnnie Walker* [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 46].

543) ***Зачастил, зачастил*** *гомельский родственник к консьержке. И, что представляется совсем необычным, она смеялась* [*Ф. Незнанский*. Слепая любовь (Электронный ресурс)].

В примерах (541) и (543) на базе представлений о норме количества совершаемых действий в отношении той или иной ситуации действительности, смысл ‘больше нормы’, присущий глаголам *to frequent*, и *зачастить* формируется инферентный вывод в отношении популярности заведения (541) и наличия особых межличностных связей (543). В примере (542) значение глагола *fréquenter* комплементируется наречием меры и степени свидетельствуя о пристрастии человека к алкоголю.

Репрезентация идеи частотности действия, его повторяемости осуществляется в языке при помощи наречий. Способность сознания вычленять признак действия из самого действия обусловлена когнитивным механизмом абстрагирования. Дальнейшее именование этого признака в языке отдельным словом позволяет говорить о наречиях как о конвенциональных средствах репрезентации качества акционального признака, характеризующих действие с точки его повторяемости определенное и неопределенное количество раз.

Наречия, мотивированные числительными (*дважды*, *трижды*), характеризуют количество действий как определенное, тогда как наречия, мотивированные темпоральными (кванторными) прилагательными (*редко*, *постоянно*,) – как неопределенно-оценочное. Например:

544) *She’s already* ***wiped down the bar counter twice****, she’s rearranged some glasses* [*M. Atwood*. The Heart Goes Last 2015: 51].

545) *Эту выдающуюся расческу Ковалец снял с одного ефрейтора, а потом долго кипятил на предмет избавления от немецкого духа и* ***спиртом протирал трижды****…* [*Э. Веркин*. Облачный полк (Электронный ресурс)].

В примерах (544) и (545) наречия *twice* и *трижды* характеризуют количество по линии «больше, чем норма», способствуя выводу в отношении таких качеств деятеля, как ‘тщательный’, ‘чистоплотный’ и / или в отношении его состояния, например, скуки. Заметим, что во французском языке наречи-

ям *дважды* и *трижды* будут скорее соответствовать словосочетания *deux fois* и *trois fois*. Например:

546) *Ca fait* ***deux fois*** *qu'elle vient* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 278].

Кроме того, словосочетанию *think twice* в английском языке во французском и русском языках будут соответствовать выражения с компонентом-числительным *семь*, что свидетельствует о символическом для данных культур значении числа семь, которое мыслится как достаточное, нормативное количество. Сравним:

547) *Beth said that if I were a man I wouldn't* ***think twice*** *about it* [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 47].

548) ***Tourne sept fois ta langue*** *dans sa bouche, dit l'expression* [*A. Gavalada*. Je l'aimais 2004: 78].

549) *... Но сразу никаких решений не принимал. ...****Семь раз отмерь*** *– один отрежь.* [*Т. Степанова*. Невеста вечности (Электронный ресурс)].

Количество действий представлено в языке и наречиями темпоральной семантики со значением неопределенного количества, которые являются средствами индивидуальной количественной оценки акционального признака. Например:

550) *Gracie knew nothing about architecture, nothing about birds, and* ***constantly*** *mixed Van Gogh with Cezanne* [*I. Murdoch*. An Accidental Man 2003: 4].

551) *... il se forgeait une caresse et une musculature que l'on rencontre* ***rarement*** *chez les garçons aussi jeunes* [*B. Clavel*. Le Soleil des Morts 1998: 101].

552) ***Снималась постоянно****. Ее простонародный типаж оказался востребованным независимо от возраста* [*В.Токарева*. Дерево на крыше 2010: 151].

В примере (550) интерпретация частотности действия в терминах *constantly* отражает процесс градации признака на индивидуально выстраиваемой шкале частотности по линии существенного превышения нормы, обусловливая формирование инферентных смыслов в отношении полной некомпетентности человека в области искусства. В примере (551) темпоральный

признак дефокусируется и в фокусе внимания оказывается компонент «качественность», на основе которого и формируется вывод о редкой физической форме, присущей человеку. В примере (552) наречие *постоянно* позволяет сделать вывод о степени востребованности человека в профессии, его таланте и т.д.

Значимую роль в репрезентации качества действий и процессов играют существительные. По словам Л.А. Козловой, «наречие, в силу немногочисленности входящих в него единиц, а также ограничений словообразовательного и сочетаемостного характера, представляет собой класс слов, наиболее часто нуждающимся в восполнении …, а существительное является тем классом слов, который обладает наибольшим потенциалом для такого восполнения» [Козлова 1997: 153].

Ограниченность наречий в сфере словообразования обусловливает тот факт, что в качестве аналогов наречий частотности выступают сочетания числительных с темпоральными именами *time, fois, раз*. Эти слова являются специальными средствами языковой репрезентации темпоральной сегментации событий и отличаются широким репертуаром интерпретирующих характеристик. Например:

553)… ***I've told you a thousand times****, I don't snore* [*E. Bombeck*. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits 1978: 13].

554) *Plus tard, dans sa chamber, alors qu'il écoutait pour* ***la mille et unième fois*** *un morceau du Clavier bien tempéré...* [*K.Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 68].

555) *То ли брат отвечал что-то не так, то ли следователь плохо понимал по-русски, но, когда брат в* ***седьмой*** *раз объяснил, что шел поступать к Троицкому на службу…* [*Ю. Поляков. Гипсовый трубач: Дубль два* 2009: 213].

В примерах (553) и (555) оценка количества действий в терминах *a thousand times* и *в седьмой раз* способствует формированию смысла 'много' и 'очень много', способствуя инферентному выводу в отношении интеллекту-

альных способностей, свойственных участникам ситуации. В примере (554) многократное прослушивание одного и того же музыкального произведения И.С. Баха свидетельствует о степени интенсивности испытываемых по отношению к данному произведению чувств субъектом действия.

Повторяемость действий может также стать основанием для интерпретации состояния агенса действия:

556) *Ducking into the shadows,* ***he glanced down for the fifth or sixth time at his watch*** [*S. Faulks*. Devil May Care 2008: 5].

557) ***Elle consulte sa montre pour la énième fois*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 219].

558) ***Он посмотрел,*** *наверное,* ***уже в сотый раз на часы*** *и впервые за вечер мысленно произнес слово, которое боялся произнести: исчезновение* [*В. Гурвич*. Служили два товарища (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах за точку отсчета при осмыслении количества совершаемых действий принимается стандартная ситуация однократного применения прибора для определения текущего времени, в целях его уточнения. Многократно повторяющаяся подобная операция свидетельствует о превышении нормы, и дальнейшей реконструкции присущего человеку состояния беспокойства.

Подключение концепта ВРЕМЯ способствует указанию на частотность действий в пределах определенного временного отрезка, «работая» на уточнение степени его интенсивности:

559) ***He played tennis five times a week*** *to a surprisingly high standard* [*L. Davies*. Ark Storm (Электронный ресурс)].

560) ***Pour la millième fois*** *depuis la veille elle se demandait quelle etiquette coller sur son suspect* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 202].

561) *Он делал мне предложение* ***раз в неделю****, и, получив отказ, плакал, честное слово!* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 218].

В примере (559) высокая частотность занятий спортом дает основание для вывода интерпретирующих характеристик ‘спортивный», ‘физически

здоровый’, ‘имеющий много свободного времени’. В примере (560) числительное, соответствующее русскому *тысяча*, реферирует к интенсивности мыслительного процесса и формированию инферентных качеств, связанных со скрупулезностью, вдумчивостью и профессионализмом субъекта действия. Повторяемость действия с периодичностью *раз в неделю* (561) может реферировать к таким качествам, как настойчивость в достижении своих целей, интенсивности испытываемых чувств, а также таких чертах, как надоедливость и чрезмерная навязчивость.

Количество совершаемых действий может также реферировать и к другим качествам. Например:

562) *Jean had a reputation for hanging* ***men*** *like her* ***shoes*** [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 302]

563) *Sa mère a été mariée huit fois et son père change de* ***maîtresses*** *comme de* ***chemises*** [*S. Field, K. Van der Zee, J. Steel*. Prise au piège de la passion. Un inconne très attirant. La fiancée interdit (Электронный ресурс)].

564) *Алконосов зарабатывал большие деньги, ужинал в дорогих ресторанах, летал на экзотические курорты, менял* ***женщин*** *как* ***сорочки*** [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 305].

В приведенных примерах оценочная метафоризация присущих субъекту действия характеристик, осуществляется на основе представлений о частотности совершения какой-либо операции в обыденной жизни. Формирование смысла ‘часто’ обусловливает дальнейшее порождение интерпретирующих характеристик ‘непостоянный’, ‘изменчивый’.

Модель интерпретации «частотность/повторяемость действия→ качество» продуктивна и в отношении осмысления состояния неодушевленных объектов. Например:

565) *In one arm, she was clutching* ***a heap of files that looked as if she’d dropped them ten times that day already*** [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 24].

566) *Près du cadre, il y a également* ***un livre*** *écarné, qui a du* ***être lu plusieurs fois*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 145].

567) ***Стиранное много раз ситцевое платье*** *едва прикрывало до колен худенькие загорелые ноги девочки* [*А.С. Грин*. Алые паруса (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах количество совершенных действий служит основанием для осмысления перехода к новому качеству. Так, в примере (565) действие когнитивного механизма сравнения позволяет реконструировать визуально оцениваемый внешний вид документов как ‘потрепанный’, ‘неаккуратный’. В примерах (566) и (567) неопределенное количество совершаемых в отношении объекта, действий, репрезентированное в терминах «несколько раз» (566) и «много раз» (567), позволяет реконструировать внешние характеристики предметов – несколько раз прочитанной и, вследствие этого, потерявшей исходный вид книги (566) и потерявшего первоначальный цвет платья (567).

Интерпретационная модель «количество действий → качество» может быть репрезентирована приемом редупликации. Например:

568) *At the beginning of the meal, Molly had been doing what she used to do as a small child when she was nervous, twirling her hair endlessly in her right hand,* ***twirl, twirl*** *her hair* [*C.Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 235].

569) *Comme si on lui avait … découpé la gorge, mis les cordes vocales à nu qu’elle hurle et elle* ***hurlait, hurlait, hurlait*** *dans le téléphone à son amie…* [*K.Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 44].

570) *Когда чистили «медяшку», то есть медные части судна: поручни, решетки люков, дверные ручки, боцман заставлял меня* ***тереть и тереть*** *без конца, хотя уже медь, что называется, горела* [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 45].

В приведенных примерах редупликация глаголов характеризует действие с точки зрения его повторяемости. Прием редупликации, репрезентирующий значение неопределенного количество совершаемых действий, способствует изменению интенсивности глагола и возникновению интерпретирующих характеристик в отношении участников ситуации. В примере (568)

редупликация глагола *to twirl* способствует осмыслению нервозного, беспокойного состояния субъекта действия. Подобным образом в примере (569) редупликация глагола свидетельствует о высокой степени эмоциональной возбужденности субъекта. В примере (570) многократное повторение действия, репрезентированное приемом редупликации глагола и комплементированное адвербиальным сочетанием существительного с предлогом в значении бесконечного множества, способствует формированию инферентных качеств как в отношении характеристик субъекта действия, так и в отношении изменения качественных характеристик объекта действия.

Отметим, что качественные характеристики действия могут реконструироваться и на основе целых контекстов. Например:

571) *When I was not knitting, I swept the floor diligently. I* ***pumped out pails and pails of water*** *with the hand pump and* ***lugged them up the hill one at a time****, spilling water down my bare legs,* ***I did the washing*** *in the zinc washtub,* ***scrubbing the clothes*** *with the Sunlight soap on the wash board,* ***carting them down to the lake to rinse them out, hauling them up the hill again to hang them on the line****.* ***I weeded the garden, I carried in the wood****, all against the background of my mother's alarming passivity* [*M. Atwood*. Moral Disorder 2006: 16].

572) *Les lumières faisaient miroiter les trois photo, au-dessus du volant. Depuis deux mois,* ***il cherchait*** *ces visages.* ***Il les avait imaginés, dessinés, affacés, cent fois recommencés****... Maintenant, face à eux, il éprouvait un trac de puceau* [*J.- Ch. Grangé*. L'empire des loups 2003: 198].

573) *На улице непогода, кому захочется ... лезть в переполненную маршрутку, за рулем которой восседает черноглазый* ***парень, похожий на многорукую богиню Кали****? Да еще вопрос, сумело бы индийское божество* ***крутить*** *руль,* ***брать*** *с пассажиров деньги,* ***отсчитывать*** *им мелкими монетками сдачу,* ***ругаться*** *с пенсионерами, которые медленно влезают в салон,* ***орать*** *на тех, кто едет в соседних рядах,* ***есть лапшу*** *из стакана,* ***искать любимую радиостанцию*** *– и все это одновременно* [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 161].

В примере (571) иконически представленная последовательность действий, имплицирующая их трудоемкость, реферируют к таким качествам субъекта действий, как усердие, старание, тщательность и т.п. В примере (572) перечисление действий, их повторяемость действий, репрезентированная адвербиальным сочетанием *cent fois* ведет к осмыслению степени интенсивности ментального процесса в процессе поиска решения и, следовательно, качеств субъекта действия. В примере (573) перечисление разного рода действий позволяет сделать вывод в отношении способности субъекта одновременно выполнять множество действий.

6.3. Репрезентация недискретного процессуального признака как модель интерпретации качества

Характеристика процесса с точки зрения качественных признаков может быть репрезентирована самим глаголом. Синкретичное выражение действия/процесса и характера его протекания представлено глаголами, семантика которых мотивирована предметным образом, «заимствованным» у существительных. Наличие достаточно большого числа подобных глаголов в английском языке обусловлено высокой продуктивностью конверсии, следствием которой становится образование глаголов по модели N→V, когда глаголы заимствуют доминантный признак «много» и сопутствующие фоновые признаки. Заметим, что для английских глаголов особенно характерно синкретичное выражение действия или процесса и характера или способа его протекания, т.е. качества как одной из типологических характеристик английского глагола (см., например: [Ungerer, Schmidt 2006]). Сравним: ***huddle*** – ***to huddle, crowd – to crowd, shower – to shower***, ***flood – to flood***, ***swamp – to swamp***.

Вторичная интерпретация знаний о мире становится основанием для оценочной метафоризации характеристики действия во всех исследуемых языках. Так, например, знания и представления о специфических характеристиках, присущих перемещению в пространстве совокупностей живых су-

ществ, становятся основанием для репрезентации способа глагольного действия:

574) *The stairwell became more and more crowded as countless people* ***swarmed*** *out of their offices to join them on each floor, making it feel like a crowded subway during rush hour* [*J. Archer*. False Impression 2005: 56].

575) *Au même instant, il parut réaliser que la gare* ***grouillait*** *de flics* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 178].

576) *Весь берег* ***кишел*** *людьми* [*В. Песков*. По зимнему следу (Электронный ресурс)].

Знания о количественных признаках различных феноменов природы способствуют осмыслению интенсивности признака. Например:

577) *Foreign imports* ***flooded*** *our shops, foreign practices penetrated our culture* [*M. Drabble*. The Red Queen 2005: 165].

578) *Cette chaleur qui* ***m'inonde*** *le corps et qui me donne envie d'être avec lui, tout le temps* [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010: 222].

579) *Воспоминания* ***наводнили*** *его* [*М. Шолохов*. Тихий Дон (Электронный ресурс)].

В примере (577) представления о динамике движения потоков воды позволяют провести сравнение с интенсивным, понимаемым субъектом в смысле 'чрезмерно', 'больше, чем достаточно' наполнением рынка большим количеством импортных товаров. В примерах (578) и (579) на основе образной схемы «человек-вместилище» реализуется значение оценки интенсивности наполняющих человека чувств.

Основанием интерпретации могут служить знания практически в любой области. Например:

580) *Language schools* ***were mushrooming*** *all over Europe* [*Kazuo Ishiguro*. Come Rain or Come Shine 2009: 5].

В примере (580) формирование интерпретирующей характеристики 'быстро' обусловлено опорной схемой знания о специфике произрастания гри-

бов в природе и действия когнитивного механизма сравнения. Особо характерное для английского глагола синкретичное выражение действия и его признака, репрезентированное в данном случае глаголом *to mushroom*, подчеркнем следующими примерами:

581) *Au pied du colossal pylone du pont,* ***les petites maisons*** *aux toits rouges* ***évoquaient des champignons groupés*** *autour d'un arbre gigantèsque* [J.-*Ch. Grangé*. Le passager 2011: 358].

582) *Недавно поселок вошел в черту города, дачники получили разрешение на прописку, поэтому участки охотно покупаются и* ***растут, растут, как грибы, и симпатичные особнячки*** [*Л. Соболева*. Миф о вечной любви (Электронный ресурс)].

В примерах (581) и (582) аналогом английского глагола, одновременно репрезентирующего количественно-качественные характеристики, становится развернутое сравнение во французском и русском языках.

В основе процесса вторичной интерпретации качества процесса могут лежать знания о принципах действия артефактов. Например:

583) ***He machine-guns*** *questions. Do we have a Hair and Fiber report? How long will it be? Have we gotten any better news on fingerprints?...* [*S. Turrow*. Presumed Innocent 1997: 56].

584) *Ca n'était simple coïncidence, mais* ***son cerveau moulinait*** *dans le vide* [*N. Pym*. Ejaculation éternelle (Электронный ресурс)].

585) *Говори по-человечески, несчастный,* ***что ты мелешь, как Бегларова мельница****! Надоешь долгой беседой ...* [Военные повести: Зеленый луч 1966: 749].

В примере (583) реконструкция принципа действия пулемета как серии быстрых, коротких, ритмичных выстрелов становится основанием для интерпретации признака, присущего речи говорящего (Ср. в русском: *Что ты строчишь, как пулемет*?!). В примерах (584) и (585) движение по кругу, отражающее принцип действия мельницы, обусловливает формирование пред-

ставлений, связанных с рекуррентностью действия и, как следствие, интенсивностью мыслительного процесса (584) и процесса говорения (585).

Основным конвенциональным средством репрезентации качества действия являются наречия, которые выполняют функцию уточнения количественного признака. Для наречий характерно синкретичное выражение качественности, количественности, интенсивности, оценки. Оценка и интенсификация базируются на представлениях о шкале, в рамках которой осуществляется движение в сторону нарастания или в сторону убывания признака. Таким образом, наречия-интенсификаторы репрезентируют градуальные характеристики количества признака, оцениваемого субъектом в рамках собственной интерпретационной шкалы. Широкий репертуар наречий меры и степени обусловлен тем фактом, что компонент «качественность» в семантике наречий-интенсификаторов позволяет осмысливать его потенциальное развитие по линии интенсивности, предоставляя возможность отразить различные оттенки количественной оценки признака. Наречия-дериваты оценочных прилагательных становятся, таким образом, эффективным средством оценки глагольного признака. Например:

586) *...she was a wonderful mother and loved her son* ***deeply*** [*D. Steel*. Dating Games 2004: 144].

587) *Langton could* ***scarcely*** *believe his own supposition…* [*D. Brown*. The Da Vinci Code 2003: 220].

588) *Vous me parler d'un homme que vous n'avez jamais vu* ***clairement****, mais seulement* ***vaguement*** *aperçu* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 159].

589) *Les affaires avaient toujours dégoûté* ***profondément*** *Jerôme, en tout cas,* ***profondément*** *ennuyé* [*F.Sagan*. De guerre lasse 1985: 24].

590) *Просто я* ***глубинно*** *бездарна по части хозяйства* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 169].

591) *Александр отвечал на вопросы* ***скупо*** *и* ***тускло*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 20].

Наряду с оценочными наречиями меры и степени оценка качества действия осуществляется посредством конвенциональных квантификаторов *a lot / a bit, beaucoup / peu, много/ мало,* занявших прочное место в классе средств языковой репрезентации степени проявления признака, выраженного глаголом. Приведем примеры:

592) *You've been thought* ***a lot****, James. Much more than human being should* [*S. Faulks*. Devil May Care 2008: 25].

593) *I know* ***a bit*** *about men like that* [*F. Forsyth*. The Day of The Jackal 2011: 62].

594) *Patric lit-il* ***beaucoup*** *? – Il arrête pas* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 134].

595) *Enfant, elle parlait* ***peu,*** *encore moins qu'aujourd'hui* [*A. Gavalda*. Ensemble, C'est tout 2004: 55].

596) *Вера* ***много работала****. Батрачила в доме* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 5].

597) *Было приятно, что она ни на кого не похожа, но грустно, что говорит она* ***мало****, а если не спрашивать ее, так она и совсем молчит* [*М. Горький*. Детство (Электронный ресурс)].

Значимую роль в интерпретации интенсивности процессуального признака играют существительные. Так, качество действий и процессов может оцениваться за счет актуализации интерпретационной модели «количество материальных продуктов → качество процесса→ качество деятеля». Например:

598) ***She wrote three books in three years*** *– Energy Means Excellence, Teamwork – Why We Are Better Together and Power to the People – and all of them won prizes. Two years after Wilkes Street was finished, Beth flew to New York to collect substantial award as one of the top twenty published strategic business thinkers in the world that year* [*J. Trollop*. The City of Friends 2017: 60].

599) *Depuis 2003 – année de la parution de mon premier roman - ,* ***j'avais publié un livre par an*** [*G. Musso.* La Fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

600) *Однако человек, сочинивший* ***семнадцать романов*** *(для серии «Лабиринты страсти»), знал множество хитрых способов впрячь трепетное как лань и пугливое как газель вдохновение в ломовую телегу литературной необходимости* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 24].

В приведенных примерах количество созданных материальных продуктов как конечный результат какого-либо процесса указывает на потенциал индивида в той или иной сфере деятельности. Общее представление о норме формируется на базе знаний об «обычном», усредненном количестве, характерном для той или иной области деятельности, которое выступает точкой отсчета для дальнейшего сравнения. Подключение концепта ВРЕМЯ и осмысление временного периода, необходимого для написания книги (1 книга в год), обусловливает формирование качественных инферентных смыслов ‘успешный бизнес аналитик’, ‘известная личность в области бизнес литературы’ (598) и ‘талантливый писатель романист’ (599). В примере (600) на базе числительного *семнадцать*, обозначающего количество написанных литературных произведений, формируются интерпретирующие смыслы не только в отношении высокого творческого потенциала писателя, но и в отношении качества написанных им произведений.

Подобным образом можно оценить и качество творческой деятельности как процесса особого рода, поскольку определенного рода предметы могут служить материальным подтверждением такого абстрактного феномена, как признание. Обратимся к примерам:

601) *Jean had already been in a dozen important Hollywood films, and had been nominated for* ***three Oscars*** *at the tender age of twenty-five* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 123].

602) *Le film aux* ***dix Oscars*** *venait de se terminer* [*M. Levy*. Vous revoir 2005: 274].

603) *Почетные гости – обладатель* ***трех музыкальных премий «Грэмми»*** *британский певец Seal, легенда фанка группа Kool & The Gang, также удостоенная премии «Грэмми»…* [https://www.kommersant.ru/doc/3682700].

В приведенных примерах качество творческой деятельности определяется количеством материальных объектов, созданных обществом для «измерения» таланта в области искусства – премий Оскар (601), (602) и Грэмми (603).

Количественная оценка процессуального качества может быть представлена и другими интеллектуальными достижениями. Так, оценка когнитивных способностей человека может быть связана с количеством усвоенных им иностранных языков. Рассмотрим примеры:

604) *He* ***spoke eight languages,*** *wore a beard, combat boots, starched khakis that never wrinkled* [J. *Grisham*. The Last Juror 2004: 9].

605) *Deux chateaux en France, les plus somptueuses demeures à New York, à Londres, un gout impéccable, les plus flatteuses décorations, un passeport britannique – et cependant il suffisait de cette trace d'accent chantant qu'il conservait dans* ***les sept langues qu'il parlait couramment*** [*R.Gary*. Une page d'histoire 1962: 49].

606) *Андрей Валентинович свободно* ***говорил на пяти языках,*** *владел латынью* [*Д.А. Донцова*. *Гений страшной красоты* (Электронный ресурс)].

В приведенных выше примерах способность человека говорить на восьми (604), семи (605) и пяти (606) языках способствует формированию интерпретирующих смыслов 'умный', 'одаренный', 'способный', 'работоспособный' и т.д., что обусловлено выводом в направлении 'много' относительно стереотипного мнения о количестве иностранных языков, которым может овладеть среднестатистический человек.

Количество предметов может стать основанием индивидуальной интерпретации испытываемой к человеку симпатии, как особого рода эмоционального процесса, достаточно сложно поддающегося точной квантификации. Например:

607) *Alison fished impulsively from her red Greek shoulder bag, and pressed on him two packets of airline cigarettes. "Esychia," the muleteer said.*

"You think I'm just sentimental."

“No I don’t. But one packet would have been enough.”

“No it wouldn’t. ***I felt two packets fond of him***” [*J. Fowles*. The Magus 1965: 243].

Тесные межконцептуальные связи КОЛИЧЕСТВА, ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ обусловливают высокую частотность интерпретации качества действий и процессов в терминах существительных-единиц измерения времени и пространства. Так, языковые единицы, обозначающие количественно-определенные отрезки времени, становятся основанием для инферентного вывода как в отношении характера протекания действия, так и в отношении его исполнителя. Приведем примеры:

608) *I work a* ***million*** *hours a day* [*D. Steel*. Dating Game 2004: 184].

609) *Pour justifier sa décision subite, le chef s’est dit «fatigué, démotivé et usé» exprimant ainsi son épuisement d’être sur la brèche et de devoir travailler* ***18 heures par jours, 360 jours par an*** [*G. Musso*. L’appel de l’ange 2012: 131].

610) *Но поскольку факты – вещь упрямая, то сомневаться не приходилось. Э****ксперименты велись по двадцать часов в сутки*** [*М. Веллер*. Легенды Арбата 2011: 27].

В приведенных примерах вывод в отношении высокой интенсивности процесса формируется в рамках шкалы жизнедеятельности человека, представленной объективным соотношением количества часов, отведенных на бодрствование и работу, и количеством часов, отведенных на сон и отдых как биологических потребностей.

В терминах времени оцениваются компетентностные характеристики человека, ставшие результатом длительного пребывания в профессии и осуществления своей профессиональной деятельности. Например:

611) *Romans of a certain age who had* ***spent a lifetime in their chosen profession*** [*S. Faulks*. Devil May Care 2009: 29].

612) ***Vingt-cinq ans*** *d’opérations clandestines, de coups de force. ... «Ce ne serait qu’une partie infime de l’iceberg.»* [*J.-Ch. Grangé*. L’empire des loups 2003: 45].

613) *Илларион, чей мозг, заострённый* ***годами военной аналитики,*** *изнывал без дела, стал выспрашивать подробности* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 371].

В примерах (611), (612) и (613) инферентные смыслы, связанные с высоким уровнем профессиональной компетентности, обусловлены движением в рамках условно выстраиваемой шкалы времени, на которой крайняя точка «много» соответствует всему периоду жизни человека.

Уровень профессиональной компетенции раскрывается и в способности быстро ориентироваться в своей профессиональной сфере, что ведет к формированию интерпретирующих смыслов ‘опытный’, ‘компетентный’, ‘знающий свое дело’ и т.д.:

614) *Normally, Marcella was so attuned to people's tone of voice that* ***she could gauge any mental state from a five-second conversation*** [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 41].

615) *Terry fait le tour de ma Twingo, fiche en main, pour relever les points à vérifier.* ***Quelques minutes plus tard****, voilà ma voiture soulevée par un cric.* ***Au bout de quelques minutes****, le résultat tombe* [www.leparisien.fr].

616) *У меня на сервисе один вечерник оттуда работает, - сообщил пижон в замшевой куртке и модных полутёмных очках. –* ***В любой иномарке за минуту разбирается****!* [*Ю. Поляков*. Гипсовый трубач: Дубль два 2009: 112].

Отметим, что на базе темпоральных показателей возможно формирование смыслов, связанных с социально выработанными нормами поведения:

617) *Bond* ***arrived five minutes early****, as was his custom, and took a seat, away from the window, from which he could survey the room* [*S. Faulks*. Devil May Care 2008: 66].

618) *Avec une fierté non dissimulée, le pilote d'Air China fit remarquer à ses passagers que l'appareil venait de s'immobiliser sur son parking avec* ***cinq minutes d'avance*** *sur l'horaire prévu* [*G. Musso*. L'appel de l'ange 2012: 350].

619) *Если вы условились в семь часов пересечься в кафе, будьте уверены,* ***ровно в восемнадцать пятьдесят девять*** *Наталья материализуется в харчевне* [*Д.А. Донцова*. Живая вода мертвой царевны 2012: 29].

Приведенные примеры иллюстрируют социально одобряемую норму поведения «пунктуальность», заключающуюся в умении планировать время.

Интерпретационная модель «Количество+Время → Качество» работает и в направлении осмысления качественных характеристик артефактов, которые фиксируются показателями времени их действия. Так, например, репрезентация количественных показателей времени работы различных элементов питания является основанием для интерпретации степени их функциональных возможностей и прогнозирования уровня пригодности для тех или иных целей. Например:

620) ***The working capacity*** *of the accumulator is* ***48 hours*** *without recharge* [*Surveying Instruments and their Operational principles* 2013: 662].

621) *Votre smartphone souffre du manque d'énergie ? Nous avons un remède parfait –* ***une batterie*** *externe qui assure jusqu'à* ***48 heures de conversation****…* [https://www.duracell.fr/product/powerbank-6700mah/].

622) ***Время работы аккумуляторов****, позволяющих функционировать климат-контролю, –* ***до 12 часов*** [Московский комсомолец 20.11.2014].

Об уровне качества может свидетельствовать и установленный производителем гарантийным сроком действия прибора. В этом случае качество определяется соотношением «много/мало + временной показатель» ←→ 'выше/ниже качество':

623) *– Сломался бритвенный станок…? – поразилась я. – Он сделан надежной* ***фирмой, основанной двести лет назад****, и очень надежный. Англичане гордятся качеством своей продукции, дают на нее* ***гарантию в четверть века*** [*Д.А. Донцова*. Аполлон на миллион 2015: 33].

Существительные-конвенциональные единицы измерения расстояния, репрезентирующие в языке определенные отрезки пространства, а также существительные-неконвенциональные единицы, используемые в качестве ин-

струмента измерения в повседневной жизни, являются продуктивным средством определения качественных характеристик, присущих действиям и процессам. Обратимся к примерам:

624) *There were no business women;* ***Ingrid could spot them from fifty paces****, for no matter how successful they were, they were never quite as polished as the wives of alpha men* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 20].

625) *–Dangereuse?– Pas claire, précise l'infirmier.* ***Je les repère à des kilomètres !*** *C'est un peu mon métier, faut dire* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 498].

626) *Как на стекле его этот офицер видит. Такой* ***за сто шагов нюхом чует*** *добычу* [*М. Веллер*. Легенды Арбата 2011: 12].

В примерах (624) и (625) концептуализация качественных характеристик, свидетельствующих об уровне профессионализма человека, формируется на базе указания на пространственные границы *from fifty paces* (624) и *à des kilomètres* (625), в рамках которых «работает» профессиональная интуиция психолога (624) и медика (625). В примере (626) инферентные смыслы выстраиваются на основе образного представления об обостренном восприятии на расстоянии в сто шагов.

Шаг как мера пространства может стать основанием индивидуальной оценки и других, свойственные человеку характеристик. Например:

627) *She didn't mind being expected to walk* ***three steps behind*** [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 423].

628) *Степанька логик, умеет рассчитывать жизнь* ***на 10 шагов вперед*** [*Д.А. Донцова*. Развесистая клюква Голливуда 2012: 28].

В примерах (627) и (628) шаг человека как единица измерения расстояния становится средством оценочной метафоризации и интерпретации признака в рамках образной антропоцентрической оси пространства «вперед» ←→ «назад», относительно которой и формируется вывод относительно отсутствия лидерских амбиций и скромности (627), а также предусмотрительности человека (628).

Интерпретационная модель «количество + пространство → качество» является основанием для формирования оценочных смыслов относительно функциональных характеристик артефактов: автомобилей, различного рода приборов и технического оборудования, оружия и т.д. Рассмотрим примеры:

629) *Murphy arranged to deliver to La Garia two 900,000-volt Taser stun guns to be used as the preferred weapon of defense against Raymond. The stun gun has a* ***maximum range of 20 feet****, and an optimum impact range of 7 to 10 feet* [https://books.google.ru/books?id=y4B3CwAAQBAJ&dg].

630) *Le dispositif de contrôle éléctronique Taser … grâce à des fils conducteur, libère* ***une décharge éléctrique jusqu'à 35 pieds de distance*** *en vue d'immobiliser provisoirement une personne qui représente une ménace de manière à ce qu'elle puisse être mise en contention sans danger* [http://www.noscommunes.ca/DocumentViewer/fr39-2/SECU/reunion-13/temoignages]

631) *Сверхмощный фонарь BORUIT HL-720.* ***Дальность свечения – 1200 метров*** [https://rutube.ru/video/35ffba6d57d6e34ad1415e0ce64665ed/].

В приведенных примерах свойственные артефактам качественные характеристики определяются количественными показателями, маркирующими пространственные меры, – индикаторы дальности их действия, на основании которых делается вывод об их функциональной пригодности.

Интерпретационная модель «Количество+Время+Пространство → Качество» оказывается продуктивной в отношении оценки качества действий и процессов, совершаемых человеком, а также функциональности предметов. Так, количественные показатели времени преодоления определенной пространственной меры запускают механизм инферирования смыслов, связанных с определенными физическими кондициями человека. Например:

632) *So far as can be ascertained from contemporary records, he did not read a great deal for the Church, but he did succeed in* ***running the mile in four and a half minutes*** *and the half mile at a correspondingly rapid speed, and his research-*

es in the art of long-jumping won him the respect of all [*P.G. Wodehouse*. The World of Blandings 2008:12].

633) *J'ai troussé mon jupon et* ***couru le cent mètres en moins de huit secondes*** [*K. Pancol*. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi 2010:14].

634) *Он нырял с камня* ***саженей на пятьдесят вперед****, оставаясь под водой,* ***более двух минут*** [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 19].

Соотношение пространственно-временных показателей является основанием оценки действий с точки зрения степени их социальной приемлемости или неприемлемости:

635) *Danny Padgitt kept his pickup in the center of the road and drove* ***ninety miles an hour*** [*J. Grisham*. The Last Juror 2004: 27].

636) *Elle roulait à fond sur l'autoroute en direction de Toulouse.* ***220 kilomètre-heure*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 272].

637) *Вцепившись в руль спортивного БМВ кабриолета, Виолетта неслась по ровному черному шоссе* ***на скорости сто шестьдесят километров в час*** [*Н. Черниховская*. Красная луна (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах признак «быстро» формируется на основе принятых обществом норм, регулирующих скорость передвижения автомобиля. Эти нормы, фиксированные правилами дорожного движения, как коллективная схема знания, способствуют формированию смыслов, связанных с превышением нормы и социальной неприемлемостью подобного действия.

В отношении артефактов данная интерпретационная модель является объективным показателем технического состояния. Традиционная оценка технического состояния автомобиля, например, осуществляется в терминах преодоленного им пространства, т.е. в показателях пробега. Понятие «нормальный пробег» является достаточно размытым и представлено среднестатистическими цифрами 10–30 тыс. км в год. Эти показатели и принимаются за норму на условно выстраиваемой шкале оценки технического состояния. Например:

638) *For many good reasons,* ***they were terrified*** *of turning loose on the streets of Hattiesburg an illegal, unlicensed, and quite uninsured alien in* ***Honda with a zillion miles*** *and their two children in the rear sit* [*J. Grisham*. The Appeal 2008: 51].

639) *Le tout-terrain –* ***plus de trois cent mille kilomètres au compteur*** *– se faufilait dans la circulation avec la grace d'un bloc de beton, dépassant les arbres du parc...* [*G. Musso*. La Fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

640) *Если верить цифрам на спидометре, «Фиат»* ***пробежал 30 с небольшим тысяч****, машина трёхгодовалая, не старше* [*А. Троицкий*. Шпион особого назначения (Электронный ресурс)].

В примере (638) мотивированность выбора количественного показателя *a zillion miles* культурно значимым понятием OVERSTATEMENT способствует формированию инферентных качеств 'очень старый', 'функционально ненадежный'. Аналогичным образом осмысляется и техническое состояние автомобиля с пробегом свыше 300 000 км в примере (639). В примере (640) на базе количественного показателя пробега, равного 30 000 км, формируется смысл 'надлежащего, нормального качества', 'современный'.

Качество действий и процессов может оцениваться и другими единицами измерения. Закон количественно-качественных переходов находит свое отражение при оценке качества процесса, результатом которого становятся визуально наблюдаемые изменения параметров человека (потеря или набор веса). Интенсивность процесса и изменение внешних характеристик фиксируется единицами измерения веса. Приведем примеры:

641) *She* ***had lost six pounds in three days****, which was a lot on her tiny frame* [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 268].

642) *Depuis que Madeline est partie,* ***vous avez pris combien****?* ***Quinze kilos*** *?* ***Vingt kilos*** *?* [*G. Musso*. L'Appel de l'ange 2012: 334].

643) *Вернулся из больницы* ***похудевший на семнадцать килограммов*** [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 142].

В приведенных примерах изменение количественных показателей в сторону уменьшения способствует формированию смыслов в отношении интенсивности процесса, изменению качества и, как следствие, возникновению интерпретирующих характеристик ‘очень худой’, ‘истощенный’ и т.п.

В качестве средств интерпретации используются и другие единицы измерения. Например:

644) *It was* ***the noise of the ten kilowatt bulb exploding*** *that interrupted Menzies’ flow* [*S. Fry*. The Liar 1997: 183].

645) *La désagréable sensation d’avoir avalé un serpent venimeux… **D’être branchée sur du 220** et de recevoir une décharge toutes les trente secondes* [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 162].

646) *В коридоре общежития ее трясло,* ***как будто худенькое тело подключили к электрическому току 220 вольт****, слезы ручьем лились по лицу, как горные реки…* [*К. Иванова*. Новогодний серпантин. Зимние истории (Электронный ресурс)].

В примере (644) концептуализация качества действия – интенсивности звукового потока (шума) осуществляется на базе сравнения с конвенциональной единицей измерения мощности электрического тока. В примерах (645) и (646) напряжение в 220 вольт становится основанием для метафорической оценки состояния человека.

Характеристика действия или процесса может также мыслиться в связи с представлениями о тотальности или партитивности. Основой для осмысления характера действия по линии его полноты / неполноты признака становится, например, парность некоторых внешних органов человека (уши, глаза, руки):

647) *She was smiling* ***from ear to ear*** [*D. Steel*. Bungalow 2 2008: 28].

648) *Et là, quel homme admirable j’étais quand j’y repense, j’ai pris mon courage* ***à deux mains****...* [*A. Gavalda*. Je l’aimais…2004: 121].

649) *Боря понял: тут ему ничего не светит, за девчонкой смотрят* ***в оба глаза*** [*Д.А. Донцова*. Шекспир курит в сторонке 2011: 257].

В примере (647) оценка полноты действия мотивирована пространственными представлениями, способствующими интерпретации в терминах ‘широко улыбаться’, ‘улыбка до ушей’, и осмыслению эмоционального состояния человека. В примере (648) идея полноты действия формируется на базе словосочетания *deux mains*, в котором числительное *deux* указывает на вовлеченность обеих рук. Этим обусловлено формирование смыслов о состоянии полного контроля как результата процесса оценочной метафоризации (ср. в русск. *Взять себя в руки*). В примере (649) представление о вовлеченности в процесс каждого элемента парного зрительного органа ведет к осмыслению качества процесса в терминах ‘тщательно’.

Напротив, характеристика неполноты действия формируется в связи с представлениями о вовлеченности в процесс только одного из парных органов. Например:

650) *As always, when he’s at work, I could tell that Jim had only* ***one ear to the conversation*** [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 11].

651) *Tout en préparant le dîner,* ***il écoute d’une oreille*** *les infos à la radio* [*K.Giebel*. Juste une Ombre 2010: 119].

652) *Il ne se jura, comme la veille, de ne dormer que* ***d’un oeil****...* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 280].

653) *Шлычкин ни о чем таком не думал, провожал взглядом прохожих и* ***одним ухом*** *слушал Колю Башкирцева* [*И. Бачинская*. Лучшие уходят первыми (Электронный ресурс)].

В примерах (650), (651) и (653) формируются инферентные смыслы, связанные с неполной степенью концентрации внимания – «невнимательно слушать», тогда как в примере (652) смыслы, связанные с низким качеством сна – «некрепко спать, дремать».

Оценка в рамках тотально-партитивной шкалы возможна и в связи с представлениями о вовлеченности / невовлеченности в действие других частей тела:

654) *He typed it out* ***two-fingered****, and began to read again* [*S. Clarke*. Merde Happens 2008: 32].

655) *Google...* ***Mes doigts*** *sur le clavier* [*G. Musso*. La fille de Brooklyn (Электронный ресурс)].

656) *Обтрепанного вида мужик пытался что-то печатать* ***одним пальцем*** *на пишущей машинке* [*Д.А. Донцова*. Эта горькая сладкая месть (Электронный ресурс)].

В примере (655) множественное число существительного *doigt* формирует представление о полноте акционального признака и норме техники печати при участии всех пальцев. В примерах (654) и (656) числительные *two* и *один* обусловливают вывод в отношении партитивности признака, который связан с идеей низкой эффективности и низкой скорости печати.

Тотальность признака репрезентирована также словосочетаниями с существительными, соответствующими русскому *нога*:

657) *... to keep Stacy focused on learning to stand on her own* ***two feet****, fight her own corner…* [*J. Trollope*. City of Friends 2017: 7].

658) *Il fuyait* ***à toutes jambes*** *en quête d'une sortie* [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 309].

659) *Маленькая Анна любила поплакать, потому что все кидались к ней* ***со всех ног*** *и старались угодить* [*В. Токарева*. Дерево на крыше 2010: 231].

Проведенный анализ фактического материала показал, что сфера выражения интенсивности действия, или степени проявления признака, как часть более широкой категории экспрессивности [Туранский 1990] является зоной индивидуальной интерпретации, зоной творческого осмысления качества действия. Приведем примеры:

660) *… Des and Dara had discovered that asking her opinion on anything was a mistake as she would usually* ***respond with a PHD-length*** *lecture* [*C. Kelly*. Once in a Lifetime 2012: 319].

661) *Je parlais pendant des heures.* ***Un vrai moulin à paroles*** [*A. Gavalda*. Je l'aimais... 2004: 78].

662) – *Весьма поучительно, – протянул доктор, когда* ***фонтан красноречия Гарика иссяк*** [*Д.А. Донцова*. Аполлон на миллион 2015: 85].

В примере (660) концептуализация количества признака, присущего процессу говорения, осуществляется на базе представлений об объеме квалификационной работы, осмысляемой как ‘много’. В примере (661) выдвижение на роль эталона интерпретации качества процесса существительного *un moulin* ведет к формированию смысла ‘много говорить’. В примере (662) концептуализация качества процесса мотивирована представлениями о «фонтане» как мощной струе воды, поднимающейся вверх. В фокусе внимания оказывается признак «мощный», «сильный», соотносимый с идеей интенсивности.

Индивидуальная интерпретация скоростных характеристик, присущих процессу, может быть репрезентирована неконвенциональными эталонами скорости:

663) *The dogs go into a total frenzy and, with one whispered word from Jan, the shoot off in the style of* ***Usain Bolt*** *out of the starting blocks while we hang on for dear life* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 202].

664) *Ses sens sont en alerte, son cerveau tourne* ***à la vitesse d’une centrifugeuse*** [*K. Giebel*. Juste une Ombre 2012: 318].

665) *Мы спаслись только благодаря тому, что старшой не потерялся; неистово крича, … он схватил лежавшую на дне шлюпки толстую палку и начал грести ею так, что вода свистела; палка рвала воду* с *быстротой* ***швейной машины*** [*А.С. Грин*. Избранное 1987: 91].

В приведенных примерах скорость совершения действия сравнивается со скоростью самого быстрого человека (663), скоростью центрифуги (664) и швейной машины (665).

Концептуализация интенсивности как специфической характеристики действия или процесса может осмысливаться в связи с некоторыми музыкальными терминами, использующимися во вторичной функции оценки качества. Приведем примеры:

666) *We lived at a* ***staccato rhythm****, on the hoof, mostly together but ever on the move, like witnesses in some odd international program* [*E. Gilbert*. Committed 2011: 8].

667) *Il se remit en marche, plus lentement, tenant de réfléchir,* ***le coeur en staccato*** [*J.-Ch. Grangé*. Le passager 2011: 184].

668) *Его речь, звучавшая в ритме* ***стаккато****, его голос…очаровали молодую искательницу приключений* [*И. Прокопенко*. По обе стороны фронта (Электронный ресурс)].

В приведенных примерах короткий, прерывистый звук становится эталоном сравнения качества процесса.

Характер протекания процесса может быть репрезентирован и другими музыкальными терминами, имплицирующими идею количества и интенсивности:

669) *The shouting seems to be reaching* ***a crescendo*** *now and I feel as if I'm intruding on something that I shouldn't* [*C. Matthews*. Calling Mrs Christmas 2013: 101].

670) *Les battements de son coeur menaient une cadence discrète, montant* ***crescendo, façon Boléro de Ravel*** [*J.-Ch. Grangé*. La ligne noir 2004: 494].

671) *Но чем дольше он* ***говорил****, тем больше я ощущал какую-то неудовлетворенность. Когда наступило финальное* ***крещендо****, я начал осознавать причину беспокойства: за все два часа доцент не показал ни одного графика, ни одной таблицы, ни одного результата.* [*Н. Векшин*. Эликсир жизни (Электронный ресурс)].

В примере (669) и (671) квалификация действия в терминах *crescendo* – музыкального термина, обозначающего постепенное нарастание силы звука, ведет к инферированию признака движения по нарастающей и достижения пиковой стадии на условно выстраиваемой шкале интенсивности. В примере (670) нарастание комплементируется образным сравнением с музыкальным произведением М. Равеля, которое известно своей уникальной композицией в виде многократно повторяющейся ритмической фигуры. Показатель высокой

степени интенсивности действия реферирует к интерпретации фонового эмоционального состояния агенсов действия в терминах ‘возбужденный’, ‘взволнованный’ и т.п.

Качество действия или процесса, таким образом, может реконструироваться на базе различных количественных показателей. Широкий репертуар инферентных качественных характеристик, позволяющих интерпретировать разнообразные качественные нюансы, свойственные процессу, формируется при помощи наречий со значением меры и степени, а также существительными, выступающими в качестве функциональных синонимов наречий-интенсификаторов. Подключение концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО обусловливает формирование вывода о качестве на базе количественно-пространственных и количественно-временных представлений, отражающих как социально выработанные нормы, так и индивидуальное пространственно-временное осмысление качества.

Проведенный концептуально-инференционный анализ репрезентантов процессуально-количественного вектора позволил осуществить реконструкцию инферируемых количественно-качественных смыслов. Систематизируем их в виде таблицы (см. Таблица 4).

Таблица 4.

Процессуально-количественный вектор. Инферируемые количественно-качественные смыслы

Количественная интерпретанта		**Концептуально-тематическая область**	**Конкретный участок концептуально-тематической области**	**Инферируемая качественная характеристика**
Интерпретирующий концепт	**Языковая репрезентация**			
МНОГО	*протереть трижды; тереть и тереть; подумать дважды*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘тщательный’, ‘скрупулезный’
МНОГО+ВРЕМЯ	*раз в неделю делать*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘настойчивый’, ‘упрямый’,

	предложение			‘надоедливый’
МНОГО+ВРЕМЯ	*работать двадцать часов в сутки*	ЧЕЛОВЕК	ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘трудолюбивый’, ‘настойчивый’
МНОГО+ВРЕМЯ	*в сотый раз посмотреть на часы*	ЧЕЛОВЕК	ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОТОЯНИЕ	‘беспокойный’, ‘нервничающий’
МНОГО+ВРЕМЯ	*пять раз в неделю заниматься спортом*	ЧЕЛОВЕК	ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	‘спортивный’, ‘здоровый’
МНОГО+ВРЕМЯ	*постоянно сниматься в фильмах;*	ЧЕЛОВЕК	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	‘востребованный’, ‘талантливый’
МНОГО	*написать три книги, говорить на пяти языках*	ЧЕЛОВЕК	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘умный’, ‘талантливый’, ‘одаренный’
ТОТАЛЬНОСТЬ	*смотреть в оба глаза; бежать со всех ног*	ЧЕЛОВЕК	ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ	‘интенсивность’, ‘тщательно’, ‘пристально’
ПАРТИТИВНОСТЬ	*слушать одним ухом*	ЧЕЛОВЕК	ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ	‘невнимательный’
МНОГО	*книга, прочитанная много раз, много раз стиранное платье*	АРТЕФАКТЫ	ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘неаккуратный’, ‘потрепанный’ ‘потерявший исходный внешний вид’
МНОГО+ВРЕМЯ	*время работы до 12 часов без подзарядки; три года гарантии*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘удобный’; ‘надежный’, хорошего ‘качества’
МНОГО / МАЛО + ПРОСТРАНСТВО	*машина пробежала 300 000 / 30 000 км*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘старый’, ‘ненадежный’, ‘в неудовлетворительном техническом состоянии’; ‘надежный’, ‘в удовлетворительном техническом состоянии’

МНОГО + ПРОСТРАНСТВО	*дальность свечения 1200 метров*	АРТЕФАКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	‘мощный’, ‘удобный’

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Моделирование процесса количественной интерпретации качества на основе анализа количественных параметров, репрезентированных различными частями речи, позволило выявить специфику исследуемого процесса в зависимости от числового, предметно-количественного, признаково-количественного и процессуально-количественного векторов интерпретации качества.

2. Числовой вектор, представленный интерпретационной моделью «число → качество», связан с различного рода интерпретационными шкалами (коллективными и индивидуальными), в рамках которых осмысляются количественно-качественные корреляции. Анализ конституентов данного вектора показал наличие инферируемых качеств в отношении характеристик человека (*быть всегда вторым* → ‘невезучий’, ‘менее одаренный’), объектов (*первоклассная гостиница* → ‘лучшая’), состояний окружающей среды (*температура около 10°* →‘тепло’/ ‘холодно’).

3. Предметно-количественный вектор представлен интерпретационными моделями «определенное количество предметов → качество» и «неопределенное количество предметов→ качество». Данные модели репрезентированы в языке различными сочетаниями языковых единиц: приноминальных числительных с существительными (*иметь два самолета*→ ‘состоятельный’), конвенциональных квантификаторов с существительными (*иметь много книг*→ ‘любознательный’, ‘умный’), неконвенциональных квантификаторов с существительными (*кладезь знаний* → ‘образованный’), формами грамматической категории числа существительного (*иметь машины и квартиры* →‘богатый’, *в одном свитере ходить*→ ‘бедный’).

4. Признаково-количественный вектор реализации количественной интерпретанты представлен интерпретационной моделью «количественный признак → качество». В языке данная модель репрезентирована определенно-количественными, количественно-оценочными и параметрическими прилагательными, а также существительными и сочетанием существительных с количественными показателями (*much, a bit, un peu, немного, сто раз*). Конституенты признаково-количественного вектора реферируют к качествам человека (*жить двойной жизнью* →‘нечестный’, ‘скрытный’; *большой человек* → ‘важный’), указывают на функциональный потенциал объектов-артефактов (*тройной стеклопакет*→‘прочный’). Возможность существительного выступать в качестве конституента признаково-количественного вектора объясняется предметно-признаковым синкретизмом значения (*она немного ребенок* →‘наивная’).

5. Процессуально-количественный вектор представлен интерпретационной моделью «количество процессуального признака →качество» и связан с осмыслением частотности / повторяемости действия и его интенсивности. В качестве языковых механизмов репрезентации количественно-качественных смыслов выступают сочетания глаголов с наречиями темпоральной семантики (*постоянно сниматься в кино*→ ‘талантливый’, ‘известный’), наречиями меры и степени (*много работать* → ‘трудолюбивый’, ‘целеустремленный’), сочетанием числительных с существительными (*написать сорок книг* → ‘одаренный’).

6. Подключение концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО расширяет репертуар инферируемых характеристик, обусловливая формирование вывода о качественных характеристиках человека и объектов на базе количественно-пространственных (*дальше метра не видит* → ‘слабовидящий’; *пробег больше 300 000 км* → ‘старый’) и количественно-временных представлений (*за пять минут в любой машине разбирается* → ‘компетентный’, ‘сообразительный’; *десять лет гарантии* → ‘надежный’).

7. Анализ фактического материала английского, французского и русского языков показал наличие единых механизмов и интерпретационных моделей осмысления количественно-качественных отношений, что свидетельствует об универсальной природе процесса взаимодействия данных концептуальных структур, обусловленной онтологией мира, и как следствие, в целом единой системой знаний о количественно-качественных соотношениях. Проведенный анализ позволил также выделить индивидуальные способы осмысления и репрезентации в языке количественно-качественных связей, что подчеркивает творческий характер интерпретации, ее широкую вариативность (*лилипутские пустяки* → ‘незначимый’, ‘неважный’; *думать со скоростью центрифуги* → ‘быстро’).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная теория языка исходит из того, что язык не только передает знания о мире в том или ином формате, но и определенным образом их интерпретирует. Соответственно и в сознании человека, и в системе языка обнаруживаются конкретные средства такой интерпретации. Результаты проведенного исследования когнитивных оснований взаимосвязи количественных и качественных параметров и способности количественных параметров выступать средством интерпретации качества в языке подтверждают это положение. В частности, полученные результаты показали, что наблюдаемые и осмысливаемые в процессе познания количественные различия объектов и явлений действительности способствуют формированию в сознании определенной интерпретирующей структуры знания – концепта КОЛИЧЕСТВО. Интерпретирующий характер данного концепта обусловлен его антропоцентрической природой и внутриязыковым статусом.

Объективно полиморфные свойства объектов и явлений мира, способность субъекта познания по-разному представлять знания о мире в языке обусловливают вариативность языковой репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО и, как следствие, его широкий интерпретирующий потенциал. В основе вариативности языковой репрезентации количественных отношений лежат универсальные знания о количестве, культурноспецифический опыт индивида, а также собственный когнитивный опыт. Объем индивидуальных знаний, и доминирующая роль определенных структур в индивидуальной концептуальной системе обеспечивают возможность неконвенционального (индивидуального) способа выражения результата осмысления количественных характеристик в языке.

Проведенное исследование показало, что онтологически мотивированные связи между концептами КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО обусловливают возможность интерпретации качественных характеристик объектов и событий на основе их количественных показателей. Количественные параметры,

объективированные в единицах языка, выступают в функции количественной интерпретанты качества, которая представлена в работе как единство интерпретирующего количественного концепта и формы его языковой репрезентации (МНОГО + *семь языков*). Данная интерпретанта и обусловливает возможность инферирования имплицитных качественных смыслов (‘одаренный’). Этот процесс базируется также на понятии нормы, выступающем в роли когнитивной доминанты – знании традиционных количественных показателей, присущих той или иной области, относительно которых и осуществляется интерпретация качественных характеристик. В процессе концептуализации количественных параметров в языке активируются, таким образом, дополнительные структуры знаний, являющиеся основой для инферентного вывода и формирования нового знания – знания о качестве объекта интерпретации.

В силу своей антропоцентрической природы количественная интерпретанта может быть мотивирована представлениями о числе как абстракции высшего порядка, количестве предметов, количестве статических признаков, частотности и интенсивности действия, представлениями о логических отношениях единичности и всеобщности, тотальности и партитивности. Форматирование количественно-качественных отношений может также осуществляться за счет подключения концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО (*пять раз в неделю заниматься спортом* → ‘здоровый’; *думать на три шага вперед* → ‘предусмотрительный’; *пробежать сто метров за десять секунд* → ‘быстрый’).

Многоаспектность концептуальной основы количественной интерпретанты обусловливает потенциальную разнонаправленность процессов количественной интерпретации качества в языке. Соответственно в рамках моделирования этого процесса в работе были выделены следующие векторы интерпретации: числовой, предметно-количественный, признаково-количественный, процессуально-количественный.

Проведенный анализ векторов интерпретации качества показал, что каждый вектор представлен конкретной когнитивной интерпретационной моделью, которая репрезентирована в языке различными единицами и сочетаниями единиц. Числовой вектор интерпретации качества формируется представлениями о числе, числовом ряде, числовых отношениях и представлен интерпретационной моделью «число → качество» (*первоклассный специалист* →'лучший'), предметно-количественный вектор представлен моделью «количество предметов → качество» (*у него много друзей* → 'порядочный'), признаково-количественный вектор – моделью «количество непроцессуального признака → качество» (*густые волосы*→ 'красивые'; *человек с большим сердцем* → 'добрый') и процессуально-количественный вектор – моделью «количество процессуального признака → качество» (*трижды подумать* →'тщательно').

Многоаспектный характер концептуального основания количественной интерпретанты и, соответственно, возможное разнообразие инферируемых смыслов обусловили необходимость разработки нового метода исследования – концептуально-инференционного анализа. Применяемый в данной работе концептуально-инференционный анализ позволил реконструировать конкретные количественно-качественные смыслы, инферируемые в зависимости от того или иного вектора. В результате проведенного исследования описан репертуар инферируемых качественных характеристик, специфика которых определяется зависимостью от той или иной концептуально-тематической области. В рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК характерными инферируемыми качествами являются характеристики, связанные с представлениями о физических, психологических, интеллектуальных свойствах человека, его состоянии, профессиональной компетентности. В рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ потенциально выводимые качественные смыслы связаны с функциональными характеристиками и функциональной пригодностью различных объектов, формирующих пространство человека, тогда как в рамках концептуально-тематической области

ПРИРОДА интерпретирующие характеристики связаны с осмыслением природных феноменов и состоянием окружающей среды (систематизация инферируемых качественных характеристик объектов и явлений в зависимости соответственно от характера количественной интерпретанты и конкретной области определения представлена в табл.1, табл. 2, табл. 3, табл. 4 в главе II).

Результаты анализа языковых данных дают основание утверждать, что одним из доминирующих механизмов формирования выводного знания о количественно-качественных соотношениях является когнитивный механизм шкалирования, действие которого обусловлено способностью человека сравнивать и оценивать количественные характеристики объектов, явлений, событий окружающей действительности. Оценочная шкала является основой для осмысления количества по линии «МНОГО» / «МАЛО» и инферирования соответствующих качественных характеристик (*он говорит на семи языках* → ‘умный’, ‘способный’; *он и двух слов связать не может* → ‘неграмотный’, ‘застенчивый’, ‘растерянный’). Разнообразие когнитивных шкал (конвенциональных и неконвенциональных) базируется как на универсальных (коллективных), так и на ситуативно-релевантных для субъекта познания представлениях о «достаточности / недостаточности», «наличии / отсутствии», «соответствии / несоответствии эталону». Индивидуальные интерпретационные шкалы, выстраиваемые на базе коллективного знания, мотивированы личностными ценностями индивида, его собственным практическим опытом взаимодействия с миром.

Не менее значимыми когнитивными механизмами инферирования количественно-качественных смыслов в процессах количественной интерпретации качества являются механизмы ограничения (*иметь две машины, написать четыре книги*), абстрагирования (*как дважды два*), шкалирования и воображаемого движения (*товар десятого сорта*; *выпить пять чашек кофе*), концептуальной метафоры (*улыбка на миллион; фонтан идей*), сравнения

(*душа больше, чем мир; как Бермудский треугольник; как «Война и мир»*), мультиплицирования (*книги были повсюду*).

Проведенный анализ фактического материала английского, французского и русского языков, показал, что в основании процесса количественной интерпретации качества в языке лежат в целом универсальные схемы знаний о количестве, единые интерпретационные модели, операции и механизмы формирования количественно-качественных смыслов. Это не исключает их культурно обусловленной вариативности на концептуальном и языковом уровнях, что позволяет сделать вывод о том, что в процесс количественной интерпретации качества вовлекаются коллективные знания различных типов – универсальные (общечеловеческие) и культурно-специфические, обусловленные наличием релевантных для той или иной культуры образов, представлений и эталонов интерпретации количественно-качественных соотношений (*to speak nineteen to the dozen*; *un moulin à parole*; *работы поле непаханое*). Универсальные и культурно-специфические знания выступают в роли схем коллективного уровня для структурирования индивидуального опыта познания количественно-качественных связей.

Специфика количества как языкового формата знания обусловлена, таким образом, сочетанием коллективного знания о количественных отношениях действительности и его интерпретирующим потенциалом в отношении качественных характеристик. Исследование показало, что интерпретирующий потенциал количества в отношении качества проявляется в индивидуальном осмыслении и языковой репрезентации количественно-качественных связей.

Проведенное исследование интерпретирующего потенциала количественных параметров в отношении той или иной характеристики качества свидетельствует о возможности дальнейшего изучения данной проблематики, ввиду ее включенности в общую систему исследований, обращающихся к рассмотрению языка как когнитивной способности человека, одной из основных функций которого является интерпретация мира и знаний о мире.

Перспективным представляется исследование словообразовательного потенциала языков, их фразеологического фонда с целью выявления культурно-специфических способов репрезентации количественно-качественных отношений в языке.

Дальнейшее исследование различных аспектов процесса количественной интерпретации качества объектов и событий с привлечением фактических данных других языков, а также изучение других межконцептуальных взаимодействий на основе применения концептуально-инференционного анализа позволит расширить имеющиеся представления об интерпретирующей функции языка и структуре языкового сознания в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В. Лексико-грамматическая система языка как основа его коммуникативно-когнитивного функционирования // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXIX. – С. 461–467.

2. Александрова О.В. Становление терминологического аппарата в новом подходе к изучению языка // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. 3 (42). – С. 25–30.

3. Алексеева Е.Н. Репрезентация концепта неопределенное множество именами существительными в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Алексеева Елена Николаевна. – Иркутск, 2003. – 21с.

4. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С.15–26.

5. Аниськина Н.В. Лексическая экспликация концепта красота в современной рекламе // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 87–92.

6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 464 с.

7. Арбатский Д.И. Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. – 1972. – № 5. – С. 91–96.

8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Издательство «Мысль» 1978. – 685 с.

9. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: Литература, 1998. – 1392 с.

10. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. – СПб.: Алетейя, 2002; Киев: Эльга, 2002. – 832 с.

11. Арлычев А.Н. Качественный аспект мира и его познание. – М.: Наука, 2001. – 208 с.

12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I–XV. – 896 с.

14. Арутюнова Н.Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 8–21.

15. Архипкина Г.Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Архипкина Галина Дмитриевна. – Ростов-на Дону, 2006. – 307 с.

16. Ахмерова Л.Р. Функциональные особенности слов с общим значением времени в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ахмерова Лилия Ренадовна. – Казань 2004. – 23 с.

17. Бабина Л.В. О форматах знания и их обработке на словообразовательном уровне // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 201–209.

18. Бабина Л.В. Производные слова как модели интерпретации знаний о человеке // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 306–308.

19. Бабина Л.В. Производные слова как реализация творческого начала человека в языке // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXVIII. – С. 107–124.

20. Бабушкин А.П. Русские и английские нумеративные фразеологизмы // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2014. – Вып.11. – С. 24–29 .

21. Бабушкин А.П. Языковая репрезентация физиономически выраженных эмоций // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. 3 (42). – С. 249–253.

22. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001а. – 392 с.

23. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001б. – 416 с.

24. Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке: дисс. д-ра филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Безукладова Ирина Юрьевна. – Тамбов, 2016. – 327 с.

25. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. Пер. с англ. / Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.

26. Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Белова Наталия Николаевна. – М., 2011. – 263 с.

27. Беловольская Л.А. Семантика и синтаксические функции количественно-именных словосочетаний со значением меры: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Беловольская Людмила Алексеевна. – Ростов, 1990. – 21 с.

28. Беловольская Л.А. Категория недискретного количества и её грамматический статус: Монография. – Таганрог, 1999. – 177 с.

29. Беляев Р.А., Кенжебаев С.К., Беляева Я.В., Антоненко М.С., Кирилин П.П. Исследование пациентов с ушибами головного мозга в катамнезе // Вестник КазНМУ. – 2014. – № 2(1). – С. 36–37.

30. Беляевская Е.Г. Когнитивная деятельность человека в зеркале семантики // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 276–287.

31. Беляевская Е.Г. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов // Когнитивные исследования языка. – 2016а. – Вып. XXVII. – С. 119–127.

32. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016б. – № 13 (752). – С. 9–17.

33. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82–157.

34. Берестнев Г.И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 83–99.

35. Берестнев Г.И. Серийность событий в русском лингвокультурном сознании // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 115–121.

36. Берка К. Измерения. Понятия, теории, проблемы. – М.: Прогресс, 1987. – 320 с.

37. Беседина Н.А. Форматы репрезентации языкового знания в морфологии // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып III. – С.185–191.

38. Беседина Н.А. Антропоцентризм языка и интерпретирующий потенциал морфологии // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 30–33.

39. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И.С. – М.: Республика, 1996. – 335 с.

40. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–173.

41. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464

42. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию в 2-х т. – М.: Изд-во Академии наук СССР,1963. – Т. I. – 384 с.

43. Бодуэн де Куртене И.А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 216 с.

44. Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола : коллективная монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 5–46.

45. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

46. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–27.

47. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 25–77.

48. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. – 2012. – Вып X. – С. 17–120.

49. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С.12–22.

50. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд.4-е испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

51. Болдырев Н.Н. Принцип антропоцентризма в языковом конструировании пространства // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – Вып. XXIII. – С. 30–39.

52. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015б. – № 1. – С. 5–12.

53. Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. – 2016а. – Вып. XXVII. – С. 25–35.

54. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016б. – 256 с.

55. Болдырев Н.Н. Пространство и время как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. – 2016в. – Вып. XXV. – С. 25–32.

56. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4. – 2016г. – С. 10–20.

57. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. – 2016д. – Вып. XXIV. – С. 35–48.

58. Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. – 2016е. – Вып. XXVI. – С. 33–37.

59. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография; науч. ред. Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017а. – С. 19–81.

60. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. – 2017б. – Вып. XXVIII. – С. 20–81.

61. Болдырев Н.Н. Язык как система знаний. Когнитивная теория языка. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019а. – 480 с.

62. Болдырев Н.Н. ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы VI межд. конгресса исследователей русского языка. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак., 20-23 марта 2019б г. – С. 458–459.

63. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. – 2019в. – Вып. XXXVII. – С. 37–44.

64. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020а. – № 2. – С. 5–25.

65. Болдырев Н.Н. Доминантная роль грамматики в системе языка и в его использовании // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвященных юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Козловой / под науч. ред. И.Ю. Колесова. – Барнаул: АлтГПУ, 2020б. – С. – 24–34.

66. Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия Литературы и Языка. – 2007.– № 1. – Т. 66. – С. 3–10.

67. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.

68. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.

69. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5–12.

70. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 5–14.

71. Бондарко А.В. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.

72. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики // Качественность. Количественность. – СПб. : Наука, 1996. – 264 с.

73. Борискина О.О. Познание скрытой категориальности в языке: теория и методология // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVI. – С. 112–120.

74. Борискина О.О., Задобривская О.Ф. Эмоции как вместилище в разных лингвокультурах англосферы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 68–74.

75. Борискина О.О., Картавцев В.Н. Моделирование реципрокной семантики и способы ее идентификации в английском языке (на материале глагольной лексики) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 61. – С. 5–19.

76. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – Ч 1. – С. 10–22.

77. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. – М.: Издательство «Прогресс», 1977. – 412 с.

78. Брусенская Л.А. Содержание категории числа различных частей речи (на материале русского языка) // Филологические науки. – 1990. – №4. – С. 47–56.

79. Букреева Е.И. Функционально-семантическое поле единичности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Букреева Елена Иосифовна. – Киев, 1985. – 22 с.

80. Ван Минци. Выражение количества в русском языке (с позиции носителя китайского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ван Минци. – Пенза, 2004. – 24 с.

81. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. – 185–206.

82. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

83. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XII. – 780 с.

84. Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы» / Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 242–270.

85. Везнер И.А. Ассоциативный потенциал существительных и его реализация в процессах метафорической интенсификации (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Везнер Ирина Анатольевна. – Барнаул, 2004. – 21 с.

86. Верлен Б. Субъективная точка зрения // Социологическое Обозрение. – 2003. – № 4. – Т.3. – С. 26–41.

87. Виноградов В.А. Языковые форматы культуры как знания // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 7–10.

88. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М., Ленинград: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

89. Виноградова С.Г. Антропоцентрическая сущность коммуникативного членения предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-4 (54). – С. 50–55.

90. Виноградова С.Г., Толмачева И.Н. Языковое сознание и личностные доминанты // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 278–281.

91. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Эдиториал, 2002. – 261 с.

92. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64–72.

93. Гайломазова Е.С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Гайломазова Елена Сергеевна. – Волгоград, 2012. – 40 с.

94. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

95. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учебник. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 288с.

96. Галич Г.Г. Когнитивная категория количества и ее реализация в современном немецком языке. – Омск: Издание ОмГУ, 2002. – 207с.

97. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.

98. Гвишиани Н.Б. Референция и репрезентация в структуре концептуальной метафоры (в аспекте компьютерно-корпусного исследования перевода) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018а. – № 3. – С. 5–16.

99. Гвишиани Н.Б. Типы языковых соответствий в контрастивном сопоставлении (в аспекте когнитивно-дискурсивного исследования) // Когнитивные исследования языка. – 2018б. – Вып. XXXIV. – С. 909–912.

100. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 томах. Т.2. – М., 1973. – 631 с.

101. Гегель. Г.В.Ф. Наука логики. Академия наук СССР. Институт философии (под ред. М.М. Розенталь). Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.

102. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1975. – 452 с.

103. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Изд-во «Мысль», 1998. – 1072 с.

104. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Пер. с фр. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 232 с.

105. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1983. – 231 с.

106. Голубева Н.А. Когнитивные принципы, механизмы и операции в грамматике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 32–35.

107. Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психологический подход: Дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Голубева Ольга Васильевна. – Тверь, 2016. – 345 с.

108. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 64–75.

109. Грассман Г. Логика и философия математики. Избранное: пер. с нем. / Г. Грассман, Р. Грассман. – М.: Наука, 2008. – 501 с.

110. Григорьева В.С. Интерпретирующая функция языка и ее роль в осуществлении речевого взаимодействия // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С. 49–53.

111. Григорьева В.С. Когнитивные механизмы речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. 2 (41). – С. 549–552.

112. Гришаева Л.И.Тип текста в когнитивном и дискурсивном измерении // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. 3 (42). – С. 321–327.

113. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 400 с.

114. Гуревич П. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М.: Политиздат, 1991. – 466 с.

115. Гусейнова Р.А. Категория числа в аварском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологичесоке и сопоставительное языкознание / Гусейнова Раабат Абдурахмановна. – Махачкала, 2006. – 23 с.

116. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1973. – 256 с.

117. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 92–101.

118. Декарт Р. Рассуждение о методе // соч. В 2-х т. Т. 1/ Сост., ред, вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1998. – 302 с.

119. Декарт р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы: Пер. с лат. И фр. – М.: Академический Проспект, 2011. – 335 с.

120. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–32.

121. Демьянков В.З. Концепты философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. I. – С. 29–34.

122. Демьянков В.З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 5–15.

123. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 111–117.

124. Джакаева А.А. Структурно-семантическая характеристика числительных в кумыкском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (кумыкский язык), 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологичесоке и сопоставительное языкознание / Джакаева Асият Абакаровна. – Махачкала, 2007. – 25 с.

125. Джиоева А.А. Английская номинативность как способ репрезентации мира в языке // Коммуникативно-прагматические аспекты исследования языковых единиц: сборник статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. – Барнаул; Москва: БГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 89–97.

126. Дзюба К.А. Когнитивные механизмы формирования наименований торговых марок // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 38-44.

127. Дмитренко Н.П. Понятийная категория качества в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 54. – С. 30–33.

128. Дмитриев Ю.Я. Категории количества и качества в трансцендентальной логике Канта и в диалектической логике Гегеля. – М., 1995. – 159 с.

129. Дубинская Т.А. Категория качества в философии и языке: характеристика человека в образах флоры (на материале немецкого языка) // Вестник Омского университета. – 2015. – № 2. – С. 159–161.

130. Дубровская В.В. Домен количества в лексико-семантическом пространстве английского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Вероника Владимировна Дубровская. – Нижний Новгород, 2015. – 32 с.

131. Дубровская О.Г. Социокультурная специфика дискурса: субъективный принцип формирования: монография / науч. ред. Н.Н. Болдырев; М-

во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 266 с.

132. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. Пер. с анл. А.А. Веретенникова, Т.А. Дмитриева, М.А. Дмитровской и др. – М.: Праксис, 2003. – 448 с.

133. Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. … к. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Евтушенко Елена Николаевна. – Волгоград, 2004. – 24 с.

134. Ерещенко М.В., Чан Хоанг Ань Концепт «красота» в русских и вьетнамских рекламных текстах // Молодой исследователь Дона. – 2017. – № 6. – С 143–149.

135. Ермакова О.П. Переход качества в количество (О природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С. 275–279.

136. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 408 с.

137. Жаботинская С.А. Частеречная семантика: категориальные архетипы // Вісник Черкаського університету. Серія “Філологічні науки”. – Черкаській держ. ун-т, 1998. – Вип. 7. – С. 3–14.

138. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречной системы: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – С. 79–84.

139. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 61–74.

140. Жаботинская С.А. Английское существительное: лингвокогнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 137–149.

141. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – 695 с.

142. Заботкина В.И. Типы прагматических знаний // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 90-94.

143. Заботкина В.И. Когнитивная лингвистика в науках когнитивного цикла // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 33–43.

144. Заботкина В.И. Мир – знание – дискурс: к вопросу о двух уровнях репрезентации // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 44 –47.

145. Заботкина В.И. Аксиологическая категоризация событий: когниция vs. коммуникация // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 59–62.

146. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. – 135 с.

147. Зубайраева М. У. Градационность качественного признака (на материале чеченского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02– языки народов Российской Федерации (чеченский и ингушский языки) / Зубайраева Марина Увайсовна. – Грозный, 2008. – 23 с.

148. Ивин А.А. Основания логики оценок. – Москва-Берлин: Директ Медиа, 2015. – 337 с.

149. Ильин В.В. Онтологические и гносеологические функции категории качества и количества. – М.: Высшая школа, 1972. – 95 с.

150. Инькова О. Ю. О семантике так называемых градационных союзов не столько … сколько и скорее … чем) // Вопросы языкознания. – 2013. – № 1. – С. 38–52.

151. Ирисханова О.К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник МГЛУ. – 2012. – № 5 (638). – С.173–184.

152. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

153. Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 43-58.

154. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Автореф. дисс. … д. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Казарина Валентина Ивановна. – Воронеж, 2003. – 42 с.

155. Кант Э. Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана]. – М.: Изд-во «Мысль», 1964. – Т.3. – 799 с.

156. Кант Э. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

157. Кант Э. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1998. – 655 с.

158. Карамаева М.И. Нестандартное числовое поведение имен существительных в английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Карамаева Марина Илларионовна. – Барнаул, 2006. – 17 с.

159. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

160. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.

161. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1 (130). – С. 43–50.

162. Каролис В.Р., Малых С.Б. Когнитивные исследования числа: о сходстве и различиях метрики числовых и пространственных репрезентаций // Вопросы психологии. – 2013. – № 6. – С. 129 –146.

163. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М.: Гардарика, 1998. – 768с.

164. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

165. Келауридзе Л. А. Типология категории числа в кавказских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (кавказские языки) / Келауридзе Лариса Андреевна. – Нальчик, 2006. – 20 с.

166. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личных конструктов. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 249 с.

167. Киосе М.И. Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации непрямых выражений в тексте // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXIX. – С. 88–95.

168. Клепикова Т. А. Экспериментальные основания когнитивных технологий моделирования языковых явлений // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 50–52.

169. Клестер А.М. Концепт «состояние» в немецкоязычном профессиональном дискурсе инженерной психологии // Гуманитарный вектор. – 2016. – №5. – С. 80 –83.

170. Кликс Ф. Побуждающее мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.

171. Клименко Н.Л. Английская и русская микросистема неопределенно большого количества в сопоставительном и переводческом аспектах // Вестник Харьковского университета. – 1978. – № 165. – С. 67–72.

172. Козлова Л.А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке: монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 207 с.

173. Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 183 с.

174. Козлова Л.А. Авторская метафора и ее роль в репрезентации доминантного смысла в тексте: (на материале эссе Джона Фаулза «The tree») // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015а. – № 1. – С. 34–40.

175. Козлова Л.А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. – 2015б. – № 1. – С. 36–46.

176. Козлова Л.А.Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – 180 с.

177. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 704 с.

178. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 354 с.

179. Колышкина Т.Б., Маркова Е.В., Шустина И.В. Семантическое наполнение концепта «КАЧЕСТВО» в рекламной коммуникации // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1. – С. 95–112.

180. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Восприятие концепта «КРАСОТА» различными группами участников рекламной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 43–54.

181. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. – М.: ЦСП и М, 2013. – 224 с.

182. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т.1. – С. 198–203.

183. Котарьбинский Т. Избранные произведения. Пер. с польск. – М., 1963. – 910 с.

184. Кошелев А.Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.А. Мазурова, О.В. Фёдорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 123–155.

185. Красиков В.И. Онтологии // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 43–51.

186. Кругликова Г.Г. Языковая категория квантитативности и аспекты ее изучения // Филологические науки. – 1993. – № 3. – С. 77–84.

187. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – 238 с.

188. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18–28.

189. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М. : Рос. гос. гуман. ун-т, 1995. – С. 144–238.

190. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на систему частей речи / Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 218–224.

191. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 1997. – 326 с.

192. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001а. – В. 1. – С. 4–10.

193. Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001б. – С. 283 –291.

194. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004а. – 560 с.

195. Кубрякова Е.С. О семиотических особенностях производного слова // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М.: Языки славянской культуры, 2004б. – С. 243–249.

196. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитив-

ной лингвистике: сборник материалов 26-28 сентября, 2006 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 26–31.

197. Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып III. – С. 11–24.

198. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

199. Курганова Н.И. Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (023). – С. 18–27.

200. Кустова Г.И. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С. 295–305.

201. Лабазанова П.М. Категория числа в аварском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – языки народов Российской федерации (аварский язык) / Лабазанова Патимат Магомедовна. – Махачкала, 2003. – 22 с.

202. Лазарева О.В. Категориальная семантика количественности в русском и испанском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20– сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Лазарева Олеся Викторовна. – Москва, 2010. – 24 с.

203. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

204. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Гидродинамика. Теоретическая физика: Т. VI. 3-е изд., перераб. – М.: Наука: гл. ред. физ.-мат. литературы, 1986. – 736 с.

205. Лачина И.С. Исследование обратных ассоциаций ряда английских прилагательных // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Сб. научн. трудов. – Тверь: ТГУ, 1991. – С. 66–73.

206. Лебег А. Об измерении величин. Пер. с фр. Изд. четвертое. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200с.

207. Лебединская В. Г. Мера – категория философская и языковая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mera-kategoriya-filosofskaya-i-yazykovaya

208. Левицкий А.Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. – 2016. – XXIV. – С. 184–191.

209. Левицкий А.Э. Функциональная основа взаимодействия когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2017а. – Вып. XXIX. – С. 116–124.

210. Левицкий А.Э. Специфика когнитивно-дискурсивной деятельности индивида с позиций антропоцентрического подхода // Когнитивные исследования языка. – 2017б. – Вып. XXVIII. – С. 278 –306.

211. Левицкий А.Э. Концептуализация информации в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Московской международной академии. – 2017в. – № 1. – С. 176–183.

212. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 томах. – М., 1983. – Т.2. – 686 с.

213. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

214. Ли С. Позиционная обусловленность числовых значений русского существительного (граммема множественного числа): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ли Сон Ми. – М., 2002. – 376 с.

215. Лихачев Д.С. Заметки о русском [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/zam.htm

216. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – № 1. – Т. 52. – С. 3–9.

217. Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – 351 с.

218. Логический анализ языка. Языки пространств. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

219. Локк Дж. Избранные философские произведения. – М., 1960. Т. 1. – 736 с.

220. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 477 с.

221. Лосев А.Ф. Языковая структура: учебное пособие. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 373 с.

222. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Издательство «Мысль», 1994. – 919 с.

223. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Академический Проспект, 2009. – 300 с.

224. Любарский Г.Ю. Происхождение иерархии: история таксономического ранга. – М.: товарищество научных изданий КМК, 2018. – 659 с.

225. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 390 с.

226. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Дис. … д-ра филол. наук: 10.002.19 – теория языка, 10.02.04 – германские языки / Магировская Оксана Валериевна – Тамбов, 2009. – 351 с.

227. Магировская О.В. Универсальные когнитивные механизмы дискурсивной организации знания// Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 451–454.

228. Магировская О.В. Антропоцентрическая природа языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 158–184.

229. Макарова Е. А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-kachestvennyh-i-otnositelnyh-prilagatelnyh-v-kognitivnom-osveschenii

230. Маковский М.М. Понятие лингвистического времени // Иностранные языки в школе. –1976. – № 6. – С. 3–12.

231. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения. – М., 1998. – 545 с.

232. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ←→ Текст». Семантика. Синтаксис. – Наука, 1974. – 314 с.

233. Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова. / Пер. с англ. Е.В. Ломановой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 543 с.

234. Мерданова С., Даниель М. Концептуализация числа в языке без дефектных числовых парадигм (агульский язык – взгляд извне и изнутри) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/daniel/DanielMerdanova%20AgulNumber.pdf

235. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.

236. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1999. – 310 с.

237. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.; Л. : АН СССР, 1945. – 319 с.

238. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: Автореф дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Михеева Любовь Николаевна. – М., 2004. – 30 с.

239. Молчанова Г.Г. Когнитивно-коммуникативные механизмы организации пространства английского урбанонима // Когнитивные исследования языка. – 2017а. – Вып. XXIX. – С. 140–148.

240. Молчанова Г.Г. Антропоцентрический принцип форматирования устойчивого вербального символа (когнитивный аспект) // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXVIII. – С. 332–377.

241. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 9–20.

242. Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 9–18.

243. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.

244. Мусаева Х.М. Структурно-семантическая и функциональная характеристика числительных в лакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02.20 – сранительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Мусаева Хадижат Магомедовна. – Махачкала, 2011. – 17 с.

245. Мякшева О.В. Пространственная семантика: реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения: Автореф. дис. … д. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Мякшева Ольга Викторовна. – Саратов, 2008. – 50 с.

246. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии: пер. с англ. – М.: «Прогресс», 1981. – 230 с.

247. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс / Пер. Н. Сироткина // Критика и семиотика. – 2001. – Вып. ¾. – С. 5–32.

248. Никитин М.В. Предел семиотики // Вопросы языкознания. – 1997а. – № 1. – С. 3–14.

249. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога,1997б. – 760 с.

250. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – 277 с.

251. Нильсен Е.А. Структура понятийной составляющей концепта «время» в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 20–27.

252. Нильсен Е.А. Способы вербализации темпорального сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 59–64.

253. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

254. Павлова А.В. Статальная концептуализация знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. – 2016а. – Вып. XXV. – С. 751–755.

255. Павлова А.В. Состояние как формат языкового знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016б. – № 3. – С. 96–102.

256. Павлова А.В. Языковые механизмы статальной категоризации // Baltic Humanitarian Journal. – 2018. – № 1 (22). – Т. 7. – С. 124–126.

257. Панасенко Л.А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 200 с.

258. Панфилов В.З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // Вопросы языкознания. – 1976а. – № 6. – С. 3–18.

259. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития // Вопросы языкознания. – 1976б. – № 4. – С. 18–38.

260. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. – М.: Наука, 1977. – 288с.

261. Парнюк М.А., Рыжко В.А. и др. Категория количества в науке. – Киев: Наука Думка, 1991. – 242 с.

262. Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Избранные психологические труды. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

263. Пирс Ч. С.Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

264. Плотин. Избранные трактаты. В 2-х томах. Т.1. – М.: Издательство «РМ», 1994. – 128 с.

265. Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах (серия "Античная библиотека"). – СПб.: издательство "АЛЕТЕЯ", 1995. – 669 с.

266. Потаенко Н.А. К языковому освоению временной структуры действительности // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 45–53.

267. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. Том I–II. – М., 1958. – 536 с.

268. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

269. Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр./Под ред. Л. С. Понтрягина. – 2-е изд., стер. – М.: Наука. Гл. ред, физ.-мат. лит., 1990. – 736 с.

270. Путятина Е.И. Английские и русские числительные в сопоставлении с их аналогами в разноструктурных языках: монография. – Тюмень: Аксиома, 2013. – 216 с.

271. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. – М.: МГПУ, 2006. – 320 с.

272. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – М.: ТЕРРА – «Книжный клуб»; Республика, 2000. – 464 с.

273. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Вступ. Статья В.А. Суровцева; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 264 с.

274. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

275. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

276. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вст ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проспект, 2008. – 695 с.

277. Рикер П. Философская антропология. Рукописи и выступления / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2017. – 312 с.

278. Рифтин А.П. Из истории множественного числа // Ученые записки ЛГУ. Серия филологические науки. – 1946. – Вып. 10. – С. 50–56.

279. Руденко Д.И. О смысловой специфике собирательных существительных // Русский язык в школе. – 1987. – № 1. – С. 39–44.

280. Руденко Д.И. Имя в парадигме «философии языка». – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.

281. Руденко Д.И. Семантика имени и семантика количества // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX-XX. – М.: Наука, 1992. – С. 30–44.

282. Савельева О.С. Структура категориального значения предметности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 34 (215). Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. – С. 105–108.

283. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Сандакова Марина Всеволодовна – М., 2004. – 439 с.

284. Связь и обособленность / отв. Ред. М.А. Парнюк. – Киев, 1988. – 185 с.

285. Селеменева О.А. Структурная схема «где есть какое состояние» как репрезентант синтаксического концепта «состояние природы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 194–198.

286. Селеменева О.А. Концепт СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ в русской языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1 (030). – С. 73-81.

287. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.43–77.

288. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

289. Сергаева Ю.В. Имена групп как объект словотворчества // StudiaLinguistica. Перспективные направления современной лингвистики XII. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2003. – С. 113-122.

290. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]; отв. ред. Б.А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

291. Сигал К.Я. Иконичность в языке и некоторые ее синтаксические проявления // Язык. Текст, Дискурс. – 2013. – № 11. – С. 56–71.

292. Симонова К.Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопостаительное языкознание / Симонова Карина Николаевна. – Пятигорск, 2003. – 23 с.

293. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 592 с.

294. Сорокина Т.С. Динамика функционирования репрезентантов концепта «СОСТОЯНИЕ» в новоанглийский период // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018а. – Вып. 15 (810). – С. 9–18.

295. Сорокина Т.С. Концепт «СОСТОЯНИЕ» как гештальт и когнитивная схема языковой интерпретации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018б. – Вып. 10 (803). – С. 161–173.

296. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 146 с.

297. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1987. – 361 с.

298. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.

299. Степанова А.В. Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках: на материале английского, русского и чувашского языков: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопостаительное языкознание / Степанова Анна Владимировна. – Чебоксары, 2007. – 24 с.

300. Сулименко Н.Е. Когнитивный аспект семантики русских прилагательных [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-aspekt-semantiki-russkih-prilagatelnyh

301. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. – Минск: Изд. БГУ имени В.И. Ленина, 1969. – 232 с.

302. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. – 1999. – № 4. – С. 76–104.

303. Тань Аошуан. Китайская картина мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

304. Тейяр де Шарден Феномен человека: Сб. очерков и эссе: Пер. с фр. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.

305. Телегина Е.В. Оценочно-культурологический аспект русских и английских фразеологизмов с порядковыми количественными числительными: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Телегина Елена Васильевна. – Екатеринбург, 2017. – 22 с.

306. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

307. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

308. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – М.: Наука, 1996. – 264 с.

309. Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». – М.: Наука. 1972. – 215 с.

310. Топоров Б. Н.Числа // Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Светская энциклопедия, 1982. – 719 с.

311. Тошович Б. Квантитативная категоризация и категориальная квантификация // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С. 104–126.

312. Туленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дисс…. к. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Туленинова Лариса Владимировна. – Волгоград, 2008. – 20 с.

313. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 218 с.

314. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 172 с.

315. Тяпко Г.Г. Развитие категории качества в сербском литературном языке (на материале «Сербского словаря» Вука Караджича) // Слов'янський збірник/ Відп. ред. А.К. Смольська. – Одеса: Астропринт, 2003. – С. 114-124.

316. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Издательство «Мысль», 1978. – 272 с.

317. Федяева Е.В. О типологии знаний в метафоре количества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-2 (52). – С. 170–173.

318. Федяева Е.В. Существительные-эталоны размерности как отражение результатов восприятия пространственных признаков объектов // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 1 (25). – С. 173–188.

319. Федяева Е.В. Роль числового символизма в интерпретации свойств и отношений // Научный диалог. – 2017. – № 5. – С. 126-138.

320. Федяева Е.В. Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 169–182.

321. Федяева Е.В. Сквозь призму КОЛИЧЕСТВА: Количественная интерпретация качества в языке: Монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 223 с.

322. Федяева Н.Д. Нормы в пространстве языка. 2-е изд. Стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 172 с.

323. Флоренский П.А. Анализ пространства и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.

324. Фреге Г. Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа. – Томск: Издательство «Водолей», 2000. – 128 с.

325. Фреге Г. Логика и логическая семантика; Пер. с нем. /Под ред. З.А. Кузичевой; Вступ. ст., введ. и послесл. Б.В. Бирюкова; Коммент. Б.В. Бирюкова, З.А. Кузичевой. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 512 с.

326. Фромм Э. Человек для себя. – М.: Астрель, 2012. – 314 с.

327. Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

328. Функционально семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 1998. – 360 с.

329. Фурс Л.А. Оперативное и декларативное знания в процессах конструирования // Когнитивные исследования языка: типы знаний и проблема их классификации. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – Вып. III. – С. 104-110.

330. Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2. – 2018. – С. 74–78.

331. Ховалкина А.А. Лексическое выражение категории величины признака в современном русском языке: Автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ховалкина Александра Александровна. – М., 1996. – 38 с.

332. Ховалкина А.А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. – Симферополь: LegeArtis, 2014. – 212 с.

333. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Ленинград, 1989. – С. 5–15.

334. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XVI Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.183–195.

335. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Ленинград, 1947. – 270 с.

336. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.А. Мазурова, О.В. Фёдорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 60–88.

337. Чеснокова Л.Д. Категория количество и синтаксические структуры // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 44–52.

338. Чеснокова Л.Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 82–90.

339. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 1992. – 198 с.

340. Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. – 291 с.

341. Чиркинян Н.С. Поле количественности (на материале русского и армянского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Чиркинян Нинель Суреновна. – Ереван, 1980. – 28 с.

342. Чистякова Ю.А. Различия в трактовке концепта «качество» в русскоязычной и англоязычной рекламной коммуникации // КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. ЯЗЫК. Сб. Мат. конф. «Чтения Ушинского»: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2016. – С. 53–58.

343. Шабаев В.Г. Некоторые аспекты проявления философской категории количества в лингвистике // Научный вестник. –1999. – №1(6). – С. 164–173.

344. Шарандин А.Л. Оппозитивные отношения в системе знания // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 75–89.

345. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 75–82.

346. Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. – 116 с.

347. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современных английском, русском и украинском языках. – Киев: Головное издательство издательского объединения «Вища школа», 1981. – 143 с.

348. Шибкова О.С. Когниолингвистическая концепция категории Качество. Диссертация... д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Шибкова Оксана Сергеевна. – Ставрополь, 2006а. – 460 с.

349. Шибкова О.С. Становление категории «качество»: логика, грамматика, когнитика. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006б. – 161 с.

350. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

351. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

352. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 432 с.

353. Щетников А.И. Пифагорейское учение о числе и величине. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – 52 с.

354. Эдельман Д. И. К категории единичного/общего в иранских языках // Язык: теория, история, типология. Российская академия наук. Институт языкознания. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С.447–452.

355. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваля. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

356. Юздова Л.П. Содержание понятия «квалитативность» в философии и языкознании // Вестник ЧГПУ. – 2008. – № 11. – С. 265–272.

357. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: АСТ – ЛТД: Канон +, 1998. – 399 с.

358. Юрченко В.С. Реальное время и структура языка. – Саратов: Изд-во Сарат. Пед. Ин-та, 1994. – 47 с.

359. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.

360. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.111–126.

361. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

362. Яновская С.А. Определение количества. Об экстенсивном и интенсивном количестве // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 467–484.

363. Adjective Classes. A Cross-linguistic Typology. Ed. by R.M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. – Oxford University Press, 2006. – 370 p.

364. Anderson J. The Architecture of Cognition. – Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1983. – 345 p.

365. Barsalou L. W. Perceptual symbol system // Behavioral and brain sciences. – 1999. – # 4. – V. 22. – P. 577–660.

366. Barsalou L. W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. – 2008. – V. 59. – P. 617–645.

367. Bolinger D. Degree Words. – The Hague, Paris: Mouton, 1972. – 324 p.

368. Bolinger D. Language. The loaded Weapon. The use and abuse of language today. – N.Y., London: Longman, 1980. – 214 p.

369. Butterworth B. The Mathematical Brain. – Lnd.: Macmillan, 1999. – 480 p.

370. Cienki A. Metaphors and Cultural models as profiles and bases // Metaphor in Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, July 1997. – John Benjamins Publishing Company. – Amstedam/Philadelphia 1997. – P. 189–203.

371. Corbett G. G. Number. – Cambridge University Press, 2000. – 358 p.

372. Corbett G.G., Mithun M. Associative forms in a typology of number systems: evidence from Yup'ik // Journal of Linguistics. – Cambridge University Press. – 1996. – № 3. – V. 32. – P. 1–17.

373. Count and Mass Across Languages. Ed. by D. Massam. – Oxford University Press, 2012. – 310 p.

374. Croft W., Cruise D.A. Cognitive linguistics. – Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

375. Dehaene S. Varieties of numerical abilities // Cognition. – 1992. – V. 44. – P. 1–42.

376. Dehaene S. The Number sense. – N.Y.: Oxford University Press, 1997. – 250 p.

377. Dehaene S., Bossini S., Giraux P. The mental representation of parity and number magnitude // Journal of Experimental Psychology: General. –1993. – V. 122. – P. 371–396.

378. Dennett D. Consciousness Explained. – L., N.Y., 1993. – 512 p.

379. Dijk van J.-P., Gevers W., Fias W. Numbers are associated with different types of spatial information depending on the task // Cognition. – 2009. – V. 113. – P. 248–253.

380. Dijk van T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983. – 389 p.

381. Dodd M. D., Van der Stigchel S., Leghari M.A., Fung G., Kingstone A. Attentional SNARC: There's something special about numbers (let us count the ways) // Cognition. – 2008. – V. 108. – P. 810–818.

382. Donald M. Origins of the modern mind: three stages in the evolution of culture and cognition. – Cambridge (Mass), London: Harvard University Press, 1991. – 413 p.

383. Everett D.L. Language. The Cultural Tool. – Vintage Books, 2012. – 351 p.

384. Fiedler W. Collective plural forms in Albanian and Balkan Slavic // Folia Slavica, 1981. – № 4. – P. 263–272.

385. Fisher M. H., Mills R. A., Shaki S. How to cook a SNARC: number placement in text rapidly changes spatial-numerical associations // Brain and Cognition. – 2010. – № 72. – P. 333–336.

386. Frege G. Philosophical and mathematical correspondence. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 214 p.

387. From Perception to Meaning. Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by Hampe B. – Mouton de Gruyter: Berlin, New York, 2005. – 485 p.

388. Gallistel C.R., Gelman R. Preverbal and verbal counting and computation // Cognition. – 1992. – V. 44. – P. 43–74.

389. Gevers W., Verguts T., Reynovoet B., Caessens B., Fias W. Number and Space: A computational model of the SNARC effect // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 2006. – V. 32. – P. 32–44.

390. Greenberg G. On Language. Selected Writings. – Stanford: Stanford University Press, 1990. – 737 p.

391. Griece P. Studies in the way of words. – Cambridge, London: Harvard University Press, 1989. – 394 p.

392. Hale K. Gaps in grammar and culture // Linguistics and Anthropology. Lisse The Peter De Ridder Press, 1975. – P. 295–315.

393. Hevia de M., Izarda V., Coubarta A., Spelked E S., Streria A. Representations of space, time, and number in neonates // Psychological and Cognitive Sciences. – 2014. – V. 111. – № 13. – P. 4809–4813.

394. Higgins P. Number story from counting to cryptography. – Springer-Verlag London Limited, 2008. – 334 p.

395. Hofstadter D., Sander E. Surfaces and Essences. Analogy as the Fuel and Fire of Thinking. – N.Y. Basic Books, 2013. – 592p.

396. Hofweber T. Number determiners, numbers, and arithmetic // Philosophical Review. – 2005. – № 114 (2). – P. 179–225.

397. HopperV. F. Medieval number symbolism: its sources, meaning, and influence on thought and expression. New York, Mineola: Dover Publications Inc., 2000. – 241 p.

398. Izard V., Dehaene S. Calibrating the mental number line // Cognition. – 2008. – V. 106. – P. 1221–1247.

399. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge: The MIT Press, 1984. – XIV. – 284 p.

400. Jackendoff R. Semantic Structures. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1990. – 322 p.

401. Jackendoff R. Parts and boundaries // Cognition. – 1991. – № 41. – P. 9–45.

402. Johnson-Laird P. N. Mental models in Cognitive Science // Cognitive Science. – 1980. – № 4. – P. 71–115.

403. Kappraff J. Beyond Measure: A guided tour through Nature, Myth, and Number. – World Scientific: New Jersey, London, Singapore, Hong Kong, 2002. – 582 p.

404. Kluckhohn F., Strodberck F. Variations in Value Orientations. – New York: Row, Peterson, 1960. – 340 p.

405. Kövecses Z. METAPHOR. Does it constitute or reflect cultural models? // Metaphor in Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, July 1997. – John Benjamins Publishing Company. – Amstedam/Philadelphia 1997. – P. 167–188.

406. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

407. Lakoff G., Núñez R. E. Where Mathematics Comes from. How The Embodied Mind Brings Mathematics into Being. – Basic Books, 2000. – 492 p.

408. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. – Stanford, California: Stanford University Press. 1987. – 540 p.

409. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 359 p.

410. Langacker R.W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. – Oxford University Press, 2008. – 562 p.

411. Longo M.R., Lourenco S.F. Spatial attention and the mental number line: Evidence for characteristic biases and compression // Neuropsychology. – 2007. – V. 45. – P. 1400–1407.

412. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // Behavior research methods. – 2013. – № 45(2). – P. 516–526.

413. Marquard O. In Defense of the Accidental. Philosophical Studies. Oxford University Press, 1991. – 144 p.

414. Moore T., Carling, Ch. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics. – London: Macmillian. –1984. – V. 20. – № 2. – P. 374–378.

415. Núñez R.E. Embodied Cognition and the Nature of Mathematics: Language, Gesture, and Abstraction [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cogsci.ucsd.edu/~nunez/web/CogSci04_paper.pdf

416. Paivio A. Imagery and verbal process. – N.Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1971. – 596 p.

417. Paivio A. A. Mental representations: A dual coding approach. – N. Y.: Oxford University Press, 1986. – 322 p.

418. Palmer Gary B. Toward a theory of cultural linguistics. – University of Texas Press, 1996. – 348 p.

419. Pinker S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language. – N.Y., 1994. – 600 p.

420. Pinker S. How the Mind works. – N.Y.: Oxford University Press, 1999. – 660 p.

421. Pylyshyn Z. What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain Psychological Bulletin. – 1973. – Vol. 80. – P. 1–24.

422. Pylyshyn Z. Computation and Cognition: issues in the foundations of cognitive science // The Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – № 3. – P.111–169.

423. Pylyshyn Z. Visual Indexes. Preconceptual Objects, and Situated Vision // Cognition. – 2001. – Vol. 80. – P. 127–158.

424. Rothstein S. Semantics for Counting and Measuring. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 270 p.

425. Sapir E. An Introduction to the Study of Speech. – Courier Corporation, 2004. – 200 p.

426. Schaff A. Language and Cognition. – Boston University: Mc Graw – Hill Book Company, 1973. – 194 p.

427. Shaki S., Fisher M. H., Petrusic W. M. Reading habits for both words and number contribute to the SNARC Effect // Psychonomic Bulletin & Review. – 2009. – № 16. – P. 328–331.

428. Shapiro M. The sense of grammar: Language as semeiotic. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1983. – 236 p.

429. Talmy L. Toward a cognitive semantics. V.II: Typology and Process in concept structuring. – Cambridge Massachusetts, London England: The MIT Press, 2001. – 495 p.

430. The Amazonian Languages / Ed. By Dixon R.M.W. and Aikhenvald A.Y. – Cambridge University Press, 1999. – 448 p.

431. Trick L.M., Pylyshin Z.W. Why are small and large numbers enumerated differently? A limited-capacity preattentive stage in vision // Psychological Review. – 1994. – Vol. 101. – P. 80–102.

432. Ungerer F., Schmidt Y. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – Lnd. and N.Y.: Longman, 2006. – 400 p.

433. Wang Y. On cognitive models of causal inferences and causation networks // International Journal of Software Sciences and Computational Intelligence. – 2011. – Vol. 3(1). – P. 50–60.

434. Wetzer H. Nouniness and Verbiness. A Typological Study of Adjectival Predication. – Nijmegen, 1995. – 361 p.

435. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. – New York: John Benjamins, 1988. – 617 p.

436. Wierzbicka A. Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings / Ed. By C. Goddard. – Amsterdam: John Benjamins, 1994. – 510 p.

437. Wood G., Willmes K., Nuerk H. Ch., Fisher M. H. On Cognitive Link between Space and Number: a meta-analysis of the SNARC Effect // Psychology Science Quarterly. – Vol. 50. – 2008. – P. 489–525.

438. Zwaan R. A., Radvansky G. A. Situation Models in Language Comprehension and Memory // Psychological Bulletin. – 1998. – № 2. – Vol. 123. – P. 162–185.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. НФЭ – Новая философская энциклопедия. – М.: «Мысль», 2001. – Т.II. – 634 с.

2. НФЭ – Новая философская энциклопедия. – М.: «Мысль», 2010. – Т.3. – 634 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АНСССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 750 с.

4. Dictionnaire portatif de la langue française [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=l35eAAAAcAAJ&pg

5. LDLC – Longman Dictionary of Language and Culture. – Longman, 1998. – 1568 p.

6. LLDLF – Lexis Larousse de la langue francaise. – Paris: Larousse, 2002. – 2109 p.

7. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – Oxford University Press, 2000. – 1540 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Абрамов Ф. Бабилей: рассказы, повести [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=KW9LAAAAMAAJ&q
2. Абузяров И. Мутабор [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=cX6DAQAAQBAJ&pg
3. Александрова Н. Порванная струна [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=x9WPaF_xgR4C&pg
4. Андреев Л. О российском интеллигенте [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=tYo1Q2gX7VcC&pg
5. Андреев Л.Н. Избранное [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1110.shtml
6. Аникин К. Нульт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=xY-hAAAQBAJ&pg
7. Арнаутова Д., Соловьева Е. Королева теней. Двойная звезда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=SUuvDwAAQBAJ&pg
8. Бакунин М.А. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.syndikalist.narod.ru/bakunin/bakunin04.htm
9. Баскова О. Ты будешь только моей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=yKvmP951U-wC&pg
10. Бачинская И. Лучшие уходят первыми [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=tZyfBSVm8VsC&pg
11. Бояндин К. Последний час надежды [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=OSODAQAAQBAJ&pg
12. Брикер М. Горькая дольче вита [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=OeqlAAAAQBAJ&pg
13. Брюсов В. Александр Великий [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/bryusov_stikhotvoreniya_i_poemy_1961__ocr.pdf

14. Булгаков М.А. Романы: Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Театральный роман. Мастер и Маргарита. / Предисл. Е. Сидорова. – Ереван: Луйс, 1988. – 863 с.

15. Булгаков М.А. Собачье сердце. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2011. – 304 с.

16. Булычев К. Тринадцать лет пути [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=jiqQZr_gillC&pg

17. Бушков А.А. Спаситель Короны. – ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 272 с.

18. Быков В. Третья ракета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=wGD2wV2I5TAC&pg

19. Быков Д. Икс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=XWy5AAAAQBAJ&pg

20. Вайз Е. Худая и счастливая. Моя диета-есть досыта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=mlwkDwAAQBAJ&pg

21. Васильев В. Мемуары Панаса Галушки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libking.ru/books/sf-/sf-humor/136979-vladimir-vasilev-silnye-dyhom.html

22. Веденеев В. Человек с чужим прошлым [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=dQSBAQAAQBAJ&pg

23. Векшин Н. Эликсир жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=5thzBQAAQBAJ&pg

24. Веллер М. Великий последний шанс (сборник) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litres.ru/mihail-veller/velikiy-posledniy-shans/chitat-onlayn/page-7/

25. Веллер М. Легенды Арбата. – М.: «Издательство Астрель», 2011. – 316 с.

26. Веллер М. Легенды Невского проспекта. – М.: Изд-во Москва, 2010. – 415 с.

27. Веркин Э. Облачный полк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=-ad0BgAAQBAJ&pg

28. Волков А. Время отмщения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knigagid.ru/books/528435-vremya-otmscheniya/toread
29. Горская Н. Дендрофобия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=knc7DwAAQBAJ&pg
30. Горький М. Детство [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=_nNLDwAAQBAJ&pg=PT128&lpg
31. Гранин Д. Картина: роман. Центрполиграф, 2004. – 399 с.
32. Григорьев Д. Кровь, или 72 часа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=hvCxAwAAQBAJ&pg
33. Грин А. Алые паруса [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=YMdJDwAAQBAJ&pg
34. Грин А.С. Избранное. – М.: Правда, 1987. – 592 с.
35. Гурвич В. Служили два товарища [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=WfxHDwAAQBAJ&pg
36. Дон. Вып. 9-12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=XbmyAAAAIAAJ&q
37. Донцова Д.А. Аполлон на миллион: роман. – М.: Эксмо, 2015. – 320 с.
38. Донцова Д.А. Гимназия неблагородных девиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://e-libra.net/read/473772-gimnaziya-neblagorodnyh-devic.html
39. Донцова Д.А. Живая вода мертвой царевны: роман. – М.: Эксмо, 2012. – 352 с.
40. Донцова Д.А. Зимнее лето весны все [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=LnFPJ3uJgZcC&pg
41. Донцова Д.А. Камин для Снегурочки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=bcY4BVev3e0C&pg
42. Донцова Д.А. Сафари на черепашку [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=tnjXgf8DUVUC&pg
43. Донцова Д.А. Эта горькая сладкая месть [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=KbMocu0ERtEC&pg

44. Донцова Д.А. Бассейн с крокодилами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=gki09yorOrsC&pg

45. Донцова Д.А. Гений страшной красоты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=X-bEcXB9_xQC&pg

46. Донцова Д.А. Женихи воскресают по пятницам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=XLlP2hcPRY4C&pg

47. Донцова Д.А. Лампа разыскивает Алладина [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=g_JIkR-d5iIC&pg

48. Донцова Д.А. Полет над гнездом индюшки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=v5k-zBRxD1gC&pg

49. Донцова Д.А. Развесистая клюква Голливуда: роман. – М.: Эксмо, 2012. – 384 с.

50. Донцова Д.А. Третий глаз-алмаз [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=k5BTFe1R9wIC&pg

51. Донцова Д.А. Шекспир курит в сторонке. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.

52. Драгунский В.Ю. Денискины рассказы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=T3N9DELIlF8C&pg

53. Дубровный А. Листик. Секретная миссия. М.: Альфа-книга, 2013.

54. Дудченко П. Жизнь и клинические случаи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=AhTuCgAAQBAJ&pg

55. Дышев А. Однокла$$ник, который знал все [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=EdSZqZm0_GgC&pg

56. Дьяков В. Золото наших предков [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=dAuVAgAAQBAJ&pg

57. Ефимов А. Требуется Темный Властелин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/e/efimow_aleksej_alekseewich/trebuetsatemniyvlastelin.shtml

58. Жуков В. Маэстро, Ваш выход! [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=3VmCAQAAQBAJ&pg

59. Затонская Н. Постановочный вариант [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=WnHBAwAAQBAJ&pg

60. Иванов Ю. Тот, кто придет за тобой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=BRODAQAAQBAJ&pg

61. Иванова К. Новогодний серпантин. Зимние истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=bkSMDwAAQBAJ&pg

62. Исаев А., Коломиец М. Последние контрудары Гитлера [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ce5KGbZ14IUC&pg

63. Искандер Ф.А. Рассказ о море [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apsnyteka.org/627-iskander_rasskaz_o_more.html

64. Ищенко Е.П. Потусторонний криминал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=vBZqDwAAQBAJ&pg

65. Казанцев С. Взаперти [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Sq5VDwAAQBAJ&pg

66. Калинина Д. Призрак в кожаных ботинках [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=yG9UDwAAQBAJ&pg

67. Капитонов В. Бумеранг [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://samlib.ru/k/kapitonow_w/bum.shtml

68. Каришнев-Лубоцкий М. Чудесное наследство [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DLJzXFLM9AEC&pg

69. Кащеев К., Волынская И. Магия без правил [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=PuXUOFdl9RoC&pg

70. Константинова В. Плохой хороший человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=J3D3CwAAQBAJ&pg

71. Корецкий Д. Свой круг [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=3LM5BhYlm4cC&pg

72. Крашенинникова Д. Самая лучшая жена [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=FwplCgAAQBAJ&pg

73. Кураре З. Человек точка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iknigi.net/avtor-zoya-kurare/76539-chelovek-tochka-zoya-kurare/read/page-7.html

74. Ламперти О. Падаю в небо [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=R7c9DwAAQBAJ&pg

75. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянниковой, П. Мицнера. – 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: TSQ, 2016. – 509 с.

76. Липатов В. Лев на лужайке [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=4h9gAAAAMAAJ&q

77. Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=NgYYAAAAMAAJ&q

78. Майоров Г.Н. Пенальти [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?hl=ru&id=_8oYAQAAIAAJ&dq

79. Макеев А. Товарищ майор [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=UmihBAAAQBAJ&pg

80. Максимов К. Сторожевой волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=n7mjBAAAQBAJ&pg

81. Мамин-Сибиряк Д. В горах. Очерки из уральской жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/182997-dmitriy-mamin-sibiryak-v-gorah-ocherk-iz-uralskoy-zhizni.html

82. Маринина А. Смерть ради смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=9CulpZg8vkUC&pg

83. Марк Г. Двое и одна [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=UFNmDgAAQBAJ&pg

84. Маршак С. Кошкин дом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4510

85. Минаков В. Дом невезения. Рассказы и фельетоны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Jg9BDwAAQBAJ&pg

86. Михановский В. В далеком дрейфе [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=GLPZJQPLv4IC&pg

87. Москвина Т. Энциклопедия русской жизни. Моя летопись [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://document.wikireading.ru/52260

88. Наст А. Оскал тьмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DVBSDwAAQBAJ&pg

89. Незнанский Ф. Объявляется посадка на рейс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=rt5zBQAAQBAJ&pg

90. Незнанский Ф. Слепая любовь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=-99zBQAAQBAJ&pg

91. Нестеров М. Агент силовой разведки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=KY_PAAAAQBAJ&pg

92. Никольская Н. Двойная петля [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=kavNAAAAQBAJ&pg

93. Национальный Корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/

94. Нормаев К. Хранитель историй [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=InA3DwAAQBAJ&pg

95. Обручев В.А. Сочинения в четырех томах: Т.2.: Плутония; Золотоискатели в пустыне; Рассказы. – М.: ТЕРРА, 2009. – 636 с.

96. Овчинников О. Погода в доме [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=33bBz8JuhKYC&pg

97. Орлов А. Западня [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knigagid.ru/books/121444-zapadnya/toread

98. Орловский Г., Молчан Ю. Со смертью наперегонки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=0gTJDgAAQBAJ&pg

99. Пасикун К. Жизненная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=jylhBwAAQBAJ&pg

100. Песков В. По зимнему следу [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=lch5DgAaQBAJ&pg

101. Петков В. Старая ветошь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=QquDgAAQBAJ&pg

102. Плотников С. Рубежник [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=YRKrDwAAQBAJ&pg

103. Покровский А. Бортовой журнал 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knigagid.ru/books/112426-bortovoy-zhurnal-4/toread

104. Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 381 с.

105. Поляков Ю. Гипсовый трубач: Дубль два. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 448 с.

106. Постолов А. Речитатив [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=8duhAAAAQBAJ&pg

107. Прахов И.А. Единый государственный экзамен и детерминанты результативности абитуриентов: роль инвестиций в подготовку к поступлению // Прикладная эконометрика. – 2012. – № 3 (27). – С. 86-108.

108. Прокопенко И. По обе стороны фронта. Неизвестные факты Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=50XZBgAAQBAJ&pg

109. Радзинский Э. Сталин. Жизнь и смерть [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=RZemAAAAQBAJ&pg

110. Распутин В. Повести. – М.: «Молодая гвардия», 1976. – 653 с.

111. Рождение современных демократий [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=pFliAQAAIAAJ&q

112. Рой О. Фантомная боль [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=g6fDBgAAQBAJ&pg

113. Сагаш В. Сны Вероники (сборник) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=LdthAAAAQBAJ&pg

114. Самаров С. Отчуждение [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=YC5cDgAAQBAJ&pg

115. Сахнов С. Есть ли жизнь после 60-ти или вокруг света на велосипеде [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knijky.ru/books/est-li-zhizn-posle-60-ili-krugosvetnoe-puteshestvie-na-velosipede?page=4

116. Светлая Л. Немного счастья для Лены [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=zjFTDAAAQBAJ&pg

117. Святенко Ю. Разрешаю себе чувствовать [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=3IxyDwAAQBAJ&pg

118. Серова М. Смерть наяву [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=MSLBAAAAQBAJ&pg

119. Соболев Л. Военные повести: Зеленый луч. – М.: Известия, 1966. – 749 с.

120. Соболева Л. Миф о вечной любви [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=hTPFFR0-ZXUC&pg

121. Соболева Л. Улыбка Горгоны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=wZDMAAAAQBAJ&pg

122. Солженицын А. В круге первом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt_with-big-pictures.html

123. Соловьев В. Волхвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr-xx/sol001a.htm?1/14

124. Старшинов А. Закон есть закон [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Df69X66WSjUC&pg

125. Степанов А. Привал странников [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knigagid.ru/books/211562-prival-strannikov/toread

126. Степанова Т. Невеста вечности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=m9sBBQBAJ&pg

127. Степанова Т. Яд-шоколад [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=N2lwAwAAQBAJ&pg

128. Стэнк К. Возродившие будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=RrrfCwAAQBAJ&pg

129. Титкова Т. Курс выживания для вожатого [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=0l6sBAAAQBAJ&pg

130. Токарев В. Вечный посох [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=RxoaAQAAIAAJ&q

131. Токарева В. Дерево на крыше. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 318 с.
132. Трищенко С. Таблетки от пуль (сборник) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=cA2SAgAAQBAJ&pg
133. Троицкий А. Шпион особого назначения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bookz.ru/authors/andrei-troickii/6pion-os_181/page-3-6pion-os_181.html
134. Улицкая Л. Певчая Маша [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=nX-0jKk2_u0C&pg
135. Улицкая Л. Сонечка. – М.: Эксмо, 2007. – 160 с.
136. Хрусталева И. Облом нечаянно нагрянет [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knigagid.ru/books/14575-oblom-nechayanno-nagryanet/toread
137. Чалова Е. Охота на купидона [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=cXtkAAAAQBAJ&pg
138. Черниховская Н. Красная луна [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=bSEmDwAAQBAJ&pg
139. Чернов Д. Девушка на скамейке [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litres.ru/dmitriy-chernov/devushka-na-skameyke/chitat-onlayn/
140. Чернов Д. Сборник рассказов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=lnjHDwAAQBAJ&pg
141. Чехов А.П. Скучная история [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=9MFNDwAAQBAJ&pg
142. Чехов А.П. Пустой случай [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=6lj-8zC53W0C&pg
143. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=EV-2oas-LXYC&pg
144. Чиж А. Пять капель смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=sdx96gi8ghcC&pg
145. Чудакова М. Дела и ужасы Жени Осинкиной [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Xda4AAAAQBAJ&pg

146. Шаинский В., Пляцковский М. Дважды два четыре [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.karaoke.ru/song/294.html
147. Шилова Ю. Порочная красота, или сорви с меня мою маску [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://allbookslib.com/book/rokovaya-noch-cf59a4/text/
148. Шолохов М. Тихий Дон [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=89OfBwAAQBAJ&pg
149. Щепетнов Е. Слава. Звездный волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knizhnik.org/evgenij-schepetnov/slava-zvezdnij-volk/1
150. Юзефович Л. Поздний звонок [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ffK4AAAAQBAJ&pg
151. 10 romans inédits [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=LZ-nBAAAQBAJ&pg
152. Amy Tan. The Joy Luck Club. – Lnd.: Vintage Books, 1998. – 288 p.
153. Archer J. False Impression. – Pan Books, 2005. – 451 p.
154. Atwood M. Alias Grace. – Lnd.: Virago Press, 1997. – 545 p.
155. Atwood M. Cat's Eye. – Lnd.: Virago Press, 2004. – 498 p.
156. Atwood M. Moral Disorder. – Bloomsbury, 2006. – 260 p.
157. Atwood M. Oryx and Crake. – Lnd.: Virago Press, 2004. – 436 p.
158. Atwood M. The Heart Goes Last. – Bloomsbury Publishing, 2015. – 320 p.
159. Avery M.E., Litwack G. Née trop tôt [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=x_CUQ1QoMvQC&pg
160. Baird J. Un bébé, un secret. – Harlequin, 2013. – 448 p.
161. Barnes M. Captain Beefheart: The Biography [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Bz0pAwAAQBAJ&dq
162. Beaton M.C. Agatha Raisin: As the Pig Turns [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ncKeBAAAQBAJ&pg
163. Beatty L. Darkling [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=KwSjAgAAQBAJ&pg

164. Berger S. Faking It [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=7WiMAAAAQBAJ&pg
165. Bibaud M. La Bibliothèque Canadienne ou Miscellanées Historiques, Scientifiques et Littéraires [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=D1sOAAAAYAAJ&pg
166. Bloy L. Le Désespéré [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=rjqiBgAAQBAJ&pg
167. Bombeck E. If Life Is A Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits. – NY.: Ballantine books, 1978. – 213 p.
168. Bougeault Ph., R. Sadourny. Dynamique de l'atmosphère et de l'océan [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.editions.polytechnique.fr/files/pdf/EXT_0825_9.pdf
169. Brice J. R. The Rosebud Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Ns12IAQj2-sC&pg=PA176&lpg
170. Brown D. The Da Vinci Code. – N.Y.: Doubleday, 2004. – 489 p.
171. Bruska R. L. The Bridge that Arched the Flood. A novel of the Revolution. – Xlibris, 2007. – 252 p.
172. Buchan E. Wives Behaving Badly. – Penguin Books, 2007. – 338 p
173. Burrows D. A Stranger in my Street. – Pan Macmillian Australia, 2012. – 342 p.
174. Clarke S. Merde Happens. – Transworld Publishers, 2008. – 384 p.
175. Clavel B. Le Soleil des Morts. – Paris: Albin Michel, 1998. – 593 p.
176. Davies L. Ark Storm [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=lTNkAwAAQBAJ&pg
177. Delma E. The Sublime Heights of Generous Passions [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=OS3gUnezESQC&pg
178. Drabble M. The Red Queen. – Lnd.: Penguin Books, 2005. – 357 p.
179. Drabble M. The Sea Lady. – Harcourt, 2008. – 345 p.
180. Dumas A. Mes Mémoires Passions [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Rv5jAAAAcAAJ&pg

181. Edwige. Les Ailes ne font pas l'Ange. – Saint-Denis: PubliBook, 2011. – 412 p.
182. Faulks S. A Week in December. – Lnd.: Vintage, 2010. – 392 p.
183. Faulks S. Birdsong. – Lnd.: Vintage Books, 1994. – 503 p.
184. Faulks S. Devil may care. – N.Y.: Vintage books, 2009. – 386 p.
185. Faulks S. Engleby. – Lnd.: Vintage books, 2008. – 342 p.
186. Faulks S. Jeeves and the Wedding Bells. – Lnd.: Aroow Books, 2014. – 340 p.
187. Faulks S. On Green Dolphin Street. – Lnd.: Vintage Books, 2002. – 341 p.
188. Field S., Van der Zee K., Steel J. Prise au piège de la passion. Un inconnu très attirant. Le fiancée interdit [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=OSsLhu3r1TgC&pg
189. Fielding J. Bridget Jones Diary [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/33172492/Helen_Fielding_Bridget_Joness_Diary
190. Forsyth F. Avenger. – Lnd.: Corgi Books, 2004. – 431 p.
191. Forsyth F. The Cobra. – Corgi Books, 2010. – 447 p.
192. Forsyth F. The Day of the Jackal. – Lnd.: Arrow Books, 2011. – 412 p.
193. Fothergill J. The First Violin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=eNTCDwAAQBAJ&pg
194. Fowler Wright S. The Hanging of Constance Hillier: An Inspector Cleveland Classic Crime Novel [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=_U1ob9gdUdgC&pg
195. Fowles J. The Magus. – A Dell Book, 1965. – 604 p.
196. Fry S. Making History. – Lnd.: Arrow books, 2004. – 575 p.
197. Fry S. The Hippopotamus [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=UZNiDwAAQBAJ
198. Fry S. The Liar. – Lnd.: Arrow Books, 1997. – 367 p.
199. Gary R. Une Page d'Histoire et autres nouvelles. – Gallimard, 1962. – 117 p.
200. Gavalda A. Ensemble, c'est tout. – Paris: J'ai lu, 2004. – 574 p.
201. Gavalda A. Je l'aimais. – J'ai lu, 2002. – 157 p.

202. Gavalda A. La consolante. – Paris: Le Dilettante, 2008. – 637 p.
203. Giebel K. Juste une ombre. Fleuve Noir, 2012. – 606 p.
204. Gilbert E. Commited. – Lnd.: Penguine Books, 2011. – 344 p.
205. Grangé J.-Ch Le Passager. – Albin Michel, 2011. – 714 p.
206. Grangé J.-Ch. L'empire des loups. – Albin Michel, 2003. – 573 p.
207. Grangé J.-Ch. La ligne noire. – Albin Michel, 2004. – 606 p.
208. Grangé J.-Ch. Miserere. – Albin Michel, 2008. – 524 p.
209. Greene G. The Comedians. – Penguin, 1967. – 286 p.
210. Greene G. The Quiet American. – Lnd.: Vintage, 2002. – 180 p.
211. Grisham J. The Appeal. – Lnd.: Arrow books, 2008. – 501 p.
212. Grisham J. The Last Juror. – Arrow Books, 2004. – 506 p.
213. Gschwend H. Le clown en moi : autobiographie avec porte-plume [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=YVOvlLgk00IC&pg
214. Hailey A. The Final Diagnosis [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=IvF3CgAAQBAJ&pg
215. Hill G. Moonlight Avenue [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=s7ykDwAAQBAJ&pg
216. Holt T. Doughnut [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=0aX8iVdPZMIC&pg
217. Holt T. Life, Liberty And The Pursuit Of Sausages: J.W. Wells & Co [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=hn1qEfenLWAC&pg
218. Holt T. May Contain Traces of Magic [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=5BXYQV_oiIUC&pg
219. Hugo V. Les Travailleurs de la mer [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Hugo-travailleurs.pdf
220. Ishiguro Kazuo. Come Rain or Come Shine. – Lnd., Faber&Faber, 2009. – 76 p.

221. Jacquelin A. Les couleurs de l'éphimère : Recuil de nouvelles [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=SUw_DwAAQBAJ&pg
222. James P. Not Dead Yet [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=APFG2KNQvu0C&pg
223. John S. Just to See You Smile [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=8ib_AgAAQBAJ&pg
224. Kelly C. Once in a Lifetime. – Lnd.: Harper, 2012. – 469 p.
225. Kinsella S. The Undomestic Goddess. Lnd.: Black Swan, 2005. – 400 p.
226. Laplander R.J. The True Story of the Wooden Horse [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=43apBQAAQBAJ&pg
227. Le moniteur scientifique de Quesneville journal des science [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.mw/books?id=EbPi3MGhCPkC&pg
228. Levy M. Et si c'était vrai... . – Paris: Robert Laffont, S.A., 2000. – 251 p.
229. Levy M. Vous Revoir. – Paris: Robert Laffont, S.A.,2005. – 306 p.
230. Mathews K. Worth the Trade. Lyrical Press book 2014. – 224 p.
231. Matthews C. Calling Mrs Christmas. – Lnd.: Sphere, 2013. – 460 p.
232. Max-Maxence. Meurtres à Cogne-sur-la-Vieille [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=V8ZVDwAAQBAJ&pg
233. McEwan I. Saturday. – Lnd.: Vintage Books, 2006. – 279 p.
234. Mitchell D. Number 9 Dream [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=yU8O4diEAPUC&pg
235. Mosquit H. L'odeur du foin coupé [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ZFqBDAAAQBAJ&pg
236. Moyes J. Silver Bay. – Lnd.: Hodder, 2013. – 390 p.
237. Mullenheim de S. Une fée en mission secrète! [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=lpOwBAAAQBAJ&pg
238. Murdoch I. An Accidental Man. – Lnd.: Vintage, 2003. – 377 p.
239. Musso G. L'appel de l'ange. – XO EDITION, 2012. – 569 p.

240. Musso G. L'instant Présent [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ekladata.com/KQCz-otV6ElpE_aQhhM05TeXMGE/L

241. Musso G. La fille de Brooklyn [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ekladata.com/iukWcsQSgi4hM-pfzhmoKH-Uk0c/La-fille-de-Brooklyn.pdf

242. Musso G. Le Passager. – Albin Michel, 2011. – 714 p.

243. Nee W. Sit, Walk, Stand: The Process of Christian Maturity [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DnG4PxRgKKMC&pg

244. O'Brien P. Master Commandor. – Lnd: Harper Collins Publishers, 1996. – 416 p.

245. Pancol K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. – Albin Michel, 2010. – 945 p.

246. Patterson J. Private: No. 1 Suspect. – Lnd.: Random House, 2012. – 464 p.

247. Phillips S. E. First Lady [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=cwoBncPpD2MC&hl

248. Prévert J. Page d'écriture [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lesvoixdelapoesie.com/poemes/page-decriture

249. Pujade-Renaud C. Vous êtes toute seule? – Paris: Librio. – 121 p.

250. Pym N. Ejaculation éternelle [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Pd2cDwAAQBAJ&pg

251. Radford J. The Wines of Rioja [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Lwzmu3E9IAUC&pg

252. Rémy P.-J. L'autre éducation sentimentale [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=83R6ZjlrERQC&pg

253. Richard J.-P. La Fille tombée d'un rêve. – Albin Michel, 2008. – 252 p.

254. Richards E. L'héritage des Robeson [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=WaFx5TIY9lgC&pg

255. Rimmer Ch., Leigh A. The Marriage Agenda: An Anthology. Harlequin, 2015. – 476 p.

256. Rousseau J.-J. Les rêveries du Promeneur Solitaire [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=_W_dccTwSqwC&pg

257. Sagan F. De guerre lasse. Edition Gallimard, 1985. – 220 p.
258. Sand G. Les Oeuvres choisies de George Sand [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=pu9n3OH8Sc8C&pg
259. Saramago J. The Cave. – Harcourt, 2003. – 307 p.
260. Scott K. I was a Non-Blonde Cheerleader. – Penguin, 2007. – 272 p.
261. Shorley Ch. Queneau's Fiction [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Htib0ZjjgJ8C&dq
262. Sicard Ch. The Low-Carb Restaurant Guide [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=bqPFzl_pfj0C&pg
263. Smith C. D. The House of the Faun [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=J9oEP3yQyUEC&pg
264. Spitale E. Khayelitsha. – Mon Petit Editeur, 2014. – 246 p.
265. Steel D. Bungalow 2. – Lnd.: Corgi Books, 2008. – 527 p.
266. Steel D. Dating Game. – Corgi Books, 2003. – 464 p.
267. Steel D. The House on Hope Street. – Corgi Books, 2001. – 367 p.
268. Steel D. The Ring. – Lnd.: Time Warner Books, 2004. – 344 p.
269. Steinbeck J. The Log from the Sea of Cortez [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=kSe4YaewljoC&pg
270. Steinbeck J. Travels with Charley in Search of America. – N.Y.: The Viking Press 1961. – 246 p.
271. Timothy S. Under the Mountain [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=TStRAAAAQBAJ&pg
272. Toulon-Languet M. Qu'est-ce qu'elles font là ces croix? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=5HwJlmUtjR4C&pg
273. Trollope J. City of Friends. – Pan Books, 2017. – 344 p.
274. Turrow S. Presumed Innocent. – N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1986. – 448 p.
275. Wodehouse P. G. The World of Blandings. – Arrow Books, 2008. – 641 p.
276. Wright Fowler S. The Hanging of Constance Hillier: An Inspector Cleveland Classic Crime Novel [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=_U1ob9gdUdgC&pg

277. Yates D. The Project [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://google.books.ru/books?id=dwFv7Ywblv0C&pg

278. Young J. The Long Gravel Road [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=kWqnBAAAQBAJ&dq

279. Zola E. L'argent. – Moscou: Edition en Langues Etrangères, 1954. – 443 p.

280. Zuniga O. Un rêve en point de mire [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=-M9jlV40zgUC&pg